

Игорь Курышев

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Попытка автобиографии

ИГОРЬ КУРЫШЕВ

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ
ПОПЫТКА АВТОБИОГРАФИИ

Дмитров - 2020

От автора

Почему мои заметки названы «Попытка автобиографии»?

Дело в том, что они и представляли из себя поначалу именно автобиографию (для рукописного фонда музея-заповедника). Когда родился, в каком году, где работал и т.д., привычным объемом в 2-3 страницы.

Но по мере написания автобиография обрастала подробностями, толкованиями, фамилиями и фактами, а они казались совершенно необходимыми для понимания смысла и мотивов произошедшего. Их становилось все больше. Появлялись новые эпизоды и сюжеты, подробности, расцвеченные и олитературенные, которые раскрывают типичные проявления исторической эпохи и личного поведения моего и отдельных ее представителей.

Я пилл, тесал и строгал толстеющее бревно моего повествования, надеясь на философский закон перерастания количественных изменений в качественные, но, в конце концов, решил все оставить, как есть. Ведь эти подробности могут оказаться заслуживающими интереса читателей.

И все-таки это описание именно моей жизни. Добавил несколько фотоснимков (получилась, по словам из песни Э.С. Пьехи, «фотокопия моей судьбы»). Из первоначальных 30 с чем-то страниц повествование достигло-таки 80 машинописных страниц. Но ничего выбрасывать не стал, не хотел повторять поступка Н.В. Гоголя: такой уж нелегкой и многоуровневой была моя жизнь.

Да жизнь и не должна быть легкой - она должна быть интересной.

Так и случилось. Я просто жил в годы, доставшиеся мне. А чтобы интересно рассказать о жизни, ее нужно потрогать руками.

Счастливая ли была жизнь? Из всех встречавшихся определений счастья я придерживаюсь выражения А. Толстого: «Счастье – это ощущение человеком полноты своих душевных и физических сил». Физическими похвастаться теперь не могу, всему свое время, а вот душевными стараюсь не пренебрегать.

Мне кажется (не мне судить), я никогда не делал карьеры и не шагал по головам других, не совершал сознательно подлостей и вредностей, и наверняка наделал немало глупостей и ошибок...

Вот такой оказалась моя автобиография - на фоне эпохи. Худо ли, бедно, но кое-что видел, кое в чем участвовал, кое-что сделал, кого-то обучил и наставил, кому-то помог.

Еще раз хочу подчеркнуть роль, которую сыграли в моей жизни все ее жизненные обстоятельства, добрая моя мать, верные братья, педагоги, руководители и сослуживцы на разных жизненных путях, ученики на разных континентах. Поэтому эти записки и о них тоже.

19 июля 2013 года.

*Народа недра – ныне высший свет,
А не бомонд фальшиво иностранный.
Тот не интеллигент сейчас, в ком нет
Рабочей хватки, мудрости крестьянской.*

Евгений Евтушенко

Я родился 12 июня 1944 года в селении Подюга Коношского района Архангельской области (здесь и далее привожу ударение в словах при первом упоминании слова, особенно в иностранных названиях и именах, чтобы облегчить читателям их произношение. Проще оказалось с языком суахили - об этом будет сказано в своем месте). Что за селение и как я там оказался?

Отец мой, Курышев Николай Александрович, происходил из города Выкса Нижегородской губернии, из семьи мастерового, владельца небольшого чугунолитейного заводика. Потому и высылка. (Как-то в Дмитровском спортмаге я наткнулся на коньки, произведенные на Выксунском металлургическом заводе - это как раз на нем, разросшемся за эти годы).

Фотографий родителей отца у меня нет. Об отце знаю также, что он в молодые годы трудился на строительстве Горьковского автозавода, числился в ударниках, и мать долго хранила не использованный в силу обстоятельств талон на покупку шляпы, которым отец был премирован и все же не уберегший его, когда его как выходца из чуждого класса упекли в эту самую Подюгу. Дальнейший его жизненный путь рассказан ниже.

Мать, Курышева Анна Николаевна, родилась в 1915 году на хуторе Рыбкинский Воронежской губернии. Хутор носил имя моего деда Николая Кузьмича Рыбки, получившего эти земли в награду за безупречную службу в Царскосельском Его Императорского Величества гусарском полку.

В 1904 году он женился на давно приглянувшейся ему красавице Сашеньке (Александре Феодосеевне) Рудневой, вместе с ней обживал новые места, построил дом, завел справное хозяйство, нажил пять дочерей и сына.

Играл на рояле, скрипке. Не запуская собственного хозяйства, был одно время председателем колхоза, потом управляющим этих земель, ставших государственными (кем-то вроде директора совхоза) - до 1929 года.

Потом раскулачивание (чем не кулак, явно больше одной коровы, лошади да пары куриц! При огромной семье всем находилось дело, и все привыкли к труду) и высылка на поселение на Север. Правда, он был загодя предупрежден, но, уверенный в своей правде, скрывать не стал...)

Мать рассказывала, как нагрывавшие в дом комбедовцы живо потаскали из сундуков и комодов приглянувшиеся вещи, деньги, ценности, а их сильный и справедливый отец стоял посреди комнаты и беззвучно плакал: «Как же так! Я же тебе детей крестил... Тебе лошадь давал для пахоты... Тебе хлеб дал до зимы...».

Но только обоз с семьей и скарбом поравнялся с околицей, местные бабы так же украдкой спешно запикивали за пазухи взрослым и детям хлеб, сало, теплую одежду и все, что якобы покрали. (Третьеклассником в 1952 году я был на каникулах в этих местах, и тетя Вера свозила меня на «наш» хутор, и я долго не мог понять, почему старушки так старательно хотели угостить меня «своими» яблочками. Люди помнят!). Все это и помогло семье лютой зимой добраться в начале 1930 до станции Коноши, места высылки – в чистом поле!

– Вот так, – пишет мама, – 15-летней девочкой я оказалась в Подюге. Работала на лесопункте, на раздаче в столовой, заведовала детсадиком. Участвовала в самодеятельности: хоре, драме. В 1934 году вышла замуж. Муж – сын ссыльного. Учился в музыкальном техникуме. Его предупредили, что исключат из техникума и вышлют, а он ушел сам и приехал жить в Коношу, к сосланному отцу. У него взяли паспорт на пропуск и не вернули. Так он остался жить в нашем поселке. Тут самодеятельность в клубе их и свела. (Специально привожу снимки тех лет, хотя можно было найти и посвежее). Много позднее мама показывала мне присланную из Коноши вырезку из местной газеты с рассказом об отце, как он был активен в музыкальном плане и какую память о себе оставил. Оказывается, этот «ссылнопоселенец» основал известный в свое время Ансамбль песни и пляски работников лесосплава Севера. (Боюсь подумать, но не напоминает ли это название какой-то известный ныне коллектив?)

В октябре 1946 года семье было разрешено покинуть поселение и вернуться на родину. Дети женились, выходили замуж, разъехались, одна осталась с мужем в Коноше.

Отец, мама и четверо братьев посчитались по Выксунским и Муромским местам (они рядом, через Оку) и осели в большом селе Фоминки, районном центре Владимирской области. Отец трудился в райкультпросветотделе и Доме культуры, мама была какое-то время учителем пения в средней школе. Потом работала счетоводом в райпромкомбинате.

У меня сохранилось много воспоминаний об этом предприятии местной промышленности. Так, там валяли валенки, в конце длинного цеха грохотал движок, по всему потолку тянулась стальная трансмиссия, от которой к станкам и прессам свисали ременные передачи, и было страшно смотреть, когда рабочий запускал или оставал навливал станок – надо было изловчиться и накинуть или сбросить ремень, рискуя попасть между трансмиссией и ремнем рукой – за просто оторвет или размозжит. В кузнице ковали коней и изготов-

ливали всякие железные изделия; я как-то замешкался и наступил на неостывшую подкову, сжег сандалию до голой ноги. Пилорама пилила бревна и доски для всяких нужд, здесь можно было вдоволь поваляться на свежих опилках... В столярном цеху сколачивали и ремонтировали примитивную мебель, делали гробы. Тут к услугам ребятни торы пахучих опилок.

Было в Фоминках и другое подобное предприятие - райпищеккомбинат, но о его продукции и деталях производства я таких подробностей сказать не могу, потому что мама там не работала.

Из детских воспоминаний помню также, что в центре села постоянно крутился на самодельной коляске на подшипниках, отталкиваясь руками, безногий инвалид, всегда угрюмый и злой, деревенские его подкармливали, совали денег, кто сколько может, мужики наливали стопочку. Так и жил при народе, бедняга, пока куда-то не делся.

В Фоминках и прошло мое детство. Непросто, но как-то жили. Поменяли несколько квартир (искали побольше и подешевле), помню бесконечные огороды, коз, которые вечно приходилось искать по вечерам, добрых и внимательных к сиротам соседей.

Однажды заигрался с детьми так, что потерял прямо с ног валенки, которые стоили мне порки от отца (*Строг был! Кстати, это единственное детское воспоминание об отце, за исключением тех, что связаны с его смертью*). А то от неопытности так раскачал в люльке разорвавшегося братишку, что просто вывалил его на пол, и на истошный крик прибежала соседка Татьяна Ивановна (мама была на работе) и еле успокоила малыша (она же его потом и окрестила, за неимением настоящего священника - мама боялась, выживет ли он, печальный случай уже был). Татьяна Ивановна держала кур, для которых мяла вареную картошку в мундире, добавляла туда хлебные корки и, не выдержав наших голодных глаз, одаривала меня и Сашку этим лакомством. Сашка той поры запомнился еще тем, как он на своем языке запоминал наши имена. Себя вместо Александра он переименовал в Лексиндента, Женю вместо Евгения Николаевича именовал Индеем Накрывалычем, мое имя получалось у него попроще - Илькака.

Еще вспоминается, как я заболел корью, лежал в темном углу за печкой, и меня навестила мамина сослуживица, билетерша Дома культуры, почему-то усатая тетка, и одарила меня просто царским подарком - кулечком конфет: штук пять крохотных посыпанных шоколадом «подушечек», и я до сих пор помню их редкий для нас вкус сладости.

Как однажды мама поставила на стол целую вазочку патоки и дала нам вдоволь (если бы!) ложками (да, по правде, малюсенькими ложечками!) нахлебаться этой вкуснотищи (теперь таких отходов сахарного производства уже и не сыщешь, а тогда это был настоящий праздник!). А то поставила в избе настоящую елку, украсила сохранившимися старинными, сохранившимися от семьи деда, и само-

дельными игрушками, добавила к ним леденцов в конфетных обертках, пряников, грецких орехов, яблок, припасенных для этого случая, послала нас пригласить соседских детишек и устроила для них (теперь-то понимаю, что для нас) настоящий праздник, и всем было позволено ножницами срезать с ветки приглянувшуюся конфетку или другой гостинец и унести ее домой, в такую же бедную семью.

В 1950 году отец умер. Помню, меня привела из садика чужая тетя, мой отец в гробу в лекционном зале районного Дома культуры, венки, цветы, траурный караул из школьников, митинг у могилы, вел его секретарь райкома. Осталась мама одна с четырьмя сыновьями пяти (это я), семи (Евгений), одиннадцати (Владимир) и четырнадцати (Юрий) лет. А пятый (упомянутый выше Александр) родился через шесть месяцев после смерти мужа (*вообще-то по-настоящему третий умер раньше младенцем, потом родился другой, снова третий, названный тем же именем*)...

Вот тут «досталось мне похлеще, чем в ссылке. Горя я хлебнула. Ой, как после смерти мужа мне было трудно вырастить и выучить детей. Образование - четыре класса начальной школы» (далее учиться не пришлось). Старший брат Юрий был отправлен учиться в Горьковский строительный техникум («на казенный кошт»), двое (Владимир и Евгений) определены в Фоминский же детский дом, где их кормили, одевали, учили и где их было можно посещать (чем я охотно и часто пользовался, и об атмосфере в детдоме у меня, как и у братьев, его воспитанников, сохранились самые добрые воспоминания; я, например, помню, как председатель одного окрестного колхоза привез детдому воз картошки, оценил сиротские заботы - и отправился в райком партии с просьбой направить его директором детдома).

Вообще, Советская власть по-человечески отнеслась к нам, сиротам. Я и малыш Александр остались при маме. Держалась она стойко. Иногда из своего скудного заработка давала нам на мороженое, при этом запрещала выпрашивать по-нищенски «рублик», велела говорить «рубль» и всегда выдавала его. Теперь-то я понимаю, с каким сердцем это говорилось и за счет чего делалось.

Помню еще, как-то в урожайный год в наш продуктовый ларек завели дешевые яблоки, так она купила целый ящик, и мы наелись их вдоволь, «до отвала».

Детские мои похождения были, как и у других деревенских мальчишек. Дед Юрки Попова сажал свою махорку, вешал ее в сенях для просушки и дымил потом на весь дом, так мы отщипали по доброй порции этой махорки и забрались ее курить подальше от взрослых - в самый дальний угол сеновала, куда и просто добраться было не просто, а не дай бог загорелось бы сено - и вовсе не выкарабкаться. Кстати, курить нам не понравилось, больше не стали.

Еще пристрастились бегать к кладбищенской сторожке, там жил бездомный мальчишка, который лихо сплевывал сквозь зубы, мастерски матерился и по заявкам слушателей завлекал нас песнями явно не детского содержания.

Фоминки были большим селом при огромном пруде в самом центре, как я потом понял, со всеми признаками богатой помещицкой усадьбы – огромным собором на самой верхней точке села, обширным парком с неизменным прудом, до сих пор называемым Барским, и остатками барского же дома на берегу.

Маму скоро пригласили в Дом культуры директором – с ее-то образованием! Помнятся постоянные выезды агитбригады на уборку урожая и покосы. Помню, драмколлектив Фоминского дома культуры был со спектаклем «Машенька» по пьесе А. Анфиногенова отобран на областной смотр, упорно готовился и репетировал, но исполнитель одной из ключевых ролей – молодого повесы и бабника – почему-то не мог поехать во Владимир, и в безвыходном положении мама-директор уговорила меня, девятиклассника на каникулах, его заменить; мне накрутили какую-то немислимую кудрявую прическу повыше, подобрали каблучки повыше, заставили выучить роль, порепетировали пару раз, и мы отправились на смотр. Как прошел спектакль, не помню, но жюри дало нам какое-то не самое низкое место и особо отметило, что на главного героя подобран, кажется, не совсем взрослый исполнитель...

Гораздо более талантливым был старший из нас – Юрий, его при первой возможности привлекали к конферансу на всевозможных концертах ДК, он также потешал публику много-численными анекдотами и потешками. Некоторые мне запомнились. Вот пациент с несварением желудка на вопрос врача, что он съел, начинает вспоминать:

*У ворот Икитских,
Около кино,
Я, как говорится,
Скушал эскимо.
Отошел в сторонку
И часок-другой
Баловался газированной водой
Около Тимирязева
Постоял чуток,
Для разнообразия
Скушал пирожок,
Запил кислым квасом,
Сразу окосел.
Больше ничего я
Не пил и не ел
Историю чьей-то любви он излагал так:*

*Подарил тебе я ленту
И заколку для волос.
Вроде с этого момента
Чтой-то сразу началось.*

А в завершение какого-то стихотворения о деревенской жизни вставлял:

*Дед крадется на полати,
Гусь пасется на лугу...
Про аграрную тематику
Ку я больше не могу!*

Судя по всему, неожиданный перенос незаконченного слова на следующую строчку был у него любимым средством потешать публику. Он также обладал музыкальным слухом и голосом и часть выступал с популярными тогда лирическими песнями. Помнится такая:

*Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привел к тебе в дом, у тебя не спросив.
Строго взглянула ты на жену молодую
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв...*

Причем мама никогда не пользовалась своим служебным положением, и если нас пропускали в кино без билета, то исключительно по инициативе сердобольных билетерш.

Запомнился также случай, как мы с Женей пришли в ДК на новогодний бал, одним из развлекательных номеров которого был розыгрыш какой-то вазы или фотоальбома, но с неизменным условием: участникам надо было обязательно быть учащимся или студентом и предъявить в доказательство ученический или студенческий билет. Ну кто потащит их на новогодний бал? А Женька учился тогда в ремесленном училище, пришел на бал прямо в форменной одежде (ничего более выходного у него и не было) и смущенно продемонстрировал требуемый документ. Приз с гордостью доставлен домой и чуть не вызвал гнев мамы: что подумают люди, не знала ли она об условиях розыгрыша и не подсказала ли сыну?

Потом мама была художественным руководителем ДК (пригодилось неформальное, но разностороннее домашнее воспитание и опыт, приобретенный на самодеятельной сцене в Подюге). Когда устала от этой работы, оказалась в должности кассира в том же Доме культуры. Потом была кастеляншей в райбольнице, ученицей швеи в ателье (другой вакантной работы не было, и вот этой ученице доверяли учить мастериц кройке, шитью и вышивке). Заканчивала трудовую деятельность помощником кассира в Фоминском отделении Госбанка.

Из этого периода ее работы сохранились два воспоминания. Во-первых, премьер-кассиром банка был отставной военный моряк, и как-то раз он вдруг расхохотался, выбежал из кассы и вызвался обслужить без очереди ожидавшего у кассы посетителя – оказалось, тот тоже был прежде моряком, в большой очереди перед кассой, мяг-

ко скажем, раздосадовал и инстинктивно выразил свое раздражение соленой фразой по азбуке Морзе, на которую и среагировал кассир. Во-вторых, у мамы сложились добрые отношения с управляющей банком Антиповой. Супруги Антиповы бывали у нас в гостях, и после стопочки Алексей Иванович распевал всем знакомую песню с подсочиненным им же припевом:

Ехали цыгане

С ярмарки домой, да домой.

Вдруг остановились

Под яблонькой густой.

Эх, загулял, загулял, загулял

Парень молодой с бородой,

В красной рубашоночке,

Один зуб золотой.

Вынянчив детей других своих детей, переехала к нам на помощь бабушка, мать нашей мамы, Александра Федосеевна Рыбка (на снимке отсутствует брат Владимир). Выше она названа по отчеству Федосеевной, наверное, по имени своего отца Феодосей, но правильно было его называть Феодосий по-церковному либо Федоровы по-русски; в нашей семье ее называли и похоронили с отчеством Федосеевна, что кажется одинаково неверным. Вероятно, по местной воронежской традиции и мою мать называли при рождении украинским именем Ганна с мягким украинским г, но все здесь по-русски обращались к ней Галя, или тетя Галя, так ее звали сестры и племянники. Так же одна из Рыбок, московская тетя Зина, значилась по фамилии Рыбко. Бабушку вспоминаю по объявившейся в красном углу иконе. Чтобы не быть в тягость, она начала делать из цветной бумаги похоронные венки и отдельные цветы, на которые оказался большой спрос из-за качества и дешевизны.

Мамины сестры часто присылали нам посылки - то шмат сала, то кулек конфет и пряников, то просто пакет семечек, но поддерживали, как могли. Помню также редкие посылки с пуховыми платками домашней вязки – здесь они продавались немного дороже.

Рыбки часто писали друг другу, пересказывали новости друг о друге. Тетя Вера (с маминой родины, простая совхозная скотница) приезжала к нам со своим младшим сыном, приезжал и их единственный брат – дядя Коля из Сочи. Тетя Оля была в Новохоперске замужем за служащим железнодорожной станции, я у нее гостил в 1952 году. А когда тетя Зина получила с сыном отдельную квартиру в новом районе Москвы, приехала к ней погостить еще одна сестра (кажется, тетя Клава из Коноши, они друг друга ласково называли аквариумом). Взаимопомощи и семейной спайке у них (Рыбок) надо учиться. Про бабушку вспоминаю также их частые споры с мамой. Старшая, пожившая в нужде и несправедливости, была недоверчивой к людям, готова была обвинять всех априори, мама же, тоже ис-

пытывавшая в жизни немало, пыталась найти оправдание чужим проступкам, не спешила судить, даже если не могла оправдать. И все ее сыновья выросли такими.

Чтобы закончить рассказ о маминой родне, упомяну, что одна из ее сестер была в 30-е годы в Днепропетровске замужем за секретарем обкома партии; однажды к ним заехал старый друг мужа по гражданской войне, замнаркома тяжелой промышленности СССР, и они, чтобы не тревожить семью, заперлись в столовой и провспоминали всю ночь; наутро все разошлись по делам, а тетя, вернувшись вечером, узнала, что обоих днем арестовали за подозрительные разговоры; ее потом тоже допрашивали, о чем таком они взаперти разговаривали, ничего не добились, но все равно посадили; оставшихся без родителей детей сначала приютили соседи, потом из рук в руки передали по сестрам, которые сами были «ссылнопоселенками».

Кроме того, один из ее двоюродных братьев был недолгое время нашим полпредом в Китае при правительстве Чан Кай-Ши; быть в таком качестве без супруги невозможно, и он второпях женился на польстившейся высоким рангом девице, та прособирилась с приличествующими ей шмотками да так и не выехала за мужем, а он от тоски и непривычно-го климата заболел чахоткой и вскоре умер. Фамилия его была Руднев.

Запомнился громкоговоритель на бывшей часовне недалеко от мамино-го Дома культуры и столпившиеся возле него люди, слушавшие сообщение о раскрытом заговоре врачей «с целью убийства Сталина». Люди слушали угрюмо и в целом как-то безучастно, хотя некоторые и призывали: «Повесить этих гадов!». Зато 5 марта 1953 года, когда этот же громкоговоритель сообщил о смерти великого вождя и учителя, толпа просто разразилась непоказными рыданиями -что же теперь с нами будет? Как же мы без Сталина? В день его похорон нас собрали в школьном спортивном (он же актовом) зале, и тут уж и учителя, и ученики дали волю своей скорби. (Девчонки из Александровского педучилища сговорились и вообще махнули в Москву; электричек тогда еще не ходило, они долго тащились чуть ли не на подножках вагонов с паровозом до Загорска, там только пересели на электричку до Москвы, устали, утрастились толпы на вокзале и вернулись домой, тем и избежали страшной давки на похоронах. Об этом много лет спустя мне рассказывала моя жена, одна из тех студенток).

Ну а я учился в Фоминской средней школе, из которой меня в конце 4-го класса (вот он на снимке с Еленой Максимовной Мамоновой, моей первой учительницей) исключили на неделю за то, что мы с пацанами заигрались, нарезали из окружающей школу акации палок и с упоением «отражались» ими «в войну» (позорный факт в биографии будущего деятеля просвещения! Потом я встретил этого бывшего директора школы П.М. Егорова уже в интернате учителем химии,

он этого мелкого события не помнил, но, в целом, отзывался о нашей семье хорошо, и пришлось его простить).

Летом 1953 года пришлось отдыхать в пионерском лагере, размещенном в начальной школе деревни Осинки - первый и единственный раз за всю жизнь. Помню утренние линейки: наша звеньевая (Еаля, дочь Фоминских аптекарей) решительно выступала к флагштоку, и о ее резиновые ботики на тоненьких ножках гулко стучали стебельки трав, что поглубе. Сидя на школьном крыльце, с интересом читал принесенную братом Вовой книжку о героях-китобоях (тогда это воспринималось именно как геройство, а не истребление и без того исчезающих животных), которая заканчивалась стихами:

*Так спасибо за этот подарок
Китобойной флотилии «Слава!».
(это о рыбьем жире для детей).*

Помню также, как мы собирали якобы аптекарскую ромашку по сторонам деревенской улицы, и одна модница выставила напоказ на подоконник свой патефон, родоначальник всех последующих проигрывателей, и заставляла нас и всю деревню слушать одну и ту же пластинку - возможно, единственную у нее:

*Вьется вдаль тропа лесная,
Светят звезды ранние.
Буду здесь всю ночь без сна я
Ждать с тобой свидания. ...
Свидание, судя по всему, срывалось:
Без любви бродить по свету –
Нет судьбы печальнее.
Я хожу - тебя все нету.
Гаснут звезды дальние.*

1954-55 учебный год провел в санаторно-лесной школе в селе Воскресенье под Покровом (две смены, бесплатно, конечно, сирота же), которую тепло вспоминаю, встретил там некую Валю Короленку, которая тоже когда-то жила с матерью в Фоминках, была в том же детсаду и чья мать потом несколько лет доставала меня намеками на какую-то детскую любовь. А места там и вправду были лесными!

Помню, из соседнего села Желудьево надо было идти сыпучими песками через еловый лесок, обходя избушку какого-то ветхого бобыля, которого нам всем было жаль до такой степени, что написали «жалостное» письмо самому Ворошилову. Конечно, взрослые его перехватили и вовремя замяли дело. Нашей воспитательницей была Лидия Михайловна Шашкова, ее муж Василий Архипович был баянистом и музыкальным руководителем.

Помню и других учителей (это был 5-й класс, впервые отдельные учителя по каждому предмету, в малокомплектной школе многим приходилось совмещать), но многих имен уже, к сожалению, не помню, эти добрые люди меня простят.

Летом 1956 года семья - мама и двое младших сыновей - на время ремонта нашего дома ютилась на погребке, места было мало, и меня, 12-летнего пацана, отправили в путешествие по Оке - она километров 7 от Фоминок (на другом берегу реки была пристань Жайск), мимо поворота на памятные Осинки) в гости по папиной родне. Первый раз плыву на пароходе, тогда еще с огромными лопастями и ревущим гудком.

В Выксе нашел тетю Симу, адвоката, прежнего городского прокурора (прежде, говорит, была вооружена пистолетом, а теперь сами бандиты ее оберегали).

От нее, кроме родственных ласок и советов, узнал, что когда-то семьи отцовых предков носили фамилию Матвейчевы, но один из них, знатный егерь, был страстным курильщиком, не выпускал самокрутки изо рта и имел потому кличку Курыш, с чего и пошла наша фамилия.

Потом пароходом же отправился в Горький (прежде и снова Нижний Новгород), там жила папина сестра тетя Маша, ее муж дядя Сережа Мазурин был начальником одной из рядом расположенных пристаней, они жили в доме почти напротив нее на самом верхнем этаже, я бы сказал, на чердаке, в комнатке, больше похожей на чулан. Много ходил и ездил на трамвае по Горькому, который после Фоминок мне казался просто огромным, по-современному сказать, мегаполисом. Из репродукторов всюду неслась французская песенка про прекрасную Мари:

*Да, Мари всегда мила,
Всех она с ума свела...*

Весьма популярна в Союзе была также «Красная розочка» (кажется, польская). Последний куплет ее звучал с неподражаемым акцентом:

*Как у нас в садочке, как у нас в садочке
Розочка зреет,
И любовь, как роза, и любовь, как роза,
Уж расцветает.
Я нэ хочу больше ждать, повеьрь, что
Я тебя люблю.
Красную розочку, красную розочку
Я тебе дарю.*

Оттуда переехал в город Дзержинск, там жила еще одна папина сестра, про которую из памяти все стерлось.

Кроме теток, знаю про одного отцова брата, дядю Володю, которого позднее, кажется, в 1962 году, вместе с братом Владимиром навещал, мне помнится, в Балашихе, но от этой встречи тоже в памяти не много осталось.

С ноября 1956 года я учился в Пигановской школе-интернате (это рядом с Владимиром, а теперь и вовсе Пиганово вошло в состав города) - одной из первых в СССР, о ней ЦСДФ даже в 1957 или 58 году сняла эпи-

зод для киножурнала «Новости дня» (я тоже в него вошел - каким-то пацанам помогал заправить постель и дружески хлопнул потом одного по задку, молодец, мол, шагай дальше) как о еще одном хрущевском нововведении (позднее преобразована во Владимирскую среднюю школу-интернат №3, где-то в 60-х годах закрытую, теперь в этом месте известное заведение для реабилитации детей-инвалидов, пострадавших в ДТП. А жаль: и идея, и ее реальное воплощение были, могу теперь сказать, гениальными).

Коллективизм, стремление к полезным знаниям, культурное воспитание, готовность к общественно-полезному труду. Не говоря уже о теплом крове, полноценном питании, достойной одежде - многого бы мы не имели в трудных по тогдашним послевоенным временам семьях. А 26 ноября 1956 года мама привезла меня во Владимир на первый сбор; медкомиссия, слезы мамы при прощании, рассадка по саням (другим транспортом в Пиганово было не добраться), настороженное знакомство по дороге, и часа через полтора мы на новом месте. Самые старшие из нас – мы, шестой класс.

Наш класс съезжался в Пиганово на 20-летие выпуска и немало погрузили о своей alma mater. Если при мне поганят детдомовских и интернатских, то всегда защищаю их: присмотритесь лучше к себе, худители. А я считаю, что лучшим в себе обязан именно своему интернату. Да плюс институт, комсомол, опыт, приобретенный в работе.

Пиганово досталось нам от закрытого (ради нас) детского дома. Что там было до него, не знаю, но сохранились явные признаки богатой помещичьей усадьбы дореволюционной кирпичной застройки - громадная двухэтажная церковь, первый этаж мы использовали как пищеблок (кухня, столовая, кладовки), второй как клуб (зрительный зал со сценой, пионерская комната, библиотека, радиоузел); двухэтажный спальный корпус «красный корпус»; а также деревянной постройки двухэтажная школа, большой, правильной планировки липовый парк, почти обрывающийся к неширокому оврагу с речушкой на его дне; большой копаный пруд; где-то здесь угадывается бывший барский дом, давно в обозлении снесенный; добротные хозяйственные постройки (кладовая, скотный двор) – в общем, все, что характерно для дворянской усадьбы, как я потом представлял этот вид селения. Осталась и деревушка в несколько крестьянских изб, снесенных уже при нас. Видно, здесь жил небедный помещик по фамилии Пиганов, не иначе. Владимирским краеведам это известно лучше. К этому доставшемуся от помещика хозяйства бывший детдом добавил двухэтажный оштукатуренный кирпичный корпус («белый корпус»).

Года с 59-го началось новое строительство – школы, спального корпуса, столовой, кухни, жилья для персонала. Устаревшие постройки стали сносить, мы увлеченно махали кувалда-ми, ломанами, топорами. Нашему напору поддавалось почти все. Не поддавался только один старый барский амбар из закаленного кирпича. Помощь при-

шла из расположенного рядом танкодрома Владимирского танкового училища. Грозный танк развернул башню назад, порычал, с разбега устремился на преграду – и прошел амбар насквозь, оставил в стенах просветы по форме машины – и не тронул ни одного угла. Танкист озадаченно оглядел содеянное и принял новое решение. Пришлось крушить углы по очереди.

Что еще вспоминается об интернатских годах? Во вторую же зиму упали под ветром и обесточили нас ветхие столбы электролинии от главной дороги до нашего поселка, в корпусах холод собачий, а на улице метель, мороз. Закрывать? Но мы уже взрослые, мы - коллектив, и вместе с директором и мужчинами из персонала отправились на лошадях в лес, напилели новых столбов, выдолбили ямы и восстановили линию. Победа! Как премию получили экскурсию в Москву, где я впервые увидел «живую» электричку, а в павильоне ВСХВ уперся лбом в зеркальную стену и удивлялся, почему меня не пускают в следующий зал, который на самом-то деле оказался просто отражением того, что 9 у меня за спиной. На снимке я стою четвертый в первом ряду.

На первомайской демонстрации 1958 года во Владимире мы в одинаковой школьной форме со своим оркестром гордо вышагивали во главе с директором (вообще-то впереди шел председатель Совета коллектива, но как раз меня обрезал фотограф) перед изумленными обывателями: что это за войска такие? А нам-то всего по 14 лет самым старшим.

Не могу сразу не сказать о первом нашем директоре Федоре Устиновиче Сочневе отдельно. Сильный был педагог! Помнится, не разехавшихся как-то на зимние каникулы (далеко и дорого) мальчишек постарше он осторожно, чтобы не потревожить мелюзгу (как бы не увязались с нами) разбудил пораньше, посадил в те же сани, повез в принадлежавший интернату лес и дал всем пострелять из привезенного с собой его же настоящего охотничьего ружья. Настоящих мужчин воспитывал. Вел у нас физику. Как-то на уроке, демонстрируя опыт, вызвал к столу ученика, а сам отошел подальше и объяснил, что так безопасней. Через пару лет он чем-то не сошелся с завоблоном, посмел отстаивать свои методы и был переведен в какую-то вечерку. Мы по-настоящему осиротели (а ту вечерку от так же заставил греметь). В 82-м году мы (первый выпуск интерната, пережившие трех директоров) его посетили, нашли вместе с Верой Сергеевной совсем старенькими, но в твердой памяти. Вот уж повспоминали...

Светлая им память от всех нас!

После Ф.У. интернат пару лет возглавлял Василий Николаевич Сидякин, переведенный из Александрова (вслед за ним в Пиганово и появилась большая группа педагогов из этого города) Ничем осо-

бенным он нам не запомнился, зато славился экстравагантными репликами и за это получил у нас пару смешных прозвищ.

Завучем была Татьяна Семеновна Байбурина (на первомайской фотографии рядом с директором). Красивая, статная, сильная как учитель истории, она казалась главной хозяйкой школы и по-настоящему заведовала нашим воспитанием. Не случайно потом была переведена секретарем Суздальского райкома партии. Кстати, на нашем съезде 82-го года она председательствовала и заставила всех рассказать, как сложилась наша жизнь, чего достигли, надавала замечаний и советов и всем поставила по пятерке.

Первым нашим воспитателем был Федор Иванович Фадеев, закоренелый холостяк лет 30, длинный и худой (найдете его на снимке экскурсии в Москву 1957 года и на соседней фотографии 1958 года, верзила в белом костюме), который отличился вычурными непедagogическими наказаниями мальчишек и потому получил у нас кличку Окнеракам (Макаренко наоборот). Быстро исчез, но через несколько лет заехал в Пиганово с группой воспитанников другого, кажется, Ковровского интерната, чем вызвал у нас ностальгические переживания.

Вторым воспитателем была Лидия Ивановна Шокина, ее прозвище было Облава за умение отыскивать нас в самых секретных местах за самыми секретными занятиями. Со временем она переехала в село Черкутино, стала там директором средней школы, и однажды я проезжал мимо на своей машине и не без труда нашел ее, постаревшую и расчувствовавшуюся от неожиданных воспоминаний. Классным руководителем была Анна Ивановна Черник, никогда ничего нам не преподававшая. Ее муж, прихрамывающий Иван Иванович, был задлым шахматистом и заставил нас играть бесконечные турниры, должным образом оформлял их в федерации, кто-то неизбежно выигрывал, и нам время от времени присваивали положенные спортивные категории, так что я получил третий юношеский разряд по шахматам, в которых до сих пор мало понимаю и которые терпеть не могу (мозги от них кипят). Он в 61-м году купил рекламируемый тогда «Запорожец» самой первой модели и раскатывал на нем по Пиганову, а то просто что-нибудь очередное ремонтировал и вызывал смешанное чувство зависти и сожаления.

Жизнь в интернате была ключом. Действовал Совет коллектива, который был вправе решать любые вопросы (похвастаться могу, что я был его председателем). Члены Совета коллектива и остальные активисты носили петлички разного цвета в зависимости от комиссий, в которых они состояли с соответствующим их рангу числом звезд, некоторые еще и особые вымпелочки «РП» - радио и печать, стенная, конечно (вот он на фотографии рядом).

Школа владела большим лесом, лугами, садом, при котором был огород, картофельным полем (на нем была съемка знаменитого танкового боя из «Баллады о солдате», когда В. Ивашов, игравший Алешу Скворцова, уворачивался от «фашистских» танков с расположенного рядом танкодрома. Мы, конечно, все это видели из кустов, потом вместе со съемочной группой (в т.ч. В. Ивашов, Ж. Прохоренко, почему-то запомнились Н. Крюков, Е. Урбанский, а также гримеры, операторы и пр.) купались в нашей речке.

В соседнем селе Спасском снимался эпизод, когда колхозники сбегались с пригорка, чтобы встретить добравшегося-таки до родной деревни парня, я был в их числе, но за сотни просмотров фильма до сих пор себя не нашел, став, таким образом, неудавшейся во второй раз кинозвездой.

Из числа воспитанников постарше под руководством взрослых работала пионерская фабрика «Юные мастера», были цеха столярный, слесарный (я начальник), швейный, сапожный, электроцех, мы делали простую мебель, шили и ремонтировали белье, обувь, ремонтировали электроплитки, утюги, розетки, вилки. Дело увлекало всех.

Был у нас и скотный двор – коровы, свиньи, лошади. В 1960-м году получили большой доход от хозяйства, и Совет коллектива решил закупить спортивный инвентарь, девочкам халатики (по вещевому довольствию не было положено) и домашние тапочки. Выделили деньги для покупки собственного автобуса. Отличившимся ребятам начислили премии. У меня и еще у десятка человек, например, по 10 рублей (родительская плата была, для сравнения, 5 рублей в месяц. Деньги решено не тратить, а открыли каждому сберкнижку до выпуска.

Как-то все разом заболели все скотницы и доярки, за дело взялись мы сами (я тоже доил коров), за что были премированы поездкой в облтеатр; вот уж снова подивилась городская публика на этих интернатских! Вообще в театре бывали не раз, особо запомнились поездки на «Красных дьяволят» (помните «Неуловимых мстителей»? Фильм поставлен по этой пьесе), комедию «Факир на час» Дыховичного и Слободского.

Лето 1958 года запомнилось недельным шлюпочным походом от Владимира вниз по Клязьме до Коврова. Сплошная романтика! Сопровождавший две наши шлюпки опытный матрос по фамилии Обдиркин обучал нас своим речным навыкам и терминам, семафорным переговорам и был для нас непререкаемым авторитетом.

Во время одной стоянки на отдых пришлось спасти Таню Елкину, попавшую в водоворот, она даже уже на берегу продолжала от страха сжимать мне шею и умолять: «Игоречек, миленький, спаси!». (Году в 70-м я неожиданно встретил ее в областном институте усовершенствования учителей на очередных курсах физиков, незаметно подкрался сзади и вслух громко произнес ее школьное прозвище: «А что тут Елка-налка делает?» Что тут было!).

Воспользовавшись пребыванием в Коврове, нашел там брата Евгения, работавшего после ремесленного училища на знаменитом оружейном заводе и снимавшего у местного жителя койку пополам с детдомовским приятелем Сашей Луговкиным (на двоих дешевле). Как втроем на одной кровати и проспали.

А в самом интернате неумолимая и по-старомодному культурная Вера Сергеевна Сочнева нас учила бальным танцам (падеспань, падепатинер, краковяк, до контрданса, полонеза и мазурки дело не дошло, из современных отдали дань каким-то «Коробейникам»). Позднее ставили спектакли, с одним даже гастролировали по окрестным клубам.

Первым музыкальным руководителем у нас был Виктор Адамов из бывшего Пигановского детского дома, мы звали его просто Витей, без отчества. Он скоро уехал по комсомольской путевке строить железную дорогу Абакан – Тайшет (Братская ГЭС, Байкало-Амурская магистраль и другие всесоюзные комсомольские стройки были еще впереди). Меня он почему-то тренировал пению вторым голосом, и мы выводили вдвоем:

*Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых,
А я люблю женатого...*

Его сменил Виктор Григорьевич Галактионов, выдающийся баянист, он организовал в клубе струнный и духовой оркестры (я в нем играл на альте С-2: ис-та, ис-та, ис-тататата; этот оркестр мы видим на снимке 1958-го года). Он же руководил школьным хором, на его занятиях никого не надо было загонять, а некоторые его программы транслировались на областном радио. До сих пор помню, как на городском конкурсе школьных хоров выводили, изображая морскую стихию, хор из оперы Серова «Рогнеда»:

*Застонало сине море,
Расходился грозный вал.
Разбросало, раскидало
В синем море да ладьи...*

В 1958 году во Владимире отмечали 850-летие города (теперь существуют и другие версии года его основания, кроме 1108-го). В.Г. написал «Песню о Владимире», один из куплетов которой шел так:

*Сегодня с утра поздравленья
Примчались со все городов.
Ты празднуешь свой день рожденья -
Восемьсот пятьдесят годов.
Сегодня и солнышко краше,
Сегодня и смех веселей.
Красивый, счастливый,
Ты празднуешь свой юбилей.*

*Владимир, стоишь ты твердыней в веках.
Владимир, ты гордостью бьешься в сердцах.
Владимир, в веках ты стоишь над страной,
Как русской, как русской земли часовой.*

Может быть, тогда и зародилось во мне почтение к русской древности, заставившее без лишних разговоров полюбить и наш Дмитров.

Виктор Григорьевич купил диковинный тогда мотороллер (он жил не в Пиганове) и великодушно позволял пацанам постарше покататься. Я гоже был допущен (это было, кажется, классе в восьмом), но однажды на полевой дорожке не справился, куда-то заехал, что-то чуть погнул и был от дальнейшего эксперимента отстранен. Следующее общение с моторизованной техникой произошло через год, когда Валерка Бубнов и Славка Карасев на какой-то почве сошлись со школьными шоферами, получили доступ к гаражам и ключам зажигания и втихомолку овладевали искусством; я однажды оказался свидетелем, и чтобы не настучал, мне тоже дали порулить с полкилометра, а заодно дали отхлебнуть припасенного моими инструкторами винца. Валерка ловко освоил игру на баяне со слуха, и мы распевали популярную тогда песню украинского композитора А. Майбороды:

*Ридна маты моя, ты ночей нэ доспала
И водыла мэнэ у поля вкрай сэла,
И в дорогу далэку ты мэнэ до зори провожала
И рушнык вышиванный на щастя дала...
или песню В. Мурадели «Журавли»:
Высоко летят под облаками
И курлычут журавли над нами.
Вдаль скользят по ветру легкой тенью,
Таюти птици в синеве осенней...*

Мы были весьма востребованным дуэтом, нас даже взяли в совхозную концертную бригаду села Спасское и однажды пустили за общий стол подкрепиться после гастролей, да так хорошо оказалось в общей компании, что возвращаться в интернат пришлось задворками, но нас таки увидели, и потом Валерке выговаривали за позорное пьянство, а мне по другому поводу: «Какой же ты комсомолец, если позволил Бубнову напиться!». Чудеса!..

Часто организовывали киносеансы, для чего перед сценой прилаживали экран, посреди зрительного зала ставили киноаппарат, и мы, старшеклассники, специально обученные Федором Устиновичем, по очереди «крутили кино», перезаряжали бобины. Было школьное радио (я был ее редактором, заведовал радиоузлом и имел свой ключ ко всему клубу) с еженедельной школьной радиогазетой, его несколько раз даже представляли на областном радио. (Помню, как-то заметил стоявшие под лестницей бесхозные портреты некоторых государственных деятелей, решил обидеться за них и развесил портреты по стенам радиоузла, получилось красиво, но заглянувший в помеще-

ние Федор Устинович почернел с лица, собрал портреты, отправил их подальше и строго наказал мне никому о проявленной мной сообразительности никому не говорить – это оказались портреты только что отправленной в отставку антипартийной группы»).

Летом из кирпичных спальных корпусов всех переводили на крытую веранду. Много было спортивных соревнований (организовывали и судили мы сами, в первую очередь, освобожденные от физкультуры), даже участвовали в областных (я еще в школе стал судьей I категории по баскетболу). Проводили воскресники (субботы - учебные) на территории (раз при уборке ломаной мебели, вывезенной из закрытого Суздальского детдома, я обнаружил вешалку с приклеенной к ней этикеткой «Курышев Женя»), в подсобном хозяйстве. Все организовывали тоже сами и сами подводили итоги. Автомобильные поездки в кузове грузовой полуторки, вповалку на матрасах, с экскурсией в 1959 году на химическое производство в Дзержинск (где укрепился в своем впечатлении 56-го года как о необыкновенно вонючем месте с массой химических заводов со стойкими запахами) во главе с учителем химии Марией Алексеевной Шевченко, в 1961 году по Прибалтике (Ленинград, Таллин, тогда еще с одним «н», Рига, Лиепая (как бы пригодился свой автобус!). Ездили на лучшей из наших двух машин, помню ее номер 10-28 ВЛА, шофер Коля Котов при упоминании о маршруте долго тер в затылке: «Латвия, Латвия... Где ж такая Латвия?». Далековато от привычных ему Владимирских мест!

В Таллине вечером долго выбирали место для остановки и ночлега и в темноте выбрали-таки приличное. Утром умывались и чистили зубы в какой-то аккуратной прямоугольной луже – и только случившаяся рядом русская женщина протнала нас, пока местные не заметили: это было старое католическое кладбище, и это не лужа, а просевшая могила. Она же поведала, что ей тут несладко, русских здесь не любят. Вот так дружба народов! Собрались и быстро уехали подальше... А что потом? В Таллинне на днях построен и Патриархом Кириллом с присутствием представителей нынешней государственной власти Эстонии освящен новый православный храм.

Литва была первой в крикливом и бессовестном отделении от СССР, а казавшаяся мне самой лояльной Латвия всеми силами вытесняет любые проявления российского присутствия в ее истории и притесняет русскоговорящее население как не имеющее гражданства. Поистине, неисповедимы пути господни.

Помню, как 4 октября 1957 года во главе с директором выстаивали в посадках возле того самого поля, подальше от уличных огней, ловили звездочку – первый советский спутник – и все пытались расслышать его победное «Пик... Пик... Пик...». Зато сколько было ликования, когда 12 апреля 1961 года вдруг прервали уроки, нас выстроили в актовом зале новой школы, и мы слушали радостные слова Ю. Левитана о первом полете человека в космос. В общем, учили и воспитывали нас серьезно.

В 1959 году, в год 40-летия ВЛКСМ, учителя-комсомольцы основали ученическую комсомольскую организацию. Помнится полюбившаяся нам «Песня о тревожной молодости А.Н. Пахмутовой на слова Л. Ошанина:

*Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот...*

С тех пор моя жизнь направлялась комсомолом. В школе был заместителем секретаря комитета. Вспоминается, как на наши просьбы в областной комитет выделить-таки автобус на заработанные нами самими деньги получали ответы типа «Не до вас тут».

Хитрец-директор (Г.С. Зудилов) научил нас написать письмо в ЦК («Вам ничего не будет»). Написали. В тот же день директор получил нагоняй из обкома, но на следующий день разгневанный Н.С. Хрущев прислал в Пиганово заведующего сектором школ ЦК КПСС Козьмина! Он после напутствия Никиты Сергеевича вел себя с директором поласковее, искал встречи и с авторами письма, но секретарь комитета Вера Барина уехала к больной матери, а меня «не нашли» – я был предусмотрительно заперт в комитете комсомола. Ключа, естественно, на месте не оказалось. Ну да ладно – через пару месяцев новенький ПАЗ-652 стоял под нашими окнами, и все последующие поездки ребята провели с комфортом.

Производственное обучение старшеклассники проходили в цехах Владимирского тракторного завода. Я, например, стал слесарем-инструментальщиком 2-го разряда. Над нашей школой шефствовала первая на ВТЗ бригада коммунистического Труда Петра Дьячкова.

26 ноября 1961 года мы вместе с ней отпраздновали 5-летие интерната. Все последующие годовщины, даже разъехавшись кто куда, мы еще долго старались посещать и гордо именовали их юбилеями, даже если дата была не круглая.

К 5-летию был объявлен конкурс стихотворений, в котором я победил со своим «Юбиляру»:

*Приехали сюда из разных мест
Мы в памятные дни.
Наш новый дом, раскинувшись окрест,
Зажег свои огни.
Здесь столько радостей познали мы вдвоем
И столько общих бед!
Дружнее становились с каждым днем
Мы пять недолгих лет.
Я знаю, эта дружба школьных дней
Меж нами навсегда.
Я знаю, дружба во сто крат сильней,
Чем быстрые года.*

*Ты для меня - учитель всех наук,
Отец и старший брат.
Привет тебе, мой добрый старый друг,
Любимый интернат!*

Последним за мое время директором школы был Григорий Сергеевич Зудилев. Этот был учитель другого типа – яркий воспитатель юности. Как раз при нем была эпопея с автобусом. Я потом долго с ним переписывался, мы обсуждали все серьезные вопросы, он даже при гласил к себе в Вязники, куда он вернулся после Пиганова, где показывал и город, и свою школу, и многому продолжал учить.

Редактируя потом чужие книги и работая над своей об истории Дмитровского комсомола, я часто пользовался его советами.

Помню, он занимался историей Вязниковского комсомола и писал об этом книгу. Одним из ярких событий этой истории был момент, когда во время крупной стачки какой-то смельчак забрался на фабричную трубу и водрузил на нее красный флаг, а чтобы жандармы подольше его не снимали, укрепил на трубе устрашающий плакат: мол, заминировано. Так вот Григорий Сергеевич разыскал нескольких ветеранов, рассказывавших, как было скользко карабкаться на трубу, какой сильный шел дождь и т.п. Причем каждый воспоминатель производил впечатление искреннего участника события.

Так он приучил и меня относиться к свидетельствам очевидцев преклонного возраста, так что и в моем повествовании могут оказаться вполне объяснимые неточности и ошибки в датах, фамилиях, но не в трактовке событий

Вспоминаются одноклассники. За шесть интернатских лет кое-кто отсаялся, к выпуску нас из большого поначалу класса осталось 16 человек. Многих помню поименно.

Валерка Бубнов стал в Москве директором завода по производству стирального порошка, я был на его заводе, а он бывал у меня в гороно.

Олег Богомолов учился в военном училище. В этот период во время его отпуска мы встретились и удивили своим посещением ученого секретаря Президиума Академии педагогических наук В.В. Кумарина, нашего учителя немецкого языка. Тот нас узнал, хотя и перепутал. Олег служил в ВМФ, после отставки переехал в Калининград (западный), последнее время работал директором чего-то вроде облювельирпрома.

Вера Барина была замначальника цеха на ВТЗ.

Галя Журавлева (звавшаяся почему-то моей женой) как-то оказалась в Ташкенте, служила секретарем в Узбекзолоте.

Лида Коваленко ушла в науку и стала кандидатом химических наук. В науке работала и Руфа Сорокина. Она плохо выговаривала многие звуки, и мы ее прозвали Тюфа Телека. Да и выглядела она всегда деревенской замухрышкой. Каково же было наше изумление, когда на очередной встрече выпускников навстречу по коридору шла явно в

нашу сторону дама – настоящая королева – и назвалась Руфой. Оказалось, она начала простой лаборанткой в ядерном институте, мыла пробирки и незаметно стала незаменимой участницей экспериментов, так что институт направил ее учиться в академию по профилю со стипендией. Так наша Тюфа обрела призвание, выпрямилась, принарядилась, причесалась и вызвала наше восхищение.

Нина Лаврентьева стала учительницей немецкого языка (*надо же, а в 7 классе мне было задание помочь ей именно по немецкому, а я пользовался такой возможностью и все тарацился на Нинку-красавицу*), вышла замуж за военного летчика, рана овдовела, загрузила; я как-то приезжал к ней в ее поселок.

Генка Матвеев стал начальником отдела какого-то завода и внезапно скончался у себя в кабинете; это была наша первая потеря.

Борька Голубятников попал служить в Кремлевский полк, так что я мог его иногда посещать.

Учившийся с нами до 8 или 9 класса Валерка Чересленко, почему-то имевший прозвище Сливкин, потом учился в военном училище связи, разработал какой-то сумасшедший прибор и еще курсантом попал с ним в Политехнический музей в Москве, где я видел группы восхищенных посетителей и невольно погрелся в лучах славы одноклассника. Кто бы мог подумать - Валерка выпал из нашего класса, оставшись на второй год, доучивался в вечерней школе.

Как-то еще школьником я зашел к нему, на вопрос Валеркиной матери о моей учебе небрежно бросил, что у меня только две четверки, и погрузневшая хозяйка среагировала: «Вот и у моего одни слабенькие тройки». В 67-м году, обучаясь в Москве на курсах повышения квалификации, я отыскал Сливкина, служившего там в воинской части, и мы вволю предались воспоминаниям, я даже несколько раз ночевал в его лейтенантской холостяцкой комнатухе.

Ничего существенного не помню о Гене Козлочкове, а ведь в моем платяном шкафу до сих пор висят с интернатских времен помеченные его именем плечики - уж не знаю, как они тут оказались.

Потерялся Вовка Журавлев (наш Жура...) Жизнь раскидала нас по разным углам, и со временем связь с одноклассниками я утерял. Конечно, Интернет мог бы помочь, но что-то подсказывает: в моем нынешнем состоянии лучше этого не делать. Да и моя попытка поискать что-нибудь о них в Интернете не увенчалась успехом. Пигановского интерната вообще там нет.

В годы учебы в интернате мы обзавелись школьными кличками. Часть уже упомянута. Других позорить не буду, а свои приведу.

Сначала за мной закрепилась кличка Гота (по истории в 7 классе проходили романский и готический стили, так вот Мишке Шумилину прилепили кличку Роман, а мне Гота). В 11-м классе я жил в палате с Витькой Молчаковым и Олегом Богомоловым, мы придумали себе некое племя ДиГиБо – Дик, Гик и Боб, причем новое Витьки-

но имя Дик вообще ничем не объяснимо, просто звучит романтично. Боб соответствует его инициалам (Богомолов Олег Борисович), мне досталось что-то с намеком на и в начале имени.

Школьные годы незабываемы. Каждый раз, даже когда интернат уже закрыли, проезжая мимо этих мест по пути из Москвы в родные места, а потом из Дмитрова в Меленки, старался в прогалины между домами поселка Юрьеvec хоть на минутку разглядеть его территорию.

А однажды по пути из Меленок заехали мы с дочерью и ее мужем в Пиганово, и мне было позволено потрогать старые стены и деревья. Часто потом в своих снах бродил я по этим местам, слышал голоса друзей...

Особенно привязался к Саше Лактину, парнишке помоложе меня на 4 года, подружился с его мамой, учительницей Антониной Николаевной, и теплые отношения с этой семьей продолжались потом все мои студенческие и первые взрослые годы, прошли через первую длительную командировку, и так до середины 70-х годов. Что-то не склеилось... А жаль. На память о моем напернике и невольном свидетеле первых юношеских страстей осталось стихотворение под секретным названием «С.Л.»:

*Услышу ль снова голос твой,
Увижу ль вновь твой образ нежный
И вновь волна любви мятежной
Играет памятью живой.
С волнением толщу лет тревожу.
Как нежно был ты мной любим.
Как был ты мил - на сон похоже -
И до сих пор неповторим!
Как был ты юн, и чист, и светел...
Но что тут на судьбу пенять -
Ты не сумел меня понять,
На поцелуи не ответил.
Нет, то не сон. Ты был жесток,
Но все же прав, и я прощаю:
Ты внять мольбам моим, я знаю,
В святом неведение не мог.
Услышу ль снова голос твой,
Увижу ль вновь твой образ нежный -
И вновь волна любви мятежной
Играет памятью живой.*

И с чего это вдруг это литературное упражнение написано как бы в зеркальном отражении - от лица страдающей девицы, а для большого тумана в заголовке легко расшифровывается имя моею верного пажа? Чуждачество, да и только.

... Интернат рос. Появлялись новые наборы (мы по-прежнему старшие), новые учителя. Я уже называл Валентина Васильевича Кумарина, он был фанатом системы коллективного воспитания по Макаренко и надолго заразил меня этой верой, это он выдумывал всякие там штучки-дрючки, вымпелочки-заморочки.

Одновременно появились Юлия Александровна и Борис Иванович Зеленовы. Она, учительница начальных классов, начала у нас ставить (по книжкам) простенькие танцы, мне запомнились литовский народный танец «Клумпакоис» (что-то про деревянные башмачки) и китайский «Танец лотоса». Юлия Александровна воодушевляла мой интерес к пианино, приучила хоть одним пальцем разучивать по нотам мелодии и озвучивать их при исполнении танцев на сцене. Ставила сценки для наших вечеров и школьные спектакли (помню «Снежную королеву», для которой я сам сочинил и исполнил на пианино всю музыкальную часть, и детскую оперу «Репка» композитора Иорданского). Борис Иванович вел у мальчишек уроки труда и однажды за какую-то табуретку приставил мне (начальнику-то цеха!) тройку за четверть, чем расстроил и меня, и Юлию Александровну - за год все-таки вышла четверка.

Позднее приехали Антонина Васильевна Парамонова, ставшая нашим любимым воспитателем, а ее муж Геннадий Павлович показал всем, как относиться к спорту. Мне было доверено присутствовать при написании его дипломной работы, вставлять замечания и проверять ошибки. Парамоновы показали нам потешную песенку про овечку:

*Ах по долине течет речка,
А через речку старый мост,
А на мосту стоит овечка,
А у овечки длинный хвост.*

*Пришла весна, разлилась речка
И затопила старый мост,
И утонула та овечка,
А вместе с нею длинный хвост.*

*Прошла весна, настало лето,
Колхоз построил новый мост,
Купили новую овечку,
А у нее - короткий хвост!*

*Ах если б не было той речки,
Ах если б не было моста -
Тогда бы не было овечки
Тогда бы не было моста.*

Уж чем эта песенка взяла, не знаю, но певал я ее часто и охотно, а однажды во время очередного приезда в Александров (туда я приез-

жал к Лактиным, там же после Пиганова жили и Парамоновы) пришлось исполнить ее вместе с любимыми учителями перед целым залом старшеклассников в их тогдашней школе (под гитару Геннадия Павловича).

Учителем физики и классным руководителем стал Григорий Алексеевич Шумарин, наш любимец. До Пиганова он был где-то в области директором школы, был на хорошем счету, но не согласился с предложением перейти в председатели отстающего колхоза (было тогда такое поверие) – не мог оставить любимого дела и начать на старости лет заниматься не своим, за что и был отставлен. Позднее Пиганову пригодился его опыт директора.

В последних классах немецкий вела Вера Алексеевна Сурженко. Да так, что при моем поступлении в институт мы с преподавателем С.С. Дабкинским минут двадцать проболтали по-немецки вместо привычных «прочитай, переведи и ответь на вопросы».

В.А. непреклонно добивалась выполнения всех ее заданий, за что совершенно незаслуженно и получила от нас прозвище «Слабая нерва». К сожалению, она погибла, неудачно пытаясь перейти дорогу.

Русский язык и литературу вела Екатерина Сергеевна Тарасова. Однажды одно из своих писем мне она закончила словами: «Твоя бывшая учительница...» И получила в ответ, что бывших учителей не бывает, что учитель – это навсегда. Так и теперь считаю.

Потом группой привалили молодые учителя, свежие выпускники пединститутов и педучилищ. Евгений Семенович Аратов подготовил меня к городской математической олимпиаде, где получил первое место и был направлен на областную. Здесь меня нашло второе место, но на республиканскую вместо заболевшего победителя послали меня. Она была в здании МГУ.

Накануне олимпиады у меня отстала подошва у ботинка, денег с собой не было, и пришлось в магазине рядом с гостиницей купить галоши. Так в новеньких галошах поверх предательских ботинок и пришлось шагать в МГУ. Настроения никакого. Не выполнил в установленное время ни одного задания, а когда вышел из зала и выслушал жалобы сотоварищей, живо нашел их ошибки и перецелкал почти все. Так и разгуливал по вестибюлю в блестящих галошами и с репутацией явного победителя.

А в 61-м году Е.С. был инициатором поездки именно в Латвию, мы даже становились в Лиепеае в садике возле его дома. Он же инициировал начало моей собственной педагогической карьеры.

Но об этом позже.

Молодая учительница географии Светлана Григорьевна Клименко отличалась милым ярко выраженным малороссийским говором. Помню ее любимую песню (не уверен, что верно передаю украинские слова):

*Тэче вода капамутна.
Била мэнэ маты з ночи
Дывчинонька, чого ж смутна?
За Иванковы чорны очи.
Я нэ смутна, лем сердитв,
Бо я була з ночи бита.
(далее не помню) ...*

Как-то, объясняя у доски, она замешкалась, подыскивая формулировку, а Вовка Журавлев быстренько нашелся: «Спой, Светик, не стыдись!», совсем не имея в виду ее имя. Мы на мгновение замолкли, но далее не смогли удерживаться от оглушительного хохота. Светлана Григорьевна никому не пожаловалась.

Историк Татьяна Ивановна Жукова, замещая заболевшего Григория Сергеевича, подсказала мнемонический прием запоминания состава Плехановской группы «Освобождение труда». На юбилейном вечере станцевала в пару с кем-то из молодых учителей долгожданную мазурку. Ничего получилось.

Она же при подготовке этого вечера убедила меня и Борьку Голубятникова спеть под ее аккомпанемент популярную тогда песню приобретающего известность Иосифа Кобзона «А у нас во дворе», дуэт тоже приняли и потом часто эксплуатировали. Из наших любимых песен той поры можно назвать Пахмутовскую:

*Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца пропеть.*

Быстро приобрела популярность и новая звезда - Людмила Зыкина, появившаяся с песней:

*Отчего у нас в поселке
Средь девчат переполох,
Кто их поднял спозаранок,
Кто их так встревожить мог?
На побывку едет
Молодой моряк.
Грудь его в медалях,
Ленты в якорях...*

Все распевали также песню О. Фельдмана «Ландыши», зачем-то подвергшейся позже многолетней публичной порке за якобы безыдейность и пошлость:

*Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые!
Ландыши, ландыши,
Светлого мая привет.*

*Ландыши, ландыши,
Белый букет...*

Нельзя не вспомнить, что в эти годы мы были под впечатлением героической борьбы далекой от нас Кубы. У всех на устах были имена Фиделя Кастро и его соратников-барбудос, и мы с Борисом гордо распевали на школьной сцене их «Марш 26 июля»:

*За правду сражается наш народ.
Мы знаем - в бою нас победа ждет.
За счастье цветущей страны родной,
За мир и свободу идем мы на бой!
(и решительный припев):
Шагайте, кубинцы!
Нам будет счастье родины наградой.
Народа любимцы,
Мы солнечной республики сыны.
Нам рабства не надо.
Мы гневом и решимостью полны.
Мы против власти беспощадной
И чужеземной своры жадной
Подняли знамя священной войны.*

Учительница начальных классов Софья Борисовна Исмаилова, в просторечии Сабысна, разрешала мне проверять тетрадки учеников, а взамен пела под гитару свой любимый «Вальс деревьев».

У меня был свой интерес: слова этого вальса напоминали мне мои собственные неуклюжие поэтические опыты со всякими там печалью томной, утерянним счастьем, обманутой любовью, загадочными посвящениями, набившими оскомину рифмами типа кровь - любовь и прочей ерундой. Первое такое стихотворение я обнаружил в своей памяти за 1959 год. Вот оно целиком:

*Я помнить перестал о самом незабвенном,
Быстрее сердце застучало вновь,
И строки понеслись рекою вдохновенной –
Мне кажется, и я познал любовь!*

*Давно ли мы друг друга и не знали,
В вот теперь я не могу понять,
Откуда столько грусти и печали,
Которых никому нельзя унять.*

*Быть может, счастье мне и улыбнется,
А может, и страдать я буду вновь.
Уходишь ты, а рана остается...
Зачем, зачем пришла ко мне любовь!*

Каково? Со стихами такого рода я распрощался чуть позднее в последнем моем стихотворении, которое могу без стыда поместить

здесь (хотя оно и называется, как многие вирши того цикла, загадочно «К Б.М.», но никакой конкретной прекрасной даме не посвящено):

*Случайно заглянул я в старые альбомы –
И с головой в воспоминаньях вновь.
Ловлю с волнением взгляд очей знакомых.
Все тот же лоб. В знакомом взлете бровь.*

*О как мне дороги черты твои родные,
Как сладок сон... Но полно, не сердись:
Кого винить, что годы золотые
Давно в глухую вечность пронеслись?*

*Ведь говорят, что время все залечит
И все что было грустного, сотрет,
А кто сказал, что нас любовь калечит?
Никто еще. Так пусть она живет,*

*Волнует нас, чтоб сердце не остыло...
Но погоди, не надо, не готовь
Мне встречи с тем, что так печально было,
Прости давно забытую любовь.*

*Давай оставим это между нами,
А чтобы лучше прошлое забыть,
Схороним под альбомными листьями
Все, что смогли б мы раньше полюбить.*

*Года бегут, и вопреки надежде
Я уж не тот. К чему тревожить кровь!
Лежи в альбоме старом, как и прежде,
Храни тобой забытую любовь.*

Позже я посетил Сабысну в Александрове, где она тогда жила у тетки (она была сиротой), заведующая в райкоме комсомола школьным отделом. В этом качестве инспектировала раз наш лагерь, нашла его работу хорошей. Да и попробовала бы иначе!

Владимир Иванович Храпов слыл у нас ревнителем нравственности. Сам он родом из города Покров и на комсомольских собраниях по всякому удобному случаю приводил в пример полноценного школьного воспитания свою Покровскую среднюю школу №1.

Проезжая в направлении Владимира мимо Покрова, я много раз видел эту школу и вспоминал ее преданного воспитанника.

Вместе с ним приехала молодая учительница Нина Владимировна – девичью фа милию не помню, потому что она быстро стала Храповой). Свадьбу справляли в школьной столовой, предварительно затемнив окна газетами, но мальчишки постарше и понаглее бега-

ли-таки подглядывать и потом комментировали увиденное скромникам, побоявшись к ним присоединиться, вроде меня.

Годами позже Владимир Иванович заведовал районо в Александрове. У рано овдовевшей Нины Владимировны мне как-то пришлось по ее предложению заночевать впоследствии во время одного из посещений Александрова.

Ну а подлинной звездой учительской молодежи была Людмила Николаевна Рождественская - симпатичная, фигуристая, настоящая казачка, по внешнему виду и своему поведению. За ней увязался и покорила-таки своими чарами наш Бубнов. После школы они уехали на ее родину в Омск, родили дочь. Пока Валерка был в армии, я в 66-м году на Первомай махнул к ним на самолете (*и дважды ощутил трехчасовую разницу во времени - туда прибыл как будто прямо в час отлета, а обратно летел как будто целый день*). Много позже, проводя вступительное собеседование с абитуриентами на ДФ РМАТ, я нашел среди них приезжую из Омска и узнал, что Л.Н. Рождественская была ее и многих других любимой учительницей - вот и здравствуйте, Людмила Николаевна!

Л.Н. ездила из Пиганова во Владимир на курсы бальных танцев и вела такие уроки у нас - вальс по-настоящему, вальс бостон, модный тогда липси, какие-то «Конькобежцы»... Я был избран ею в качестве партнера и с тех пор нагло заявляю, что свою педагогическую карьеру начал в 1961 году с должности ассистента учителя бальных танцев, и многие верят.

Как-то оказались по наводке Л.Н. с нашими танцорами на студенческом вечере во Владимирском педагогическом институте, на концерте там подхватил идею одного молодого владимирского поэта, кое-что запомнил, развил и дополнил, и написал свое «Кто виноват?»:

*Кто виноват, что мне весна вернулась,
Как будто небо стало голубей,
Мне солнце из-за тучи улыбнулось
И жжет, и жжет огнем своих лучей?
Кто виноват, что рощи зашумели,
Сады средь лета буйно расцвели,
В садах расцветших соловьи запели
И мне свои рулады завели?
Кто виноват, что я не сплю ночами,
Брожу без цели улицей пустой,
Росу ночную пробую губами,
Кто виноват, что я, подобно тени,
Брожу один среди своих друзей,
Не зная сна, не зная наслаждений,
Пока хотя б на миг не встречу Ней?
Кто виноват, что мне она затмила
Весь этот мир, прекрасный и большой,*

*Что все мои мечты опередила
И стала навсегда моей мечтой?
Вы виноваты - роща, речка, небо,
Луна, луга, поля, колосья хлеба,
И город мой, друзья, сестра, и мать -
Ловлю, как в детстве, лунный диск рукой?
Все виноваты! Всех бы вас обнять.*

В 11 -м классе мы завели модную тогда штучку - клуб интернациональной дружбы, понаписали писем в десяток посольств стали получать десятки восторженных отзывов (цейлонцы даже прислали целую коллекцию красочных марок, которую я по дурасти раздарил, признав разновидности по цветкам и номиналам за вторые экземпляры одинаковых марок).

Причем только письма из соцстран были на русском, а остальные на английском, при том что наша школа была сплошь немецкая. Мне как президенту КИД и пришлось самому переводить со словарем. Со смеху помрешь, как я произносил английские слова по-русски на немецкий манер! Скажем, thank you very much превращалось в тханк йоу вери мух и т.д. Но переводить - не обязательно произносить, надо смысл передать. Получалось.

Я сам потом долго, до африканской командировки, переписывался с друзьями из ГДР, ПНР, ВНР (сознательно не расшифровываю), переписка с албанцем как-то сразу не пошла, а с американским парнем Майклом из какого-то провинциального городка, гнавшим мне явную пропаганду и не очень воспринимавшим мои «правильные» ответы, пришлось не без сожаления расстаться по убедительной рекомендации старших товарищей из обкома.

В январе 61-го года по приглашению тети Зины провел каникулы в Москве. Несколько эпизодов помнятся до сих пор.

Во-первых, как раз в эти дни проходило изменение масштаба цен и обмен прежних денег на новые. Я однажды оказался в обменном пункте, очереди не было никакой, я наскреб в карманах 9 руб. 73 коп. готов был их поменять на 0-97 по-новому да плюс ненужные теперь 3 копейки, но кассирша покрутила у виска пальцем, забрала мои 3 копейки и выдала мне целый рубль - я и забыл, что медная мелочь менялась один к одному, чеканить ее по-новому правительству было невыгодно. На радостях разменял новенький рубль, выпив кофе с печеньем в ближайшей булочной.

Во-вторых, в эти дни в Москве как-то оказались Короленки, и я вместе с мамашей и дочкой прошелся по 3-4 театрам. Больше всего меня захватила «Мария Стюарт» Ф. Шиллера во МХАТе с великой Аллой Константиновной Тарасовой. В нагрузку там же (а может, в другом театре, теперь уже не помню) смотрели «Глеба Космачева», спектакль мне, провинциалу, тоже очень понравился, и я недоумевал, почему билеты на него давали в нагрузку - не иначе, зажрались эти москвичи.

Годы обучения в школе-интернате совпали с очередной Хрущевской реформой - в образовании. Бывшие семилетки стали восьмилетками, мы первыми попали в это число. Средние школы переходили на 11-летний срок обучения, процесс растянулся, проходили экспериментальную проверку несколько т.н. сельских и городских вариантов учебного плана, мы перепробовали почти все, и при этих перескоках как-то пропали некоторые целые предметы или отдельные разделы программ, которые пришлось наспех постигать перед выпускными экзаменами. Ничего, вроде, управились.

На сами экзамены по-воровски оборвали всю сирень в соседнем селе Спасском. На выпускном торжестве, само собой, хватили в кустах винца, запили казенным компотом. Я на случай выпускного заготовил такое вот стихотворение «На пороге»:

*Друзья, на пороге большого пути
Давайте подумаем - в нашей ведь власти,
Какою дорогою в жизни идти,
Где встретится нам настоящее счастье.
Немало тропинок, немало путей
Пред нами лежит, и подумав немного,
Кто взял бы полегче, а кто потрудней –
У каждого в жизни своя ведь дорога.
Но где бы мы ни были, сердце зовет
Туда, где и нас собирали по нитке.
Запомни: дорогу, что к счастью ведет,
Отсюда ты начал, от школьной калитки.
Вперед беспокойное время зовет.
Нелегко наш путь, но сквозь все непогоды
Нас крепкая школьная дружба ведет
На труд и на подвиг во имя народа.
И нынче клянемся, что этим путем
По жизни пройдем через все перевалы.
И мы никогда и нигде не свернем
С дороги, что партия нам указала.*

Надо же, вспомнил вдруг. Повторил только один раз - на выпускном вечере в 10-й школе в 97-м году уже при другом режиме, и потому пафосное партия заменил тогда на нейтральное родина. В нынешней третьей публикации пусть читатель выберет, что вернее.

Ну, здравствуй, взрослая жизнь!

С ней столкнулись сразу же: наутро мы оказались без завтрака. Кухня не работала, нас после выпуска сразу сняли с довольствия (что за спешка?), а остальные воспитанники давно по домам на каникулах. Неожиданный митинг. Выручила прежде не замечаемая нами повара Паня Супряга, сбегала домой за манкой и хлебом, раскопегарила кухню и покормила нас. Растерянные, мы похватили пожитки и гурьбой покинули вдруг предавший нас дом.

Потом нередко приезжали в Пиганово хотя бы на 26 ноября.

Во время очередного приезда в 1962 году узнал, что в одну из колонн вестибюля замуровали для будущих поколений послание от первых выпускников, заканчивающееся моим конкурсным стихотворением «Юбиляру» 61-го года. С годами наши приезды становились все менее радостными: директора Г.С. Зудилова сменил самовлюбленный П.А. Пинский, вообще запретивший принимать нас (учителя и воспитатели все равно встречали нас, как родных, кормили у себя по домам, спать укладывали гурьбой на полу). Потом директорские обязанности недолго исполнял наш Г.А. Шумарин, его сменил бесцветный тип по фамилии Боровков (я его видел только однажды, да и то не как директора нашей школы – он в подштанниках выносил своим свиньям ведро помоев). А вскоре интернат был вообще реорганизован в санаторий-профилакторий. Прощай, «мой добрый старый друг»!...

В 1962 году нам пошили шикарные костюмы (почему-то ярко-лазоревого цвета!) и выпустили из школы. Меня - с серебряной медалью (я в том же году неожиданно для себя оказался серебряным победителем областной математической олимпиады).

Мама к шикарному выпускному костюму добавила почти новую свою синюю шерстяную кофту (застежки, конечно, на левую полу) и неизвестно как сохранившиеся отцовы черные хромовые сапоги. Сыну учиться надо.

Узнал заодно, что в результате Хрущевских административных реформ сами Фоминки относились теперь к Гороховецкому району, но это только по линии сельского хозяйства, прописки, милиции и местного хозяйства.

Остатки кое-какой местной промышленности проходили по Владимирскому совнархозу (совету народного хозяйства), за указаниями и с отчетами надо было ехать в Ковров (тяжелая промышленность) или в Вязники (легкая промышленность), судебные дела решались вообще в Муроме! Да и вся Советская власть как бы поделена на две - промышленную и сельскую. Существовали соответствующие обкомы партии. Ну и кавардак!

Поехал я покорять Москву. Долгий поиск достойного вуза.

В иняз не взяли по здоровью, придравшись к болезни сердца, из-за которой еще студентом освобожден был от армии. Так же выставили из лесотехнического института и из Бауманского училища.

Побродил в его окрестностях, наткнулся на афишу Московского областного пединститута имени Н.К. Крупской.

Меня привлекла специальность «учитель математики на иностранном языке» (а я увлекался немецким языком – на школьном уровне, конечно!). Что за чудное сочетание: математика на немецком языке!

Направился туда и был огорошен в приемной комиссии: математикам-де общежития не дают, только физикам (потом оказалось, ректор был физик, а абитуриенты валом валяли в математики, на физику

желающих было мало - уж больно наука сложная, вот приемная комиссия и старалась выправить положение), а из иностранных языков готовили только по английскому и французскому (как разъяснили, для развивающихся стран Африки)...

Делать нечего, сроки поджимают, записался в физики. А на собеседовании с замдекана О.В. Старостиной, на которую я точно произвел впечатление своим костюмом, перепугали: ведь придется ехать в Африку, а там такие дела!.. Да что я, не мужчина, что ли? Да и хватит метаний! В Африку – так в Африку!

Так я оказался в списках группы физиков на французском языке. Но не окончательно и на этот раз. Через пару занятий французский не приглянулся вовсе (*преподавательница Н.А. Зуева, как оказалось, знала язык на уровне родного, потому что выросла в этой среде*), и меня поменяли с девчонкой из английской подгруппы для начинающих язык с нуля.

И какими же счастливыми оказались все эти замены!

Физику я любил еще в школе, любимым учителем был как раз Григорий Алексеевич Шумарин, которого я потом просто копировал на уроках и который позволял мне заменять его во время моих частых посещений Пиганова, усаживался в последнем ряду и разбирал по моему священнодействию, как он сам это называл.

Английский же пошел сразу, я потом много лет по работе говорил и писал на этом языке, переводил туда и назад устно и письменно, и с его носителями тоже проблем не было.

Тепло вспоминаю своих товарищей по студенческой группе (11-ф, что означало 1 группу 1 курса физиков, и так она доросла до 51-ф): Свету Агееву, нашу бессменную старосту. Виктора Тимофеева, будущего аспиранта и, через созыв после меня, институтского комсомольского секретаря. Свету Петрову, ту самую, на которую меня поменяли, получившую распределение в Озерецкую школу нашего района, ныне Останкинскую. Анжелику Вержбицкую, дочь уругвайского эмигранта-коммуниста, воспитанную вместе с братом Луисом и сестрой Соней в Ивановском интернациональном детском доме. Мишу Митина, сына директора Дворца пионеров на Ленинских горах. Валерия Митрофанова, поступившего в МОПИ после службы в ВМФ, ставшего вместе с женой, нашей же физматовкой Люсей Рябовой, будущим Заслуженным учителем России, известными в Талдоме педагогами. Я назвал, наверное, самых близких, но помню, кажется, всех.

В комнате 120 в общежитии соседствовал с Альбертом Белоусовым, по уши влюбленным в Свету Агееву, он вставал задолго до остальных в спешке и мчался электричкой и трамваем до ее дома, чтобы оттуда вместе ехать в институт.

Мы потешались над его рассеянностью и сунули в портфель несчастному влюбленному целый кирпич, который он с успехом дотаскил до самого института и только тогда обнаружил поклажу под шутки всего курса.

Чуваш Гена Антипов постоянно всех поучал, за что пользовался тихой нелюбовью с нашей стороны, да доставал нас загадками, ответы на которые он один и знал.

Толик Шевченко славен был тем, что еженедельно привозил из своей деревни Омутищи сумку картошки и овощей, которые шли к общему столу. К сожалению, обоих быстро призвали в армию.

На место Толика поселили Колю Базылева, который занимался в вокальной студии и радовал нас нескончаемыми неаполитанскими песнями.

А еще отличался способностью мгновенно засыпать в любых обстоятельствах, даже среди своего же самого ядерного анекдота: «А она и говорит...», и тут же немедленно переходил на залиvistый храп, от которого сам же приучил нас спасаться – среди очередной рулады погромче хлопнуть в ладоши, и попытка сразу же прекращалась минут на десять, чтобы дать сокамерникам шанс заснуть.

С началом студенческой жизни пришлось осваивать не знакомые прежде популярные ув новой среде песни, пропущенные мной в Пиганове. Среди них любимый нами и зачем-то опороченный официальной музыкальной критикой бунтарский «Черный кот» Ю. Саульского:

*Жил да был черный кот за углом,
И кота ненавидел весь дом.
Только песня совсем не о том,
Как не ладили люди с котом.
Говорят, не повезет,
Если черный кот дорогу перейдет,
А пока наоборот –
Только черному коту и на везет...
и трогательная:
Ветер за кабиной уносится с пылью.
Залито дождем ветровое стекло.
Как-нибудь дотянет последнюю милю
Твой надежный друг и товарищ - мотор.
Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть,
Резкий поворот и косогор.
Чтобы не пришлось любимой плакать,
Крепче за баранку держись, шофер.*

МОПИ запомнился старинным зданием бывшего Елизаветинского института благородных девиц (*однажды в мое дежурство в комитете ВЛКСМ в него крадучись вошли, бережно поддерживая друг друга, две бабульки и принялись нежно целовать стены: оказывается, это бывшие слушательницы института, и именно здесь когда-то был их будуар!*), и набором дисциплин и преподавателей.

Заняли свое место в памяти Александр Васильевич Воробьев, математик и наш декан в первые годы учебы в МОПИ, за свой подростковый рост получивший немало незаслуженных насмешек и прозвищ.

Михаил Андреевич Горбунов – следующий декан физмата (так уж получилось, что когда на факультетском комсомольском собрании меня избирали секретарем бюро, я заодно сообщил студентам об избрании М.А. деканом в тот же день, впоследствии наши отношения стали весьма дружелюбными). Виталий Федорович Яковлев – куратор нашей группы, Николай Иванович Кошкин (он работал на третьем курсе, так что бытовала поговорка: сдал Кошкину – считай, что институт закончил). Последние трое – доценты-физики

Евгения Семеновна Шатунова, старший преподаватель, математик, учившая нас объяснять все так, «чтобы любому географу было понятно». Наталья Николаевна Гарина (она на снимке 1963 года со студентами нашей группы у бокового входа в институт). Татьяна Михайловна Десяткова и Еввриил Эзрович Фельдман, старшие преподаватели английского языка, одна начала обучение с новичками, вторая дала общее направление (помнятся ее неожиданные тренинги – то объявит заседание Комитета по присуждению международной Ленинской премии за укрепление мира между народами открытым и предоставит кому-нибудь слово, то распахнет томик А.С. Пушкина, начнет вслух читать и заставит нас синхронно переводить «Метель»). Третий, долго живший в Англии, хорошо поставил произношение.

Николай Павлович Щербов, доцент, зав. кафедрой педагогики, и Сергей Иванович Иванов, и.о. профессора, зав. кафедрой методики физики, комично не выговаривающий твердого «л» и заменяющего его твердым же «р»: шкора, премирование темы, соблаговолите этой важной теме предпосрать объяснение и пр.

Николай Александрович Венгеренко, философ, одной рукой (второй у него не было) выделывавший на доске такие загогули, что все эти Платоны и Аристотели становились сразу понятными.

Приглашенный профессор психологии из МГУ Иван Афанасьевич Дорофеев запомнился, во-первых, привычкой в перерыве лекции выставить на стол свой огромный портфель, извлечь из него бумажный пакет, из него – завернутые в салфетку большое яблоко и аккуратный ножичек, тщательно очистить и разрезать на мелкие дольки яблоко и с помощью ножичка аккуратно препроводить их поочередно в рот, тщательно прожевать, салфеткой протереть губы, собрать все в обратном порядке в портфель. Со щелчком его запора как раз заканчивался 5-минутный перерыв, и все это действие продолжалось каждый раз на глазах студентов, которым не было времени спуститься по двум лестницам в буфет как-то перекусить.

Во-вторых, он рассказал историю из своих студенческих лет, как группа студентов-психологов воспользовалась воображаемыми хвоями жен нэпманов, страдающих от ожорства, обрядились во врачебные одежды, понапустили в помещение наукообразной загадочности и купеческого шика и открыли Первую Всемирную Экспериментальную Клинику Болезней Печени (никак не иначе!). Нала-

див с помощью подыгрывающих им провизоров «успешное лечение» пациентов лекарствами-плацебо, доказывая дамочкам роль самовнушения, пока их не закрыли Фининспекторы.

Из нефакультетских надо вспомнить Екатерину Васильевну Зубкову, председателя профкома, Лиру (Лиру Григорьевну Сердюкову), ее бухгалтера, и Александра Сергеевича Городилова, секретаря парткома института.

МОПИ запомнился также трудностью обучения (среди нас ходила шутка: попал в МОПИ – так не вопи!), и новым пятиэтажным общежитием в Бабушкине, станция Лосиноостровская. Были и два старых, небольших, но мне досталось новое, сданное только в сентябре. Пришлось почти месяц помещаться в крохотной коммунальной квартирке маминой сестры тети Зины, жившей с сыном в Москве. Мне стелили на полу под столом.

Запомнился вечер знакомства с первокурсниками в актовом зале института. Выступали студенты – пели, танцевали, читали свои стихи. Обратили на себя внимание стихи Виталия Майорова, в конце которых было что-то про то, что когда его не станет –

Не говорите: «Умер человек»,

Скажите лучше так: «Поэт сгорел»

Или переделанные из суперактуальной в тот год Фельцмановской песни «Четырнадцать минут до старта» последние строчки припева:

Я верю, друзья, караваны ракет

Помчат нас вперед от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет

Узнают про наше МОПИ!

Аудитория, похожая на университетскую, амфитеатром, была только одна, остальные попроще. Большинство из них и всякие служебные кабинеты были на первом этаже. На наш физмат вела крутая железная лестница наверх. Такая же лестница вела на первый, где были М/Ж, столовая на пяток столов и буфет-забегаловка, профком и комитет ВЛКСМ и многочисленные лаборатории, учебные и исследовательские, вечно таинственно закрытые по причине секретности.

Как-то я через 32 года после выпуска побывал там по ВАКовским делам и, вроде тех бабулек, все обошел, потрогал все двери, нашел их закрытыми и почти никого не видел и не узнал. Сердечно меня принял только Г.Л. Луканкин, усатый, постаревший проректор по науке, профессор и доктор, который в 60-е годы был молодым преподавателем и нашим замдекана, уже усатым, которому я как секретарь факультетского бюро ВЛКСМ оказал некую услугу, и он в своем теперешнем качестве оплатил тем же.

Был он в 80-е годы нашим советником в Афганистане, но уехал в СССР чуть раньше моего приезда, его часто, к моей радости (как-никак, родной) упоминали в разговорах, и афганских воспоминаний в этот раз было немного.

Главное же в памяти о студенческих годах связано с комсомолом. Прошел все ступени до секретаря комитета ВЛКСМ института (помню всех своих предшественников – Петю Михайлова, Инну Власову, Влада Петровского - и мою сменщицу Женю Рыкову (не к ночи будь помянута). Из «моего» состава комитета запомнились Таня Макалкина, Надя Метлова, Галя Степанова.

Что из этого периода запомнилось? В 1962 году однокурсники-москвичи занялись столичным воспитанием провинциалов — заставили нас посетить в Манеже юбилейную выставку МОСХа (Московского отделения Союза художников), получившую скандальную известность после посещения ее Н.С. Хрущевым; в частности, он был возмущен картиной Никонова «Геологи».

Активно не понравилась она и мне - уж больно фигуры и лица людей какие-то неживые, походили больше на лики святых на иконах, и с тех пор всякая нереалистичная «живопись» глубоко мне противна.

А безобразно бесформенная тетка на картине Фалька (как потом оказалось, академика и светоча тогдашней живописи) под названием «Обнаженная» так изобиловала многоцветными пятнами по всему телу, что я упрямил Нину, жену брата Владимира и судмедэксперта, тоже посетить модную выставку и как бы невзначай прокомментировать происхождение этих пятен. Так оно и вышло: эксперт бодро опознала их и назвала свидетельствующие о них внутренние болезни и травмы бедной женщины. Так что в этой части я с Никитой Сергеевичем вполне солидарен.

Второкурсником пришлось участвовать в эксперименте по обучению ребят, содержащихся в следственном изоляторе «Матросская тишина» по обвинению в изнасиловании, помогал им не отстать в занятиях по математике и физике, но эксперимент оказался недолгим - мальчишки постоянно пропускали мои уроки из-за вызовов на допросы, они были разными по уровню знаний, застряли в разных классах и вообще менялись в зависимости от стадии следствия.

Пришлось побывать на заседании КВН (тогда еще в Телевизионном театре на площади Журавлева). Это теперь, как раз в дни, когда я, кажется, завершаю работу над этими записками, в марте-апреле 2013 года, в Москве открыт Молодежный центр «Планета КВН».

Ежеквартально проводили устный журнал. На одну из первых страниц были приглашены только-только получившие известность Алла Йошпе и Стахан Рахимов, и наша комитетчица грузинка Света Алиева даже прослезилась, когда ребята произнесли непроницаемый для неприродных грузин некий сложный согласный звук.

Помнится также известный журналист-международник И. Майский, который, оказывается, здесь учился, из этого зала отправлялся на фронт и был в свое время советским послом в Англии. Выступал поэт-мопиец В. Купцов, в будущем крупный деятель КПСС и КПРФ.

Помнятся рукописный журнал филфака «Литера», одним из основателей которого был Сеня Быховский. Острая на язык факультетская стенгазета физмата «Прожектор», такая большая, что размещалась на полтораметровом обойном листе (заводилой всего проекта был Юрий Каширин со своим верным Валеркой Завьяловым).

Конкурсы художественной самодеятельности. Агитбригада физмата с теми же друзьями.

На одном из заседаний комитета ВЛКСМ принимали в комсомол знаменитого хоккеиста, чемпиона всего чего угодно Александра Рагулина и все допытывались, как это он добрался до старших курсов и только теперь нашел-таки случай вступить в комсомол. А он засмущался: вступил бы и раньше, да зимой собрания не соберешь - как раз время сборов и соревнований, а летом все первички на каникулах.

На том же физвосе учились известные в то время спортсмены Муратов, Кердемелиди, братья Рагулины.

На филфаке помню имя Станислава Куняева, впоследствии видного писателя и нынешнего главы Литфонда России.

Факультет общественных профессий, где на театральном отделении получил диплом режиссера массовых мероприятий, видно, имели в виду дальнейшую полезность в школьном деле.

Рейды по общежитиям.

Спортивные соревнования и туристские вылазки.

МОПИ имел свой студенческий целинный отряд (по линии МГК ВЛКСМ это движение курировал тогдашний инструктор Юрий Чурбанов, впоследствии, первый замминистра МВД и зять Л.И. Брежнева, у меня долго сохранялся номер его служебного телефона). Организовывали нескончаемые воскресники - общегородские, институтские, факультетские, в том числе по строительству в освобожденной от посторонних организаций части главного здания благородных девиц обширной столовой (которой пришлось понаслаждаться только в самом конце обучения). Как-то готовили к лету обкомовский детсад после консервации, пришлось заночевать на чердаке, разложили стол, порезали на газетке, чем бог послал, разлили, чем другой бог послал – и обнаружили отсутствие каких бы то ни было стаканчиков, так обошлись чистенькими, только что распакованными детскими горшочками с очень удобными для такой цели ручками.

Помнятся профсоюзные (а значит, дешевые, что немаловажно для студента) автобусные и авиамаршруты совместно с преподавателями по центральной России и в Ригу.

Особенно запомнилась первая из них – по литературным местам Орловщины. После краткой остановки в какой-то харчевне доцент-астроном Юрий Григорьевич Захаров вдруг потешил всех: «Шо-то пили, шо-то ели. В общем, Шота Руставели».

Потом всю дорогу без конца говорил экскурсовод Юрий Александрович, рассказывал о местах, связанных с эпизодами из жизни пи-

сателлей, поэтов и литературных героев, сыпал отрывками из писем и произведений. Остановил автобус в уютной роще («Приказ №1: мальчикам налево, девочкам направо!»), а по завершении остановки как бы невзначай заметил: «Именно в этой роще Никита Сергеевич учил Союз писателей, как надо писать» – был такой эпизод в правление Хрущева. В Спасском-Лутовинове посадил нас по берегу пруда Савиной, и красавица Ира Холодова из отдела аспирантуры запела старинный романс «Дремлют плакучие ивы» – и это на багровом закате, прямо под этими самыми ивами! Сказочное видение.

А в Риге, оторвавшись от группы, мы с Семеном Семеновичем Драбкиным прикинулись немецкими туристами (он говорил, не переставая, я играл немного и выражал себя мимикой и жестами) и нагло заявили в концертный зал «Дзинтари» и потребовали у швейцара знаменитого «Рижского бальзама», который и в Риге был в дефиците. Швейцар поверил было «немцам», но вдруг сам оказался природным немцем, по каким-то языковым признакам раскусил нас и выгнал вон, но заветный сувенир таки выдал.

В общем, скучать студиям не давали. И работа в комитете комсомола оказалась интересной.

Однажды на 2-м курсе я как отвечающий за сектор печати после долгих переговоров был принят заместителем главного редактора «Комсомольской правды» (кажется, его звали Петр Бирюков) и пробыл в его кабинете несколько часов вплоть до подписания глубокой ночью номера, в котором запомнился очерк «Главный геолог страны», посвященный юбилею академика Обручева.

В том же году посетил Университет дружбы народов имени П. Лумумбы, о трагической судьбе которого мы переживали еще в школьные годы, встречались со студентами из разных стран. Присутствовали на выборах студенческого совета УДН, во время которых одна девушка из Индонезии вдруг озадачила нас вопросом, как у нас называется студент, который не танцует с утра до вечера, не смотрит кино, не встречается с девушками, а только читает учебники и пишет контрольные. «Зануда» – последовал ответ. Зачем это ей? Разгадка оказалась простой: собрание шло на русском языке, и понадобилось точное слово для выступления: «Предлагаю в студсовет избрать такого-то парня, потому что он зануда». Посоветовали, нечего сказать.

В 1963 году пришлось присутствовать на общегородском московском комсомольском активе, где тогдашний 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Пастухов разъяснял нам причины и обстоятельства снятия Н.С. Хрущева с его постов. Меня поразило то, что за все время работы Бориса Никита Сергеевич пригласил его к себе по какому-то делу всего один раз.

Довелось по линии комитета комсомола распространять среди студентов билеты в центральный лекторий Общества по распространению политических и научных знаний (теперь общество «Знание»), который размещался в Политехническом музее.

В качестве гонорара мне доставались пригласительные билеты на некоторые соблазнительные мероприятия. Так, довелось присутствовать на пресс-конференции космонавтов П. Беляева и А. Леонова, мне удалось получить автограф Леонова – рисунок, изображающий космонавта в открытом космосе с развевающимся фалом (долго этот листок из моего блокнота хранился у меня, но после многочисленных ремонтов исчез).

В другой раз был билет на вечер молодых поэтов (Ахмадулина, Рождественский, Вознесенский, Окуджава, еще кто-то из них), меня эти глашатаи не тронули и не оставили в памяти. Больше всего раздражало их манерное, заунывное выпевание своих стихов. Еще больше утвердился во мнении, ранее говоренное в шутку: из современных поэтов люблю только М.Ю. Лермонтова, 150-летие которого как раз отмечалось. Юбилейное собрание его произведений с удовольствием приобрел и храню до сих пор.

По какому-то случаю посетил Бородинскую панораму. В этот день она принимала премьер-министра Финляндии Ахти Карьялайнена, охрана замешкалась и не отсекала меня, так что я имел возможность слушать экскурсовода в компании с финским гостем и сопровождавшей его нашим министром культуры Екатериной Алексеевной Фурцевой. Та оказалась совсем не такой официальной, как смотрелась на портретах. Тихая и вежливая, в вязаном шерстяном костюме, она, казалось, никому не мешала и одинаково ко всем относилась.

На одной из комсомольских конференций, пока шло голосование и подсчитывались голоса, устроили для основной массы концерт. На этот приглашены были артисты цыганского театра «Ромэн». Я покурил в комнате за сценой, со мной напросился обретающий тогда известность Николай Сличенко, песня которого, кажется, из каждого репродуктора: *«Милая, ты услышь меня. Под окном стою я с гитарой...»*

Сидим себе, болтаем. На сцене вьются ленты, юбки, звенят монисты. Вдруг влетает наша комитетчица Таня Макалкина и, впопыхах не оценив обстановки, заявляет: «Знаешь, Игорь, надо убрать сумки и туфли, а то все-таки цыгане» – и только тут замечает покотившегося с дивана знаменитого певца и мое смущение.

Кстати, о певцах. Во время годовичного итогового мероприятия Бюро международного молодежного туризма «Спутник», пригласительный билет на который наверняка получен от Валерия Квартальнова, тогда референта БММТ и моего будущего друга и шефа в РМАТ, пришлось сидеть на одном диване с Клавдией Ивановной Шульженко, только что отпевшей свою знаменитую:

*Возьми гитару, возьми гитару,
Ведь чью-то юность в руки я тебе даю...*

А в середине зала (дело происходило в Доме приемов МИДа, бывшем особняке фабриканта Рябушинского, потом М. Горького, потом Л. Берии) тогда еще не очень знаменитый Ян Френкель за-

пел тронувшую душу песню «Август» (почему-то усатый композитор пел явно женскую песню, но теперь ее в другом исполнении слушать уже не могу):

*Скоро осень. За окнами август.
От дождя потемнели кусты.
И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравилась ты.
Отчего же тоска меня гложет,
Отчего ты так грустен со мной?
Разве в августе сбываться не может,
Что сбывается ранней весной?..*

Отмечен событиями 1966-й год. Пришлось много общаться с инструктором Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина Леной Тепляшиной, выполнять поручения ЦС и ЦК ВЛКСМ.

Например, 22 апреля, будучи на всероссийской конференции студентов педвузов в Рязани, участвовал на пионерском сборе в этот Ленинский день, был проведен Леной на трибуну и помогал тамошнему 1-му секретарю обкома комсомола Пылеву в озвучивании соответствующих случаю призывов при прохождении пионерских колонн на площади Ленина перед памятников вождю – собственно, выкрикивал призывы комсомольский лидер, я только успевал сформулировать следующий. А когда наступило время возложения цветов к памятнику Ленину, и толпа в несколько сот пионеров хлынула с цветами, и первые уже готовы были возвращаться в строй – оказалось, что одна малюсенькая девочка не успевала за толпой, она одна пересекла большую площадь, спешила к дедушке Ленину с огромным букетом, и вся площадь замерла, пока она не сделала своего дела, а когда девчужке тоже настало время возвращаться, разразилась бурными незапланированными аплодисментами. Сильное впечатление!

Другое поручение было посложнее. Происходил очередной съезд комсомола, все ответственные работники ЦК ВЛКСМ были там. Съезду предстояло отобрать обновленную пионерскую форму, для чего в День пионерии 19 мая проводился парад пионерских дружин, одетых в разные варианты формы. Мне было поручено раздать приглашительные билеты на кремлевские гостевые трибуны отдельным членам правительства, героям войны и труда, общественным деятелям.

Посадили меня в кабинете секретаря ЦК Т. Куценко у телефонов, включая кремлевскую «вертушку», дали секретаршу, штат водителей - давай, обзванивай, развози. Дело пошло.

Не удавалось только связаться с одним особо засекреченным министром среднего машиностроения т. Славским (как теперь стало ясно, он ведал космической техникой), и даже операторы «вертушки» с удивлением отвечали на мои несуразные вопросы: «Кого, кого?» и далее: «Соединить не можем». И вообще, как этот деревенский вале-

нок оказался в кабинете ЦК?! Так и осталась среднее машиностроение без парада.

Один из выделенных т. Славскому билетов я вручил ветерану пионерии Н.П. Щербову, другой предназначил себе.

В день парада явился на Красную площадь, преодолев все кордоны оцепления («А это кто такой?). Мое место оказалось на трибуне Б – непосредственно перед лестницей, ведущей на Мавзолей. Дальше я почти ничего не помню – все переживал за свою нечаянную наглость.

Перед началом парада делегаты съезда вышли из Арсенальных ворот, разместились на гостевых трибунах, и тут пошли ОНИ.

Проходили степенно, приветственно махали руками, а перед тем, как взойти на трибуну Мавзолея, поживали руки давно знакомым лицам с трибуны Б. Так я обменялся рукопожатиями с Леонидом Ильичем Брежневым, Алексеем Николаевичем Косыгиным и пр., с основными космонавтами и маршалами. Все они вели себя дружелюбно - мало ли кто оказался на трибуне, раз билет выдали, значит, наш человек.

После парада отправился в общежитие и все ждал стука в дверь. Не приходили. Осмелел совсем и явился на заключительное заседание съезда. Место, как и положено для приглашительного билета, было на балконе, зато хорошо видно все.

Особенно запомнилось, как после выступления Александра Кожедуба, на слова которого: «Кто готов, не щадя жизни, защищать Родину, встаньте!» – весь зал, как один, молча поднялся и на секунду замолчал, а потом взорвался аплодисментами. Сильно!

В том же 1966-м году возил по студенческому обмену группу в Чехословакию. Показали нам Прагу, Карловы Вары, знаменитый завод чешского стекла в Мозере, Карлштейн (в этом средневековом замке довелось даже участвовать в католической службе на бракосочетании случайной чешской пары), другие места, но это отдельная история.

Соответственно, принимали группу чехов у себя. Один из участников группы научил нас новой потешке:

*Не касайтесь, девчонки, крапивы,
Ведь крапива так больно кусается.
И не бойтесь моей красоты вы –
Красота моя не касается.
Ну а если она вас коснется,
Красота эта вот самая,
Ваша сердце сто раз перевернется –
Вот такая она, красота моя.
На току, на конюшне и в поле
Все заветную думушку думаю:
Трудоднями платили бы, что ли,
За неписанную красоту мою!
Ой вы Кати, вы Оли, вы Тани,
Потерпел я фиаску скандальную:*

*Я не знаю, куды мне даяться
С красотой моей ненормальнойю.*

В соответствующей компании приходилось ее петь неоднократно. Ничего, слушали.

В студенчестве позволял себе поозоровать. Вот случай из этого ряда. Наш ректор, В.Ф. Ноздрев, (в МОПИ попал из кресла секретаря парткома МГУ, когда его обвинили в том, что вовремя не обратил внимания на оскандалившиеся высказывания А.Д. Сахарова) при всех его академических званиях (доктор физматнаук, профессор, заслуженный деятель науки и пр.), оказавшийся и известным поэтом, как-то издал очередной сборник «Я шел, шагая по России», кажется, и в институтский киоск, разумеется, поступил изрядный тираж.

Как раз случилась у нас в МОПИ международная научная конференция по молекулярной акустике (его научная специальность), так я ловко подделал его автограф и украсил им всех молодых гостей, кто пожелал купить книжку в институтском киоске, не забыл и себя самого. Самому запомнилось больше всего такое стихотворение:

*Опять я, васильки срывая,
Бреду знакомую тропой,
И снова чайка полевая
Кружит и вьется надо мной.
Она то вдаль лететь стремится.
Отвлечь стараясь от птенца,
То снова надо мной кружится
Почти у самого лица.
Ну как сказать мне глупой птице,
Что есть и у меня птенец,
Такой смешной и круглолицый
И сероглазый сорванец
Я за него всегда в тревоге
Усну - и то над ним дрожу,
И потому к птенцам дороги
Я никому не покажу.*

Молодчина Василий Федорович! Превосходные стихи.

Позже, узнав откуда-то о проделке, главбух призвал меня, завела в свой кабинет и убедила подписать целую папку отчетных документов по спортивному лагерю, срок сдачи которых в банк был сверхкрайний, а ректор где-то был на очередной охоте (другое его хобби).

В другом случае надо было накопить денег для встречи сотрудников, ветеранов войны, и решено было меня, студента 4 курса, назначить на вакансию главным инженером научно-исследовательской лаборатории по той же молекулярке. Я потом в очереди за зарплатой наткнулся на своих преподавателей, изумленных таким соседством.

Навык пригождался, когда надо было помочь какому-либо небогатому парню в преимущественно девчоночьем институте получить

накануне 8 Марта материальную помощь. Приходилось так же доставать все необходимое для нужд комитета - бумагу ватманскую и пишущую, тушь, краски, свежие ленты для пишущей машинки. Поди ищи кого-нибудь из начальства, чтобы выслушать, а действительно ли комитету это опять необходимо, и не много ли я прошу...

За эти проделки теперь стыдно, но одно утешает: лично мне, клянусь, ничего не перепадало, свой «криминальный опыт» больше нигде я не демонстрировал, а потом он и вовсе пропал за ненадобностью.

Могу вспомнить также, как с агитколлективом студенческого литературного объединения «Родник» приезжал в Икшанскую воспитательно-трудовую колонию; встретились с воспитанниками, обнаружили у некоторых настоящий поэтический талант и основали их литературное объединение «Родничок», который, увы, без нашего попечения быстро иссяк. Это был мой первый приезд на территорию Дмитровского района.

Помнится еще случай, как ко мне в комитет зашел парень, жена которого училась на нашем физмате и которому нужно где-нибудь скоротать время до конца очередной пары. Парень часто забегал поболтать, закурить. Потом оказался космонавтом Евгением Хруновым.

В другом случае, я как член институтской приемной комиссии посещал какой-то экзамен на физмате. Нужно было выйти.

Я подошел к двери аудитории, но с другой стороны, резко открыл ее. И, на всякий случай, вlepил кому-то, якобы подсматривающему в скважину, хорошую оплеуху. Однако стоявший рядом мужик среагировал на неудачу товарища хохотом – оказалось, что это были космонавты Валерий Быковский (его девушка сдавала экзамен) и Андриан Николаев.

Вот так и я оказался причастен к советской космонавтике.

Комитет комсомола института подчинялся Комитету ВЛКСМ Московских областных организаций и учреждений (не к Москве же относиться, хотя он и располагался в Москве, и не к какому-нибудь подмосковному району, слишком это далеко, вот и сформировали крышу для немосковских москвичей). Первым секретарем у них был Володя Молодое, вторым Юра Дагаев. Стенная газета называлась «Молодость», а когда Молодов стал Владимиром Александровичем и был переведен первым секретарем Пушкинского горкома КПСС и нашим руководителем стал Дагаев, я сразу же предложил стенгазету переименовать в «Дагаевость». Не стали. Самые добрые воспоминания о них обоих и о всех работниках Комитета МООиУ - Жене Хавинсоне, Гале Нагайцевой, других, имена которых успел растерять.

Должен упомянуть об одном инциденте на 4 курсе, когда на заседании парткома института (я был членом парткома) мы рассматривали рекомендацию преподавательницы французского языка Н.А. Зуевой (в группу к которой я так и не попал при поступлении для поездки во Францию). У нее там были родственники, она сама там долго жила, чем и объясняется ее безупречное знание языка.

Так вот, старики в парткоме нашли в частых поездках Надежды Александровны что-то подозрительное и были готовы ей отказать.

Я взял слово, высоко характеризовал авторитетную среди студентов преподавательницу, в том числе, и со стороны воспитательной работы, и, чтобы заблокировать немедленный отказ, предложил отложить решение и поручить вопрос специальной комиссии.

Меня в нее не включили, рекомендацию не дали, и чрезвычайно уважаемая мною Н.А Зуева нашла в моих действиях некую уловку и перестала со мной здороваться. До сих пор стыдно и обидно (но за что!).

При поездках домой на каникулах старался привезти маме каких-то денег. Даже на 1 курсе при стипендии в 22 рубля в месяц сумел собрать 50 рублей на покупку дров к зиме.

Потом получал повышенную стипендию (27руб. 50 коп.), а на 4-м курсе - Ленинскую (80 рублей). Совсем богач, как доцент!

Но пошли они на зубы для мамы и прочие траты.

Вместе со студенческими годами надо рассказать о начале своей педагогической деятельности. Повстречавшись в ноябре 1962 года с оказавшимся в Москве Е.С. Аратовым (*Сам он из Латвии. В его доме мы ночевали во время школьной поездки. Но женился на москвичке. Тот еще ходок!*), и по его рекомендации устроился учителем физики в ШРМ №63 на Лефортовском валу. Предыдущий учитель сбежал, даже не получив расчета, после того как парни побили его за то, что ставил им сплошные двойки, а девочкам четверки и даже пятерки.

К работе я приступил несуразно. С 20 января.

Потому что с месяц до этого пролежал с операцией гангренозного аппендицита. (*Запомнил я эту операцию в 36-й больнице, где-то в районе Красноказарменной! Во-первых, наркоз мне кололи целых три раза - в палате при подготовке к операции, потом через час, когда обнаружили, что я не сплю, и окончательно в самой операционной по той же причине. Во-вторых, когда хирург прощупал мой живот, он смачно выругался: аппендикс явно прорвался, надо бы вызвать ассистентов, но поздно, операционную уже запечатали. Пришлось работать самому. Как натянутую тряпку, с треском вспороли живот. А я все не засыпал и по отражению в сферическом колпаке над столом видел, как из живота по очереди вытаскивали и чистили тампонами мои внутренности, и только застрявшие в операционной практиканты из какого-то медучилища все повторяли: «Ну что вы мычите, вам же не больно!». Окончательно заснул только в палате. Когда меня на каталке отвозили в палату, в коридоре толпились больные и свободные от дежурства медсестры – хотелось посмотреть на труп, который зачем-то возвращают на место – хирург Шостаковский имел прозвище Мясник, он расправлялся с аппендицитом за 15 минут, моя же операция длилась 45, неслыханно долго.*)

Эта операция стала не только причиной опоздания к началу полугодия Я и без того был худым юношей, а после больницы похудел до бе-

зобразия. Но в результате выздоровления поправился и располнел почти до нынешних своих размеров – видно, сторяча Шостаковский что-то лишнее задел.

Умница, директор Зинаида Сергеевна Шадрина, догадалась выправить мне трудовую книжку, так что я в дальнейшем получал все надбавки за стаж на три с половиной года раньше однокашников.

Между собой я звал ее тетей Зиной, а завуча Веру Алексеевну (*ее фамилия, кажется, Любезнова или что-то однокоренное*) – тетей Верой.

Они, вообще, относились к работникам по-семейному.

Учителя отвечали тем же.

Так, во время уроков кто-нибудь свободный (*чаще всего, завуч*) ставил чайник, и в перемену любой мог попить чайку - в шкафу были наготове сахар, печенье, пряники. Каждый мог брать, сколько хочет. И потом сам оценить съеденное и опустить в копилку пару монет.

Конечно, скапливалось больше, чем потрачено. В субботу завуч выгребала копилку и шла в булочную за очередным запасом, лишнее шло на общие праздники, на которые всегда всего хватало. Зато каждый нес в школу свои домашние пироги, печенюшки, солености, грибочки и пр.

Зарплата начинающего учителя стада ощутимой добавкой к стипендии. Студенты в то время распевали об этих 22 рублях (округленных до 20, чтобы соответствовать популярному мотиву песни «Я люблю тебя, жизнь»:

Мне немного дано -

Две бумажки в четыре недели.

Я проел их давно,

И душа еле держится в теле.

Век живи, век учись,

Попивая чаек с маргарином.

Так промчится вся жизнь,

И помрешь ты дубина дубиной...

К батону с маргарином добавились полноценные обеды сначала в студенческой столовой МЭИ напротив школы, потом в офицерской столовой госпиталя им. Бурденко чуть подальше. Видно, усиленное питание после привычного в общежитии и больничного и стали причиной моего неожиданного разрастания.

Ученика оказались разновозрастными – было и немало взрослых, по разным причинам не получивших школьного аттестата, но озабоченных дальнейшим образованием. Помню, у одной, Инны Марковой, со стола во время лабораторной работы то пропадали, то вдруг вновь появлялись гирьки, такие блестящие и гладенькие, и оказалось, что она привела с собой сынишку, которого не с кем было оставить. Другой, по фамилии Ямпольский, водитель троллейбуса, когда я в него сел, на весь троллейбус объявил: «Следующая остановка такая-то. Здравствуйте, Игорь Николаевич!», и всем стало ясно, что это я и есть. Много было молодых парней из расположенного рядом об-

щежития милиции. Другие совсем мелюзга, отсеиваясь из дневных школ, их, если они начинали во время урока бузить, живо приводили в порядок взрослые одноклассники. Например, в классе, где я был классным руководителем, на всякий беспорядок без подсказки поднимался староста Анатолий Довбня, крупный суровый мужик. Одна из молодых. Валя Широкая, наша лаборантка, на выпускном экзамене по английскому так разволновалась, что на мое «You may go» не среагировала, на повтор тоже, я продолжал эту пытку, и пришлось директору школы (другого в комиссии, готового это сделать, не было – настоящая учительница накануне охрипла и вообще не пришла) перевести ей многозначительно: «Можете идти»; наконец, бедняжка поняла, что от нее хотят, и припустилась вон из класса так стремительно, что в одежде что-то развязалось, и вся дорожка от стола до двери была усыпана рассыпавшимися шпартгалками. Из своего класса выделял Таню Багрову, симпатягу и умницу. Другого такого, Сашку Бурсова, я в последний момент убедил упертую учительницу допустить до экзамена, и я его совсем поздно вечером искал и таки нашел на квартире тетке (мать уехала в отпуск), заночевал у него и под белы ручки привел наутро на сочинение; потом мы долго переписывались, он женился, родил сына, назвал его Игорем, как он сам говорил, в мою честь (вот что значит избранная мной профессия!), я даже однажды гостил у него в Москве году в 72-м.

У нашей ШРМ были классы в дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. Однажды комплексная группа учителей ШРМ выехала в полевой лагерь дивизии для организации выпускных экзаменов на месте, я был в составе комиссии по математике. Запомнились два ярких случая, связанных с этим выездом. Первый. Рассадили учеников, раздали билеты, и я, чтобы не смущать ребят, отошел к окну - и ничего не пойму: на почти пустом плацу учится маршировать взвод, получается пока плоховато, но при каждом проходе солдаты натужно приветствовали: «Здравия желаем, товарищ Маршал Советского Союза!», причем в обозримом пространстве никого хоть сколько-нибудь похожего на маршала не наблюдалось, да и поведение случайных военнослужащих на плацу, включая взводного, ничем не выдавало его присутствия. Присмотрелся. Оказывается, поодаль лицом к строю стоит плюгавенький солдатик, не вписывающийся в бравый строй, ему-то для тренировки и отдают приветствие остальные. И смех, и грех. Второй. Помнится, стоял жаркий июньский день, вырядившиеся по всей форме ребята изнывали от жары и даже не смели утереть пот с лица. После того как солдатик не смог путно рассказать про объем параллелепипеда, я попросил его подойти к столу с наглядным материалом, взять модель параллелепипеда, обмерить его и вычислить объем; парень совсем растерялся и перестал вообще реагировать на все обращения комиссии, подсматривающие из коридора друзья решили вызвать замполита: какой-то наглый экзаменатор придирается и

заваливает наших! Полковник явился, позволил подчиненным растегнуть воротнички и утереться, а по грустному поводу внял-таки нашему призыву взять второй билет, тут парень пришел в себя и заработал троечку. В другой раз командование вызвало учителей, чтобы мы помогли им оценить готовность солдат-срочников, планирующих поступать в институт – тогдашний министр обороны разрешил поступающим увольняться со службы на несколько месяцев раньше осеннего срока увольнения, чтобы успеть ко вступительным экзаменам, и не возвращаться в часть при любом исходе, так большинство старослужащих последнего года службы решили воспользоваться случаем и написали требуемые заявления, а чтобы отсеять хвальбишек от будущих Ломоносовых, мы и понадобились, как представители шефствующей школы. На собеседовании по физике вдруг оказалось, что после первых же слов «абитуриенты» начинали нести околесицу - мол, моя по-русски не понимаю: все они оказались из национальных республик СССР. Разрешил им говорить на родном языке, я смогу опознать научные термины и фамилии ученых и увижу сопровождающие ответ формулы и графики, а графу «Примечания» заменить на «На каком языке шла беседа». Не тут-то было: результат тот же.

На каком-то юбилее дивизии пришлось увидеть, как к строю подошли два ветхих старичка, поддерживающие друг друга. Это были С.М. Буденный и К.Е. Ворошилов.

В 65-м году ШРМ была переведена в освободившееся школьное здание в Перово, появилась просторная учительская с приличной мебелью, в свободное от уроков время можно было послушать музыку, поиграть в шахматы. Однажды двое таких любителей, оба историки, затеяли громкий спор по поводу некоего похода китайской Народно-освободительной армии - какого числа он начался, какую реку каким частям пришлось форсировать и т.д. Скучавший при этом скромный учитель английского языка не выдержал и вмешался со своими поправками: оба были неправы, события развивались так-то и так-то. «Что Вы историков учите?!» – «Я, конечно, извиняюсь, но это я командовал походом...». Слово за слово, и молчун рассказал много историй о китайских событиях и об участии наших советников при повстанческой НОА. Вспомнил он и полпреда Руднева и будущего маршала В.И. Чуйкова как военного советника при официальном правительстве Чан Кай Ши.

Нельзя упустить еще одну, одну из самых памятных, страниц моей жизни – работу в пионерском лагере от завкома хлопчатобумажного комбината «5-й Октябрь» в городе Струнине Владимирской области (сначала известного по названию соседней деревни Губкино, а впоследствии получившем название «Чайка» в честь В.В. Терешковой – так звучал ее космический позывной; (заодно оказалось, что родом из

Струнина был наш декан М.А. Горбунов, что явилось дополнительным основанием наших добрых отношений). В 1963 году мой одноклассник Виктор Георгиевич Афанасьев, большой любитель этого дела, много о нем рассказывал и совратил-таки меня провести там каникулы, да настолько влюбил меня в летнюю работу с детьми, что я застрял в «Чайке» на долгие 10 лет, даже написал гимн «Чайки», который звучал так:

*Над полями, над лесами
Голубой рассвет лучист.
Лагерь наш, ты проснешься вместе с нами,
И играет «Зорьку» наш горнист.
Взлетает песня к небесам,
И крепнут наши голоса.
И льется, льется песня в нашей «Чайке»,
Вьется, вьется знамя в нашей «Чайке»,
Бьется, бьется сердце в нашей «Чайке»,
Бьется, бьется сердце в молодой груди.
(а после повтора припева гордо):
Бьется!*

И ничего, что слова и мотив припева целиком скопированы с заимствованной песни агитбригады мопийского истфака. Может быть, поэтому никогда этого «гимна» не исполнял, никому не показывал и здесь привожу впервые. Что касается попавшего под руку горниста, то о нем скажу отдельно. Все эти годы в лагере горнил Пашка Мурзов, которому эта роль досталась от старшего брата, отгорнившего свое. В лагере даже при упоминании о пионерском горне часто вспоминали слова «По зову Мурзова...» и далее по тексту, который уже не помню.

Проводил там все свои студенческие каникулы, а впоследствии и школьные отпуски, даже директорские, включая непродолжительные поездки домой и по другим делам; в 66-м году я именно отсюда отправился в Чехословакию. В 1972, году, исполняя временно обязанности начальника лагеря В.А. Уткина (тот получил профсоюзную путевку на юг), дождавшись (в последний момент!) отпускника, я, только заехав домой за семьей, прямо из лагеря отправился вместе с ними в первую африканскую командировку.

В лагере из репродуктора вечно звучали песни. Запомнилась актуальная тогда «Напиши мне, мама, в Египет», всю старались Т. Миансарова, В. Мулерман, тот же И. Кобзон. На танцах и конкурсах отрядной песни и отрядного танца неустанно играл и репетировал баянист К.Г. Георгиев (с непонятным прозвищем Шаляпин).

Работал сначала вожатым, потом воспитателем. (нашей отрядной песней была призывная «Наш паровоз»:

*Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне остановка*

*Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.*

Вот уж повертелся: смотрю строя, песни и танца, костюмированные карнавалы, спартакиады (бессменные физруки Борис Васильевич Ропов и Израиль Иванович Кашлев), соревнования по футболу и пионерболу (упрощенная версия волейбола), туристские походы (один раз 6 походов за все три смены, включая поход в загородный пионерский лагерь Вовкиного Мытищинского машиностроительного завода, откуда потом с ответным визитом к нам пришла отдохнувшая там группа чешских пионеров, восхищавшимися нашими «ватрюшками» и выучившие нас говорить по-чешски возрастное «Як ты красна! Як я милую те!», что понятно без перевода, и чешским песням (например, как в воскресенье на Святую Екатерине молодого Шогаичка вербовали на войну, причем записочку на этот счет написала сама королева, да парень возмутился: почему, мол, меня вербовали в воскресенье, разве нельзя было сделать в среду, так что пришлось даме писать новую записку, чтобы его вернули с той войны; такие вот были неформальные отношения новобранца с королевской особой).. С ними был вожатый Ян Якл, с которым я долго состоял в дружеской переписке и которому помогал в стараниях преодолеть последствия событий 1968 года.

Запомнились военно-спортивные игры. Одна из «Зарниц» началась после завтрака с внезапного приезда райвоенкома и общелагерной линейки по тревоге. Нам сообщили, что в районе лагеря пролетел неопознанный самолет и высадил парашютиста, того сразу обнаружить и задержать не смогли, так что выручайте, ребята! Младшие отряды остаются на месте, а старших распределили по разным направлениям на поиски лазутчика. Просили только не забывать, что тот может быть вооружен, так что проявляйте максимальную осторожность и смекалку. На помощь отрядам приставили по настоящему солдату - и в путь. Ребята поверили и такого насобирали - какие-то подозрительные чистые бинты, предметы одежды и прочую ерунду, заранее разбросанные теми же солдатами или оброненные грибниками. Все сносили в штаб, и обалдевшая старшая вожатая Людмила Николаевна уже не знала, как бы закончить выбившуюся из-под контроля игру. Не тут-то было! Мои мальчишки остановили подвернувшегося механизатора, как раз ремонтировавшего старенький «Москвич», у него, конечно, не оказалось документов, его тоже повели в штаб пешком, а машину толкали до самого лагеря. В одной деревне так перепугали жителей, что матери спешно затолкали по домам детей (мужчины все были в поле). В общем, поиграли. Еле дождалась сигнала отбоя - и тут-то ребятам открыли, что это была игра, всем спасибо, вы оказались молодцами, враг точно не пройдет, выдали арестованному механизатору для оправдания прогула повестку в военкомат на этот день. А один мальчишка по прозвищу Жаботинский все равно тайком щипал и толкал беднягу: «У, гад!».

Применил приобретенные в институте навыки кинодемонстратора и выпросил у разъездного «кинщика» с кнопкой передвигать льготу: пусть он не тратит время на киносеансы в лагере взамен на завоз дополнительных узкоплечных фильмов сверх оплаченной нормы и предоставит мне право показывать их в клубе в любое удобное для лагеря время - в случае дождя, вечерами и т.д. Эти внеплановые кино здорово нас выручали, да и он получал дополнительное свободное время для своих дел. Из лагерных впечатлений вспоминаются также прогулки на природу, дежурства по столовой, уборки палат и территории, построения, постоянные тревоги, куда, кто и зачем разбежался, и пр. сопряженные с этими сорванцами обязанности. Жил с мальчишками в общей палате, в другой с девочками – вожатая. Трудно было уложить их на ночь, но придумал читать им что-нибудь интересное на ночь (с фонариком на книгу), и замолкали минут через 20. По окончании лета, бывало, собирал отряд в Струнине, иногда вывозил их в Москву на экскурсию, на елку или в цирк. Со многими (Витька Коновалов, например) и их семьями, также как и с товарищами по лагерю, подолгу дружил (особенно сдружился с В.А. Уткиным, я часто его навещал, особенно и непременно накануне выезда в лагерь; его мама, Анна Дмитриевна, всегда меня принимала, как сына). В конце смены устраивали огромные костры, отчасти напоминающие строки из песни Владимирского композитора Погосова, напечатанной в областной молодежной газете «Комсомольская искра»:

*Занимаются зори над лесом,
Возле речки шумят камыши.
Словно песня, чудесная песня
Эти летние дни хороши.
Собрались мы в кружок,
Нашу песенку слушает бор.
Налетай, ветерок,
Раздувай пионерский костер.*

А наши прощальные лагерные костры были и впрямь хороши - сруб из сухих бревен 2х2 метра, набитый пнями, сучьями, лапником, сухой травой, гори – не хочу! Ребята резвились, прыгали, пели. И непременный ритуал сожжения на костре в конце каждой смены моих истрепанных домашних тапочек. Потом и взрослые позволяли себе после отбоя повеселиться напоследок.

А самое главное - в 66-м году встретил тогда воспитательницу, а потом старшую вожатую Людмилу Николаевну Компасову, на которой в 1969 году женился. Уж не знаю, чем она польстилась – до сих пор не пойму, сама же она была, да и сейчас этого не отнимешь, красавицей и умницей (так я поначалу ее и оценивал, пока наш второй баянист Борис Степанович Марейчев не проболтался, что и она ко мне «норовно дышит»). Она стойчески выносила все выкрутасы моего порой

невыносимо взрывного характера и, как декабристка, сопровождала меня на всех поворотах судьбы.

(Вот еще одно нечаянное открытие: оказывается, Л.Н. в детстве на поселке с оптимистичным названием Отрада жила по соседству с семьей нашего будущего декана, хорошо помнит и самого Мишку и его отца, деда Андрея, и его тать, незлобивую бабушку Грушу, в конце каждой ссоры с дедом приговаривавшую: «Вот и все, и больше ничего, старый черт!»).

В июле 1970 года, находясь с пионерами в походе, получил известие, что у нас родилась дочь Светлана. Поисками действовавшего в тот день вы окруте роддома (Дмитровский был на ремонте) занялась соседка Н.В. Нифатова, везти пришлось в Ново-Синьково. Непутевый папаша прибыл не сразу. Восприимчиком ребенка на пороге роддома оказался муж одной из учительниц моей тогдашней второй школы Л.М. Филин, дома новорожденную ждала заботливая бабушка Евдокия Тихоновна Компасова, оставившая на время двух детей другой своей дочери.

(Как-то году в 2009 или около того на по пути от родственников пришло в голову заехать в Струнино – посетить старые места. Лучше бы не видеть: градообразующий комбинат «5-й Октябрь» под горячую руку «реформ» ликвидирован, с ним вместе пришел в упадок прежде процветавший город, зарос бурьяном и лопухами, асфальт еле дышит, дороги разбиты, дома и учреждения обветшали. В бывший лагерь заезжать даже не стали, потому что от местных знали, что его больше нет: деревянные дома и пионерские палатки растащены или сожжены, кирпичные строения используются по-другому, территория пущена под дачи, кругом строительный мусор. В антисоветском рыночном раже такую детскую прелесть загубили!).

...Последние недели моего секретарства в институте оказались просто бешеными – происходил обмен комсомольских билетов (комитет на правах райкома!): сверка 2,5 тысяч старых, выписывание новых билетов и учетных карточек, 5 подписей и печати на всех документах, составление и увязка с деканатами графика их выдачи, сама выдача с пожиманием рук каждому... Даже с помощью дежурных членов комитета работа отнимала все время занятий, и порой староста прибегала в тревоге сообщить, что, оказывается, у нас зачет и что преподаватель уже спрашивал, где этот студент. Прерывался, прибежал и сдавал. Но хотя я все годы учился отлично, получал повышенную стипендию (22,5 тысяч), а на пятом курсе вообще был Ленинским стипендиатом (60 тысяч), но эти выкрутасы стоили мне «уда» по научному коммунизму и, соответственно, красного диплома (меня завалили на вопросе «Государства национальной демократии», по которому я бы эту даму сам погонял после работы в Танзании. Причем она специально предупредила заведующего кафедрой (секретаря институтского парткома, членом которого я был), чтобы не вздумал принять за-

чет сам или поручить кому другому). В общем, меня не переизбрали в комитет ВЛКСМ, ректор как бы забыл об обещании аспирантуры и т.д. Распределяться в общем порядке. Несколько дней отлеживался в общежитии (это предательство, как я теперь понимаю, было первым звоночком, который вылился потом в инсульт)...

Комиссией по распределению я был назначен в Дмитровский район директором Якотской восьмилетней школы (замзавоблоно А.Д. Рассадина сама ткнула в эту вакансию). Так я оказался в Дмитрове. Первый же приезд (ранним утренним поездом из Струнинского лагеря) запомнился мне тем, что по главной площади, подгоняемое не всегда цензурными окриками пастуха и щелчками кнута, шумно двигалось огромное стадо коров (как я потом понял, из коровников колхоза «Заря», что было в конце улицы Инженерной, на месте нынешних спортзала и строительного управления, и богатых скотом частных домов по маршруту стада (мне были видны дома по Загорской). Стадо гнали на отведенные бывшему городскому колхозу луга в Заречной части, и в предвкушении сочной травы коровы обильно и спешно освобождались от содержимого застоявшихся желудков, наполняя тихий патриархальный город вполне деревенским ароматом.

Дождавшись открытия учреждений, я разыскал гороно и от завующего Михаила Сергеевича Широбокова узнал, что надо было являться раньше и что директор в Якоть уже назначен (Петр Стефанович Сторожев, весьма достойный человек, настоящий сельский учитель, не чета мне, и мы с первого же знакомства прониклись друг к другу искренним уважением). Созвонившись с облоно, Михаил Степанович предложил мне место в Дмитровскую среднюю школу №3. Должность называлась длинно – заместитель директора школы по внеклассной и внешкольной воспитательной работе с детьми (на правах заместителя директора школы). Должность только вводилась, поэтому выговаривалась не с первого раза; потом закрепилось простое «завуч по воспитательной работе», а я, приехав в облоно для переоформления распределения, в разговоре с той же замзавоблоно сказал вообще, что меня назначают «каким-то придурком, точно не помню». Бедная Александра Дмитриевна ахнула от такой наглости, но она меня знала еще по институту и ругала недолго.

В школе №3 работал я недолго. Номинально – один учебный год. Осваивал невиданную до того должность вместе с куда более опытными коллегами из других школ А.Ф. Тягачевым, Н.С. Носкиной, Е.Г. Топчий, А.П. Герасимовой, А.П. Дмитриевым и др., даже руководил их методобъединением (больше учился у них сам, хотя и свой секретарский опыт пригодился). Месяц учился на курсах в ЦИУУ, бывшем ЦИПКРРНО (расшифровку обоих знаю, но не скажу, оставим интригу для исследователей).

Помню многих учителей школы №3. Директором сначала была Нина Сергеевна Грибокова, потом М.С. Широбоков (вернулся на свое

прежнее место), завучами В.В. Петропавловский и К.М. Жильцова). Со всеми остался друзьями, и с рядовыми тоже.

Из больших дел 3-й школы могу назвать один из первых в районе (вообще-то второй после Рыбненского) лагерь труда и отдыха «Муравка» в Бунятыне. Интересное оказалось дело! Наладили житье коммуной, самообслуживание на кухне (колка дров и даже приготовление еды), ежедневные линейки с итогами за день. Работали на прополке и уборке овощей. Как-то раз ребята убрали раннюю редиску, связывали ее в пучки – десяток для отправки в магазины, одну обтереть о штаны и себе в рот; это заметил подвернувшийся откуда ни возьмись директор совхоза Э.А. Самвелов. Сейчас он мне за этот недогляд даст! А он набросился на совхозную бригадиршу: «Ты что, сама не мать?... трам-таратам!... Почему у тебя дети грязную редиску едят!» – и там же его шофер привез на поле флягу с чистой водой: «Помойте и ешьте, ребята». А вообще-то Клавдия Михайловна Хлупова окружала нас прямо-таки материнской заботой, проверяла, чистые ли у нас простыни, свежее ли мясо готовится на кухне; про нее пришлось сочинить понравившуюся детям, да и ей самой частушку: «Тетья Клава – наша мать, не дает нам просыпаться».

...Из писем узнал, что в нашем интернате сменился директора (очередной и опять неудачный), временно заменяет наш старенький Григорий Алексеевич, и по окончании учебного года я засобирился туда. Списался с Владимирским облоно, получил приглашение на беседу, не без труда рассчитался с работы, снялся с партучета, съездил во Владимир, беседовал в облоно, да не приглянулся Владимирскому гороно (по молодости, конечно). Вернулся в Дмитров, но в горкоме уже обговорили вопрос с моей заменой, тогда переговорили с новой завгороно З.А. Костиной, скорой на неожиданные решения, с ОБЛОНО, и 23 августа 1968 года я был назначен директором Дмитровской средней школы №2.

Очень значимый для меня этап. Начать с того, что это была по тому времени самая большая школа в городе (и вторая в районе (после Синьковской). К тому же директора в школе не было все лето, временно попеременно исполнявшие эти обязанности завучи и учителя никаких значимых решений не брали (а так как вводилась новая 6-я средняя школа, предстояла большая передвижка микрорайонов, учеников и учителей), так что с первого же прихода во вторую школу я в эти проблемы окунулся. Помню, всех достала бабка Морозова, озабоченная переводом ее внука в какую-то другую школу, чего не хотели ни она сама, ни та другая школа; бабка наступала: «Мне в роне сказали (да еще с настоящим о...», я подхватил это слово и в записке своему первому заместителю Н.Я. Алмазовой так и написал по-мальчишески: «Я ушел в РОНО. Вернусь из рона и потом скажу, что делать дальше». На мою беду, в школу поглядеть на первые шаги

новоиспеченного руководителя приехал первый зампред исполкома А.С. Щеголев, он не понял и не оценил шутки, едко наязвил и потом много мне это поминал; он с самого начала был против назначения такого молодого директора; через некоторое время он оказался следующим завгором, и это окрасило все мои отношения с ним. (Знал бы он, что в свое время и я окажусь на этом месте! Впоследствии мы с ним обоюдно успокоились, а под конец и подружались, насколько с ним это возможно). Во второй школе в порядке эксперимента вводился новый предмет «Начальная военная подготовка» с подготовкой мотоциклистов, и это вылилось в дополнительные отчеты, комиссии, взаимоотношения с военкоматом. Еще одна особенность этого коллектива – большое количество бывших руководителей школ, горомо, методистов, каждый из которых имел свое особое мнение, обязательно отличное от мальчишки-директора; к тому же там оказалось много незамужних дев и вдов; все это сказалось на нервной и довольно склочной атмосфере; наверное, поэтому так долго не и могли назначить директора.

На следующий, по-настоящему первый для меня рабочий день, случилось два интересных события. Во-первых, родители учащихся, прослышав о состоявшемся-таки назначении директора школы, заявили решать наболевшие вопросы перевода детей в другие школы или оставления в этой по разным причинам, причём их оказалось, наверное, пару сотен, они стояли в тесной и крикливой очереди прямо от площадки перед школой, оккупировали крыльцо, и так до самого директорского кабинета на втором этаже, и не пускали меня войти. «Да я тут работаю» – «Нечего врать! Знаем мы все, кто тут работает. Вставай в очередь...» (под многоточием подразумеваются соответствующие междометия и словосочетания). Ничего не вышло, пришлось застрять в очереди (к самому себе!). На мое счастье, с лестницы меня узнала старшая пионервожатая школы Галя Жеребко: «Да он и есть директор!» – и вызволила меня из плена. Начал рассматривать дела. Закончив, поехал в горомо. Во-вторых, когда вернулся, уже стемнело, я при входе в кабинет включил свет - и раздался взрыв, на мою голову посыпались осколки: взорвалась лампочка, ходить опасно. Прокрался к телефону и вызвал на помощь задержавшуюся с делами ту же Наталью Яковлевну. Такой вот салют по поводу моей «инаугурации».

Пора сказать обо всех моих заместителях. Опять я в ситуации, когда оказался в окружении разных по характеру, но более опытных по сравнению со мной людей. Спокойная и последовательная Н.Я. Алмазова, быстрая и новаторски настроенная З.Г. Филина, бурливая и вечно что-нибудь обновляющая Н.С. Носкина дополняли друг друга, часто спорили, но всегда находили нужное решение. Все до меня носили значки «Отличник народного просвещения», все с чувством

юмора. Хорошо держали непростой коллектив, помогали мне в всем, втихомолку посудачив между собой. Среди рядовых учителей назову А.Ф. Троицкую - выдающегося математика, героя статьи завметодкабинетом И.И. Севастьянова «Призвание учить детей» в районке; Т.М. Яворовскую - известного в районе химика, инициатора и руководителя школьного музея МХАТ, получившую при мне почетное звание «Отличник просвещения СССР»; ту же Н.С. Носкину, биолога, на уроки которой ходили даже те, кто мог запросто пропустить все уроки в тот день, даже если биология каким-нибудь пятым уроком, и ее сына А.В. Носкина – трудовика, бесшменного руководителя всякого технического творчества учеников; Т.В. Прокопович - физика, вечной занозы, приверженца старых, «довсеобучных» жестких методов обучения, нестигаемо ставившей по десятку-два годовых двоек (я в начале своего директорства лихо освободился от 14 второгодников, отчислив их из школы и тем напрочь испортив всю районную статистику по сохранению контингента – оказывается, это был в то время главный показатель работы школ, чем усугубил свою репутацию и явился неисчерпаемым объектом критика на совещаниях директоров школ района на многие годы); Е.В. Близнюк – математика, имевшей т.н. учительское образование (было такое, тарифицировалось как незаконченное высшее) и производившей впечатление «серой мышки», но в период областной проверки неожиданно для администрации получившей высокую оценку методистов МОИУУ за глубокую работу со слабо успевающими, обнаруженную в тетрадях учеников, даже взятых в институт для демонстрации мастерства (ей достался 8-в класс, самый неорганизованный и бестолковый в школе (да и возраст такой), но как-то я придрался к их примерному дежурству по школе (под неусыпным руководством Екатерины Владимировны), и я на линейке премировал их на спектакль в РДК; как раз какой-то областной театр давал пьесу, впоследствии ставшую мотивом для фильма «Ирония судьбы, или С легким паром», идущего по ТВ каждый Новый год; ребятишки конечно, ничего из интриги не поняли, все шутки восприняли как хохмы, посмеялись нелепым сценам, но гордились несказанно; М.В. Галямину - математика, ничем поначалу не отличившегося, но однажды во время массовой болезни учителей выручила меня (все знающего и все умеющего директора), подошла к вывешенному мной расписанию уроков (ужас что такое: по два-три учителя одновременно на один урок, потом у класса «окно»), а Мария Васильевна подошла и мигом наладила дело, впоследствии она и стала завучем этой школы; Е.А. Еремееву, непрерывно поучавшая всех, но, как я теперь понимаю, имевшая на это право в силу своего возраста и опыта, в том числе директорского; впоследствии именно она снабжала меня свежими новостями из Дмитрова, а в конце жизни оказалась верным партийцем и активно помогала воссозданию районной организации КПРФ; М.П. Сперанскую, физкультурницу, ловко

расправляющуюся с прогульщиками; Р.И. Кувшинову, англичанку, у которой неисправимый трижды двоечник великовозрастный Коля Сергеев, поизучавший за эти годы все школьные языки, вдруг по английскому оказывался успевающим – да двойки, если все по-честному, но он сам считал их вполне заслуженными тройками, потому что на уроках получал индивидуальные задания перевести какую-нибудь сказочку со словарем, в случае затруднения мог подойти к учителю, но только тихо, не мешая ей вести урок, да так увлекся, что мог потом пропустить в тот же день все уроки подряд, кроме английского... Если здесь кого и не смог назвать, пусть не обижаются, я их все равно всех помню.

Из крупных дел школы можно назвать также ЛТО в Бунятине и Кочергине (в последнем встретил образчик ребячьего творчества -пункт в обеденном меню УКЧЕ – оказалось, у кого что есть), победы в районных и областных химических олимпиадах и конкурсах (по поводу одного доклада восьмиклассников А. Кудряшова и Е. Бублик «Исследование электропроводности электролитов» получили отзыв из Менделеевского института, что работа этих восьмиклассников достойна курсовой работы для студентов 2-го курса), дружбу с коллективом МХАТ (Т.М. Яворовская была страстным поклонником Народной артистки СССР А.К. Тарасовой) и их частые приезды в нам, так что и дети, и мы сами могли видеть лично многих известных по фильмам артистов – А. Тарасову, А. Ерибова, Е. Ауербах, Т. Громову, В. Корнукова, Л. Харитонову и других; потом товарищеские ужины в кабинете домоводства. учителя выставляли домашние заготовки – квашения, соленья, наливки, настойки, медовуху, чем приводили москвичей в искренний восторг, а некоторые даже признавались, что буквально дрались за место в делегации в предвкушении этих разносолов, недоступных для москвичей с их казенными гастрономами; во время одной встречи в школе случился небольшой пожар, но все вели себя достойно, без паники, и быстро поотшили загорание в кабинете химии и совмещенной с ним кладовке физиков. (Впоследствии эта связь с театром перешла вместе с Т.М. Яворовской в новую школу №9 – масштабное строительство в городе заставило перекроить школьную сеть – и переросла в Народный театральный музей.

Запомнилось одно посещение с учениками 2-й школы во Дворец культуры. В Дмитров приехала из Москвы группа ветеранов войны. Среди них на сцену вышли пять стариков – единственных оставшихся в живых участников Александровского ансамбля, впервые исполнивших на перроне Белорусского вокзала при отправке войск на фронт 24 июня 1941 года и ставшую символом борьбы с захватчиками героическую песню того же Александра:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой*

*С фашистской силой темною,
С проклятой ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.*

А потом перед молодежью выступил легендарный А. Мересьев, и я должен отметить, что мой ребята слушали его, как вкопанные.

Среди известных ныне в городе учеников могу назвать Аллу Березкину (теперь А.А. Поспелову, заместителя Главы района), того же Игоря Кудряшова (теперь И.В., директора Центра занятости); Зину Тимофееву (теперь З.И. Злотникова, кандидат педагогических наук, директор Дмитровской межпоселенческой библиотеки - назовут же, прости господи, нет бы сказать попросту Центральной районной библиотеки), Аллу Рязанову (теперь А.В. Курбатова, Заслуженный учитель России, кандидат педагогических наук, директор гимназии «Дмитров» - лучшей школы России 2005, кажется, года, прежде той самой 6-й школы), встречаются в разных учреждениях и другие ученики, которые помнят доброе и с той же добротой помогают по мере возможностей. Отмечу также Лену Лисенкову, ныне доцента МФТИ (фамилию по мужу, с сожалением, не знаю) – она писала мне даже в Африку.

Проработал во второй школе всего 4 года. За это время меня нашли в анналах республиканского Минпроса, (пригодилась-таки моя специальность), живенько «озадачили» (выездная комиссия в горкоме, оформление в Минпросе, инструктирование в ЦК, прививки от тысячи африканских напастей) и направили по межправительственному договору в первую длительную командировку в Танзанию – Объединенную Республику Танганьики и Занзибара.

Наступила новая полоса в моей жизни. Запомнился тогда почти суточный перелет нашей семьи с двухлетней дочерью Светланой, посадки в Каире (там помню фиолетовые «взлетные огни аэродрома», Аддис-Абебе (Эфиопия), Найроби, Хартуме, Энтеббе (Уганда) и, наконец, Дар-эс-Салам (потом мы на местный манер называли его по-дружески просто Дар). Помню, как мы, наконец-то, вздохнули свободно от несусветной жары и жажды - Подмосковье в тот год пыдало торфяными пожарами, все заволкло гарью, а тут – чистый воздух! Вот чудно-то! Ну и что из того, что это тропическая Африка? Жить можно.

Нас встретили сотрудники экономической миссии нашего посольства. Глава миссии Д.С. Хайруллин провел вступительную беседу. Первое затруднение: не готово наше распределение, пришлось застрять в столице. Поместили в приличный отель «E.Tienne's», по-

знакомились с гостиничными прелестями, местными блюдами и пряностями, оглушительными танцами на площадке прямо под нашими окнами, дружелюбным хозяином-греком (преподал мне первый урок по суахили); в свободное время изучали город. После недели такого безделья получил распределение в среднюю школу имени Мквавы (Mkwawa Secondary School, про самого Мкваву скажу позже) в областном городе Иринга, в нагорье в 500 км от столицы, в ранге «Educational Officer 2» и, после изучения моего диплома и приложения к нему в комиссии каких-то аксакалов, с окладом бакалавра. Часов 10 в автобусе. Школа нас встретила на грузовике и всех и вся перевезли на место, в школьный поселок километрах в двух от города, разместили в приличном доме с цветником и двориком, занесли в дом: заселяйтесь. Наконец-то мы дома.

Школа построена давно, явно для бывших хозяев колонии - англичан, и представляла собой целый поселок со школьным зданием, общежитиями для студентов (человек 500), коттеджей для персонала и прочими необходимыми для такой уймы народа постройками. Среди учителей много иностранцев, которые встретили нас приветливо, как и местные. Русских тут побывало и раньше, так что мы не в диковинку. На момент нашего прибытия в Мкваве работал Вася Шаров, учитель физики. Школа мужская, средняя по названию, но по программам ее вполне можно приравнять к колледжу и даже к младшим курсам университета. «Детишкам» лет по 14-20. Вася повел знакомиться с директором, с отделением физики, в котором я значился заместителем заведующего. Тут произошло непредвиденное: Вася заставил отдельно поздороваться со стариком-лаборантом Мвакисисей и спросить непременно по-русски, как у него дела, я, не подозревая подвоха, получил в ответ все, что он по-русски и знал ... (э. э...э...как бы покультурней перевести его ответы): «Да плохо». – «Что такое?» – «А что поделаешь!». Это постарались ребята из предыдущей русской группы (Смирнов и Брюханов). Вот так встреча!

Поручили вести лабораторные занятия (2 часа в группе в неделю), они здесь отдельно от лекций (10 часов). Серьезное отношение к физике! Преподавание на английском, внеурочное общение тоже, с местным населением – пришлось осваивать суахили. Сосредоточился на лабораторной физике, изучил систему этих занятий и нашел, по выражению коллеги шведа Бенгта Ринальдо, что «система заключается в том, что отсутствует какая бы то ни было система». Занялся построением этой системы, написал руководство по предмету, изданное в школе, отправил в журнал Ассоциации учителей естественных наук Объединенной республики Танзания (STAURT) серию статей. Кончилось тем, что приехавший в «Мкваву» для руководства практики своих студентов преподаватель университета англичанин Пол Майал от имени естественного факультета пригласил прочитать перед факультетом доклад по теме, чтобы присвоить мне звание маги-

стра. Потом этот Пол, политически сторонник троцкизма, в одной из лекций позволил себе некоторые высказывания, неприятные для политического руководства Танзании, и его (по инициативе студенческого совета) в 24 часа выслали в свою Англию, так что весь проект лопнул (а жаль: в Союзе мне без всякой защиты вручили бы кандидатскую степень. Но я ее получил через 27 лет уже в РМАТ).

Директор школы (по-местному headmaster – главный учитель; у них директор не только руководит учебным процессом, но также распоряжается всеми ресурсами школы - землями домами, людьми) - Питер Палангио, к тому же автор известной в Танзании книги «Dying in the Sun» – «Умиравшие под солнцем» о племенной жизни и о судьбе африканской женщины (так я понял). Кстати, у меня учился один парень с той же фамилией, и при случившемся однажды шмоне в общежитии, в котором мне пришлось участвовать, я обнаружил у него эту книгу, среагировав в том смысле, что он однофамилец директора и потому может надеяться на особое к себе отношение, и получил ответ: «Да я ему племянник, но он об этом вряд ли догадывается, потому что у него 92 брата и сестры (!)». У деда было 6 жен, да если посчитать всех их детей, то нетрудно представить ситуацию, что дядя ежедневно встречается со своим племянником и даже не подозревает этого. О каком уж теперь «особом отношении» речь? Да и не могло быть таких отношений у такого важного барина. В 1973 или 1974 году он оказался старым знакомым президента Ньерере и был назначен советником в посольство Танзании в Москву на особый пост Students Adviser – консультант по делам студентов, которых из Танзании в СССР было много. Помню, как хедмастер сообщил об этом в школьном баре и расспрашивал нас, русских, к чему готовиться. Например, почему русские мужские фамилии кончаются на -ов, а женские на -ова. Объяснили. Тогда он обратился к жене Эмили «Прикинь, тебя будут звать миссис Палангиева». Нам с Людмилой Николаевной довелось по приглашению семьи Палангио посетить их квартиру при посольстве на Пятницкой 25, угоститься их бутербродами, а потом и полным обедом в ресторане гостиницы «Россия». Его сменил обходительный, умный и симпатичный Элиа Стаки, с которым мы неожиданно встретились во второй командировке. Но всему свое время.

Пора сказать вообще об африканцах (между прочим, было не принято называть их неграми, это звучало неловко: в переводе с латыни черные, в американском варианте ниггер – вообще «черномазый», я и теперь этих слов не употребляю, а в отношении темнокожих американцев говорю афроамериканцы). Оказалось, что это предубеждение (по незнанию, из-за редкости этих лиц на улицах русских селений), что-де все африканцы на одно лицо и что все они страшные на вид – мы скоро стали отличать отдельные лица, и некоторые из них не только не страшны, но бывают и просто привлекательными. А ско-

ро перестали вообще обращать внимание, кто тут белый, кто черный. Когда мы в 1974 году приехали в СССР в отпуск, Света обратила внимание: «Мама, сколько тут белых!» – там были, в основном, привычные черные. Будучи в Мкваве, она много лазила по деревьям перед домом, свободно общалась со сверстниками любого цвета.

Как-то раз мама, работая на кухне, обратила внимание, что перед Светой замер старик-африканец. На вопрос, в чем дело, тот попросил попить, а потом задал встречный вопрос: «Это ваш ребенок?». Оказывается, дочка так свободно болтает с ватагой танзанийских сверстников и даже командует ими, что дед не поверил своим ушам и долго проверял впечатление.

Другой раз она выручила маму, когда та не нашлась, как поступить на слова торговки яйцами на рынке: «Тетя же сказала, что уходить не нужно, что придет дядя и принесет новых яиц».

А постоянными ее друзьями были дети соседей – канадка Лора (вообще-то Lora, но так произносится по-английски), норвежец Мате. Раз приходит соседка-норвежка и спрашивает: «Что по-русски означает турачок?». Отвечаю: «Наверное, то же, что по-норвежски тумми». Видать, состоялся обмен колкостями у детей. Этого Матса Люсе доверено было однажды даже постричь (парень совсем зарос, но никому не доверял прикасаться к снопу своих беленьких волосенок). Получилось, пришлось миссис Курышевой обслужить и его папу под присмотром верного Тоби.

Хочу сказать добрые слова о языке суахили. Красивый и мелодичный язык. Много гласных звуков, на гласные заканчиваются все слова, ударение всегда на предпоследнем слог. Многие неродные слова являются неизбежными заимствованиями из других языков (кто тут только не наследил!): школа у них shule (немецкая Schule), станция – steisheni (английская station), газета – газеты (итальянское gazette), билет – tikit (английский ticket), библиотека – maktaba (буквально – место, где много книг) из арабского, отсюда же тетрадка – kitabu (буквально – маленькая книга). Не забывайте только про ударение на предпоследнем слоге.

Много внимания власти Танзании уделяли воспитанию молодежи. В школе было студенческое самоуправление. Ежедневно, при любой погоде, на специальной площадке выстраивался весь коллектив студентов и преподавателей (по крайней мере, граждан Танзании), поднимался флаг страны, затем по команде председателя школьного отделения TUL (Молодежной лиги ТАНУ) «Moja, mbili, tatu!» {раз, два, три}, задававшего ритм и тональность, и вся школа молодым мужским хором дружно исполняла национальный гимн (все три куплета!) «Mungu ibariki Afrika», полного текста не помню, а краткий перевод можно передать словами: «Боже, храни Африку (в следующем куплете – Танзанию) и ее людей». То же происходило во всех соседних школах в Иринге, то же мы встретили потом и в Ифунде.

Из впечатлений той командировки надо упомянуть и эпопею с прилетевшей в составе нашей группы девицы по фамилии Зайцева. Она получила распределение в одну из школ города Моши, где через год влюбилась в канадского учителя, расписалась в местной конторе, спряталась в каком-то отеле и вознамерилась эмигрировать к нему. Наши дипломаты, коллеги-учителя сутками дежурили у этого отеля, чтобы хоть объяснить дуре, что регистрировать брак надо было в нашем посольстве, чтобы он был признан в обеих странах, что канадское гражданство она получит не ранее чем через пять лет постоянного проживания там, а за это время чего только не может произойти. Девица пряталась под охраной полиции и не отвечала на телефонные звонки. Уехала. Парень действительно ее бросил почти сразу (видно, и нужен был только на период провокации). Что с нею стало потом, не знаю. Только говорили в посольстве, что сильно пострадал ее отец, крупный чин в УГБ (он-то, небось, и пристроил дочку в заграничную командировку), да поседела ее мать. Кстати, подобный случай произошел и в следующей командировке в Танзанию: некий питомец МОПИ по фамилии Трончинский (имени не помню, в институте и члены очередной группы звали его просто Троня), сын ректорской секретарши (и тут не обошлось без блага!) отстал от группы по пути и оказался в США. Он кому-то писал оттуда. Знаю, что как перебежчик он никому не был нужен, его специальность «физика на английском языке» тем более, и он оказался на конвейере какого-то автозавода.

Чудный был в Мкваве коллектив.

Канадцы Дон Хорсман, наш ближайший сосед (чуть переименовав его фамилию в Horseman, мы для конспирации звали его между собой «Конюх»). Он потом правил мой английский в рукописи и нашел пару-другую допустимых для не англичанина неточностей: употребление не тех предлогов, понятных только русским идиоматические огрехи и т.п.

Чарльз Гоберис (литовец по происхождению) как-то нас удивил стрельбой по голубям – набирал на завтрак. В другой день в его ванне вдруг показалась из сливного отверстия кобра, перепугав хозяйку насмерть. И Чарли с коброй не справился, пришлось звать местного слугу.

Индусы м-р П.М.П. Чампси, как он себя представлял (наш сосед с другой стороны). Однажды моя жена принесла для их приболевшего младенца привезенную из дома лапчатку, и малыш поправился, так Чампси потом всем нахваливал это русское средство. В другом случае его дом пытались ограбить ночью, и он призвал меня на помощь. И получил ее при поддержке Тоби, пса норвежца Му, занявшего соседний дом вместо уехавших на родину Хорсманов.

Многодетный м-р Саксена, Нагар Сингх Дхами (как и положено сингху, в тюрбане и при кинжале). Однажды он собрал нас, русских, и продемонстрировал свои навыки йоги, да так всех потряс!

Датчане Бергит и Пит Форкхаммер хвастались своим «социалистическим» именем (оно в переводе означает «вилы-молот», что почти соответствует нашему серпу и молоту). Пригласив нас однажды на обед, они много говорили о замечательном русском блюде кромеки, а в подтверждение его существования принесли датскую поваренную книгу, но из их разъяснений мы ничего не поняли. В 77-м году «бабушка Бергит», как ее звала Света, приезжала в составе туристской группы в СССР, мы с ней 7 июля (праздничный день в Танзании, «саба саба», две семерки, день основания ее правящей партии ТАНУ в 1954, кажется, году, да тут вообще 7.7.7!).

Мы ожидали второго ребенка, так бабушка Бергит привезла кучу подарков, но мы опоздали к отлету их самолета в Шереметьево из-за неожиданного ремонта дороги, и вся посылка досталась опешившей переводчице.

Афроамериканец Саттон Пейдж (он квартировал в доме №39, на табличке которого после номера, как и у всех, было обозначено и имя постояльца, и поэтому он звался всеми просто «Пейдж 39» – «Страница 39») и белый американец Грегори Питман (в переводе землекоп, как мы его и называли).

Англичане Пит Мандерс (правил мои статьи – с тем же результатом) и Лесли Харгривс (есть сомнения насчет истинных причин его приезда и его поведения с нами), шведы Бенгт Ринальдо (когда бывал у нас, он каждый раз восхищался Люсиной квашеной капустой, поглощал ее в любом количестве и просил научить ее квасить, обещал пропагандировать эту вкуснятину и даже открыть фирму «Главкапуста» – бог его знает, откуда он сочинил это название!) и Карстен Магнусон. Он в числе прочих характеристик шведского житья-бытья рассказал, как однажды после воскресного катания с гор на лыжах присел в ожидании поезда на скамейку железнодорожной платформы и поболтал с коротавшим время на лавочке старичком, а наутро увидел в газете фотографию своей мирной беседы с Его Величеством королем Швеции, причем никаких назойливых папарацци на платформе он не видел. А меня привлекла обыденность королевского воскресного катания на лыжах – в противовес громогласного проезда по московским улицам милицейского кортежа с мигалками и оглушительными сиренами для сопровождения какого-то слуги народа по его делам, притом ради этого надолго наглухо перекрывается движение по целым улицам.

Финн Фредрик Лагус (по его словам, потомок графов времен Российской империи). Именно он нашел меня в Даре после моего изгнания из Мквавы и рассказал о дальнейшем развитии грозных событий.

Танзанийцы Мартин Каньеле (его сын лет 10 звался Джеремиа – по-нашему Ерема, так он имел обыкновение после занятий в со-

седней начальной школе приходиться на наше крыльцо, молча сидеть сколь угодно долго, а когда кто-нибудь из нас выглянет, спрашивать, спит ли Света (понравилась, видать, вот я и звал его «зятьком»), Али Тукай (с женой Илюминатой и сынишкой Мавери) и Терман Лашау (его сын лет 12 по имени Венанс позволял себе поправлять мое произношение на суахили и однажды уберег меня от большого конфуза). Все они были нашими соседями, заходили к нам, приглашались и в ответ приглашали отвечатать угощения и по приведенным примерам, что вели себя вполне по-соседски и не сторонились ни от какого знакомства. Часто задавали нелепые вопросы, внушенные иностранной прессой, как бы незаметно шупали, есть ли у нас рога, не выдали ли нам специально для поездки за границу чужого ребенка из какого-то общего приюта вместо своего, по чему мы часто носим из дома в дом еду – не по привычке ли есть обязательно колхозом (а мы действительно иногда собирались в одном доме на посиделки и несли, что у кого есть вкусенького), неудобные вопросы и ответы старались обходить. Так же вели себя жены иностранцев, объединившихся в Иринге в некий клуб, собиравшийся по очереди у одной из них, куда вступили и наши жены; когда пришла очередь до нас, моя Люси угостила их пирожками с мясом, объяснила под запись рецепт и технологию, и потом они долго вспоминали это русское угощение «пирожка».

Оборудована школа была неплохо. Департамент физики, кроме обилия разнообразных лабораторных и демонстрационных приборов и материалов, имел фотолабораторию, множительные аппараты. Однажды в моей аудитории происходила как раз инвентаризация, со всех отделений пригнали человек пять лаборантов, и надо же было нашему Эмманюэлу расхвастаться перед ними своими знаниями русского языка и устроил настоящий мастер-класс – заставлял каждого повторять за ним все произнесенное, замечал все неточности их произношения, поправлял и заставлял повторить до нужного варианта, и так по всему объему – в общем, мне пришлось вести занятие в таких клубах специфического русского лексикона, что хоть топор вешай. И смех, и грех. Тот же Эмманюэл как-то раз пытался предложить мне некую сигаретку; больше не отваживался.

Студенты учились не ради «всеобща», а ради себя, своей карьеры. Старались не пропускать занятий, выполняли все заданное, а если какую задачу не решили, караулили до моего прихода в аудиторию, чтобы получить объяснение, и никогда не списывали. Охотно валом шли на любые дополнительные занятия и по физике, и по другим дисциплинам (но однажды мне поставили лекцию по некой «General Paper» (вроде нашего обществоведения, общего кругозора), по теме «Корни проституции в моей стране» (ничего себе!), так эти молодцы не явились, за исключением полудесятка, что дало мне основание гордо развернуться на выход, а вот на лекцию по их же запросу «Причины Октябрьской революции» пришел почти весь выпускной курс. В

свободное время читали, делали уроки, занимались самообслуживанием, общими работами на территории и на шамбе (школьном огороде), спортом. Кстати, заметив, как я люблю из лаборатории на их игру в баскетбол, студенты попросили стать их патроном, потом судьей, тренером, так что скоро я оказался и так называемым спортсмастером – что-то вроде ответственным от администрации за спортивную работу; в 74 и 75 годах наша школьная команда выступала на первенстве Танзании от области и заняла 1 место (в 75-м уже без меня, но я был еще в Танзании, и весть до меня дошла). Чуть не погрелся на этом солнышке и я: мое судейство было оценено местными баскетболистами, и я получил приглашение на зональный семинар ФИБА, где после пары семинаров и контрольного судейства я мог бы получить международную судейскую категорию. Не получил согласия наших консулов, а жаль – судил игры по б/б еще много лет уже в Дмитрове.

Про поездку в 74-м году на первенство в город Додому стоит рассказать особо. Уже сказано, что команда Иринги (в нее были включены несколько ребят из соседней Ифунды, так что ею вместе со мной руководил учитель оттуда, афроамериканец с не подходящей ему фамилией White – белый) выиграла.

На другое утро собрали кубки и свои вещи, стали ждать автобуса, а его все нет. Стоим за воротами час, другой на полном солнцепеке, хочется попить, потом и поесть. Ропот. Чем занять парней? Они сами подсказали тему: как раз во всех газетах писали, как эти Советы выслали из страны великого писателя Солженицына (притом настолько великого, что его имя они произносили, коверкая и сверяясь с текстом). За что его наказали, ведь он писал правду! Пришлось разъяснить, что писатель нового ничего не открыл, разве что для них, что режим Сталина был осужден уже 15 лет назад на XX съезде партии, Солженицын только добавил немало новых мастерки систематизированных свидетельств. Да и правда может быть разной, смотря от того, как ее подать. Пример искать не пришлось: можно ярко описать ожидание автобуса на жаре, неизбежные мучения и жалобы на неадекватность распорядителей, а можно оттенить другую сторону – как правительство небогатой страны все же посчитало возможным потратиться на спортивное мероприятие и собрало в Додоме школьников со всей страны на этот праздник, а что касается задержки с автобусом, то по сравнению с главным событием это временное неудобство. Меня поняли. (Я к тому времени прочитал книгу Б.А. Дьякова, также отсидевшего в Гулаговских лагерях, «Повесть о пережитом», вышедшую в журнале, но прочитанную в рукописи, сохранившейся у его брата, дочь которого я готовил к экзаменам в МОПИ. Так вот в этой повести не скулеж о мерзостях сталинизма, которых и в самом деле было немало, а нестигаемая борьба несправедливо осужденных за свои убеждения).

И вообще мы были дружны со студентами (когда я позднее впервые попал в посольство Танзании в Москве и не знал, как пройти в здание, сидевший в вестибюле за просмотром газет с родины парень-африканец просто сказал другому: «Джон, покажи м-ру Курышеву, как пройти к м-ру Палангио» – хотя я только вошел и только спросил дорогу, не представляясь; в другой раз на эскалаторе метро ко мне вдруг со встречной ленты радостно обратились: «Шикамоо мва-лиму», шикамоо – предельно учтивое обращение к старшему по возрасту или положению, мва-лгшу – учитель; лица говорившего я не успел даже увидеть, не то что встретиться взглядом). Часто вспоминаю своих парней и стараюсь не забывать их имена: Кароли Ньяндуку, Валентин Кимарио, Томас Муши, Эмиль Магиге... Жаль, что их симпатичные лица остались у меня только на слайдах, перевести их на обычные фотографии и показать здесь не удалось. А при демонстрации слайдов аудитория неизменно разделяла мое мнение.

Последний заслуживает особого упоминания. В начале 1973 учебного года он не явился на первую мою лекцию, и так целых две-три недели; я уж стал автоматически ставить ему неявки, как он вдруг явился и объявил, что-де болел, а раз руководство школы как неявно реагировало на мои доклады, я сам решительно его отобрал и даже сунул ему под нос свою дулю – мол, смотри у меня! – а он не зло так, с улыбкой осмотрел мой кулачок и виновато извинился.

Днями позже я узнал, что полное имя его Э.М. Ньерере, что он сын президента и чемпион страны по боксу (что ему мой мелковатый кулачок!). Потом мы подружился, я, не только по своей обязанности спортсмастера, был на многих его боях и каждый раз играл с ним в игру: заранее говорил, в каком раунде он должен уронить противника, и он всегда точно выполнял заявку. (В числе моих студентов в первые месяцы нашего приезда в Мкваву был и другой президентский сын, но его имени я не запомнил).

Перед прощанием мы сфотографировались с ним и еще одним студентом, Зубери Мквавой – потомком того самого вождя Мквавы, национального героя Танганьики, погибшего в борьбе за освобождение народа суахили от тогдашних колонизаторов, немцев, который при определенном развитии событий мог бы быть местным императором – а чтобы подчеркнуть всю пропасть реальной истории, поместил между ними советского коммуниста. Этот слайд повторить тоже не удалось.

Про их образование могу добавить, что студентов средних школ начинают рано специализировать на изучение либо естественных наук, science, либо гуманитарных, arts. Изучению подлежат только 4 дисциплины, одна-две других проходят архикратко, ознакомительно. Причем набор может выглядеть довольно странно. Например, я преподавал на потоке РСВ – физика, химия, биология, частью на потоке PGM – физика, география, математика. Имеется в виду подго-

товка по конкретному набору специальностей. Но как серьезно изучать физику, если математика в РСВ – только факультативно?

Приведу свой пример. Однажды через директора школы я получил повестку к областному почтмейстеру. Недоумеваю серьезности подхода: видимо, я что-то написал, а кому надо прочитали. Обсуждаю ситуацию с нашими и с волнением еду в город. В офисе африканец читает газету, он отрывается, спрашивает меня и недоумеует, что ему от меня надо. Потом спохватывается и находит в ящике стола целую пачку моих писем (дело в ноябре, и я с учетом дальности заранее написал домой массу новогодних писем и открыток). Ну, думаю, все верно, влип. А он мирно объявляет, что на всех моих письмах недоплата. «Как же так?» – спрашиваю я и, «вон и почтовый справочник говорит, что в Европу письмо стоит шиллинг с половиной». – «Так это в Европу, а в США два с половиной. Разве USSR – не один из штатов USA?». Опускаю подробности длительного спора с почтмейстером под заинтересованными взглядами экскурсии из местной начальной школы (деткишки крутили головами, словно в мультфильме про Чунга-Чангу». Кончилось тем, что я таки убедил чиновника и даже ему в помощь нарисовал большую политическую карту мира, обозначив, конечно, не все страны – их почти 200, а хотя бы те, из которых в Иринге работают специалисты. Тот и вправду хлопнул себя по лбу и извлек из того же стола пачку писем Форкхаммеров – бедняга был в затруднении, в какой самолет загружать письма – в ту же Америку или в Австралию? «Вы кто, мистер, по образованию?» – «Физик», отвечаю. Оказывается, парень имеет степень бакалавра географии, но и в этой дисциплине могли быть варианты: изучать Северо-Восточную Европу (т.е. Англию, их бывшую хозяйку), Северную Америку (их нынешнего наставника) или Восточную Африку (т.е. их самих), и ни в одном раскладе нет такой деревушки, как СССР.

Заканчивается их среднее образование государственными экзаменами. Все они письменные, тексты готовятся централизованно. Во все школы назначается представитель национального экзаменационного центра, ему доставляют фельдьегерской почтой (полиция, автоматы!) запечатанные пакеты с заданиями, ему предоставляется огромный сейф, и он живет в школе все это время. На экзаменах присутствует только он. Могут играть вспомогательную роль учителя этой школы, но обязательно по другим предметам. Студент получает экзаменационный текст, форменные листы для ответов и шифр, составленный в НЭЦ, и проставляет его на каждом листе взамен своего имени. По окончании работы он сам скрепляет свои листы предоставленными ему отрезками шпагата, представитель центра пакует их, опечатывает шпагатом и сургучам, хранит в том же сейфе и по окончании всей сессии фельдьегерской почтой (полиция, автоматы!) отправляет в центр для проверки. Проверяются работы также централизованно, для чего в одну из школ съезжаются учителя данного предмета

(однажды это было в Мкване, я тоже участвовал). Существуют указания по оценке работ (скажем, по физике: за краткую запись задачи до столько-то баллов, за график или схему до столько-то, и т.д. – за формулировку физического закона, за выбор формулы, за подсчеты ответа, за обсуждение разумности полученного ответа и т.д.). Общая оценка за данную задачу ровно 20 баллов. Всего надо оценить 5 задач. Каждый из привлеченных к проверке оценивает строго лишь одну, потом общий организатор группы сводит общий итог. Все это время они работают с зашифрованными листами и не знают, чью работу проверяют. Итоги проверок по всем предметам снова поступают в центр, там их подвергают на компьютере некоей стандартизации (что это такое, я так и не понял, что-то связано с вероятностью индивидуальных склонностей проверяющих), наконец, расшифровывают и публикуют в правительственной газете. Вот вам и ответ на все вопросы, поднимаемые россиянами по поводу единого государственного экзамена. Конечно, Россия не Танзания, но и в этих масштабах можно придумать решение вечным проблемам списывания, подстав, коррупции и т.д. Я, например, рекомендовал директорам школ хотя бы обменяться практическими заданиями к экзаменационным билетам и организовать их перекрестную проверку. Не убедил: как потом соревноваться по числу медалистов и олимпиадников?

Министерство, получив результаты экзаменов (интересно, что в сертификате проставлены все оценки, включая категорическое F, соответствующее по смыслу нашей единице), рассматривает также характеристики студентов. В них лирические изложения заменены на структурированный перечень оценок (буквенных от А до F, означающей полный завал) положительных и отрицательных сторон личности по таким вопросам, как академическая готовность к дальнейшему образованию и педагогической работе, надежность как работника, способность к сотрудничеству, лидерские качества, инициативность и добровольное выполнение работы; в разделе о надежности человека оценке подлежат такие показатели: вовремя прибывает на место, незамедлительно приступает к своим обязанностям, удовлетворительно завершает выполнение обязанностей, покидает работу только в случае выполнения задания или официального окончания рабочего времени, тщательно планирует свои обязанности, держит свои обещания. Решение о его дальнейшем использовании принимается с учетом пожеланий самого студента (ему предоставляются 3 выбора: хочу продолжить образование в такой-то области знаний, если нет, то получить профессиональное образование по такой-то профессии, если и такой возможности нет, то получить такую-то работу). Министерство публикует окончательное решение, кто куда направлен на учебу или работу. Эти долгожданные экземпляры живо исчезают из почтовых отделений и ящиков, все семьи радуются успехам своих чад или посыпают пеплом головы – но все ближайшие рейсы поездов и

автобусов на пару недель переполнены. Как правило, все подчиняются: образование в Танзании бесплатное до самого высшего, даже за рубежом, если будет такое распределение, а кто не выполнит – тому армия (впрочем, служба в ней ценится не так высоко) и самостоятельный поиск работы в стране, не богатой разнообразной индустрией. Еще одна особенность распределения молодежи по-танзанийски: правительство активно перемешивает племена и народности, сплавления их в нацию, так что начальное образование дети получают в своих городах и деревнях по месту рождения, среднее часто в другом конце страны, высшее тем более, а место будущей работы или службы вообще третье.

В Мкваве были сначала три наши семьи – Шаровы (Василий, Лена, Алла), белорусы Архипенко (Леонид, Людмила, Вера) и Курышевы (Игорь, Людмила, Света), для удобства Людмилу Архипенко звали Людой, Курышеву Люсей. Потом приехала семья Кузнецовых (Борис, Лариса). Первым приехал Борис, жил сначала один, Лариса задержалась по болезни, и когда она выезжала-таки к мужу, пришла позабавившая нас телеграмма: «Вылетаю, вылетаю, вылетаю» – видимо, для убедительности наши телеграфисты передали это трудно передаваемое латинским шрифтом русское ы трижды. Жили дружно, часто собирались друг у друга, хвастались кулинарными рецептами, делились новостями из дома, впечатлениями от работы в Мкваве. заканчивалось всегда нашими песнями. Заводилой была Люда Архипенко, которая любила песни Анны Герман:

*Дурманом сладким веяло,
Когда цвели сады.
Когда однажды вечером
В любви признался ты.
Дурманом сладким веяло
От слова твоего.
Поверила, поверила,
И больше ничего.
Один раз в год сады цветут,
Весну любви один раз ждут,
Один лишь только в жизни раз
Цветут сады в душе у нас
Один лишь раз,
Один лишь раз...
Или
Покроется небо пылинками звезд.
И выгнутся вербы упруго.
Меня ты услышишь за тысячу верст -
Мы эхо, мы эхо, мы долгое эхо друг друга...
Или «Синий троллейбус» Булата Окуджавы:*

*Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда наступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
Последний, случайный...*

Причем соседи-иностранцы воспринимали наши частые походы друг к другу с продуктами и песняки как подтверждение их представления о нашем образе повседневной жизни: работать, проживать (вообще, в том числе и столоваться) только на виду у всех, колхозом (слово колхоз они выговаривали с акцентом, хотя и не знали, что оно на самом деле означает), спать под большим общим одеялом, новорожденных детей дать несколько месяцев покормить материнским молоком, потом их забирали в Сибирь в приют на коллективное воспитание, так что они могли никогда больше не увидеть своих родителей; что касается приехавших с нами детей, то их нам выдали на время командировки, и мы должны будем их снова вернуть. Ну и бред, и это в разгар XX века! Как будто в их газетах ничего не говорено о том, что мы с таким примитивным бытом успели построить развитую державу, победить в войне, стать постоянным членом Совета безопасности ООН, отправить человека в космос...

Мужчины бывали на охоте то с местными (их ружья, наша машина), то с итальянцем-автомехаником Марко Меи, приносили трофеи (зебру, козочку диг-диг, песарок; однажды мне, как Цыганку из повести М. Горького, пришлось тащить на плече огромную заднюю ногу оленя), причем самой вкусной оказалась зебрятина.

Мужчины раз в неделю посещали сауну, которую держали пара голландцев-волонтеров. Собиралась большая и веселая интернациональная компания. Сауна была устроена в отдельной домике для слуг, в ней оборудовали деревянные полки и печь из железной бочки, топили дровами внутри помещения. Русские приохотились к веникам, в качестве которых использовали ветви эвкалипта которого там навало. В отдалении был артезианский душ, по дороге к которому можно было ухватить прямо с дерева лимон позеленее- и тогда на студеную струю уже некогда обращать внимание. Душ не был огорожен, так что голые фигуры белых любителей попариться ярко освещались фарами редких в тот час автомобилей. Англичанину Стенли сауна так понравилась, что он написал домой, чтобы к его приезду построили в строящемся доме такую же, одна незадача: в их краях эвкалипта нет, но уже все продумал - будет использовать ветки дерева, которого в России точно нет, у него тонкие длинные ветки и маленькие листочки. Не береза ли? Пришлось парня разочаровать: этого добра и у нас достаточно, и как раз береза-то и есть самое то. Когда голландские ребята уехали, заботу о сауне взял индиец Гули Манжи, которому она помогла от радикулита, он даже подумывал о курорте Цхалтубо.

Мы на три семьи купили микроавтобус ФИАТ Т-600, 40 л.с. Забавный случай произошел при получении нами временных танзаний-

ских водительских прав. К нашему прибытию в окошку областного департамента государственных сборов перед ним скопилась внушительная очередь местных просителей; какой-то чиновник решил ускорить дело и попросил всех передать ему все документы, а потом в испуге высунулся в вопросом: «Кто тут мистер Крушчов?» (так многие тут с первого раза пытались произнести мою фамилию, а фамилия Никиты Сергеевича и в самом деле в английской транскрипции начиналась с буквы К). Я честно отозвался. «А кем Вы приходитесь Вашему бывшему премьер-министру?». «Племянник», – быстро нашелся Ленька. Меня вне очереди обслужили, мой товарищ тоже подсутился, и никто из очереди не роптал. Но и ему тоже пришлось в этот раз несладко: по нашей привычке он в спешке в анкете записал полные ф.и.о., а по-английски надо было писать в другом порядке – и.о.ф., так что лицензия ему была выписана на мистера Петровича, пришлось сразу же менять. Свои танзанийские права потом при отъезде домой меня научили поменять на временные международные, которые меня на первых порах выручали дома, т.к. были действительны при переезде в другую страну в течение года.

С общим автомобилем случилась и неприятная история. Пользовались им все, у кого была в этом нужда – ездили и коллективно, и поодиночке, деля расходы по доле каждого в пробеге (обязанности счетовода выпали мне). Однажды последним в тот день был я, машину поставил в гараж уже затемно и не осмотрел ее, а наутро на борту была обнаружена вмятина. Естественно, подозрения в небрежении общего имущества пали на меня, никто другой не признавался. Вмятину выправили и постарались больше о ней не говорить, а я так и не знаю, чье самолюбие я пощадил, и кто должен хотя бы мне наедине признаться. Молчат.

Наш Фиатик оказался довольно вместительный, так что все три сэмьи помещались, ребятню запускали вместо багажника вповалку на матрасах, и так мы путешествовали по окрестностям Иринги. И было что посмотреть.

Река, название которой уже не помню, пробила каменное ложе, так что оказалась под каменным мостом (местные называют его Daraja ya tungu – богов мост), и по этому мосту действительно шла дорога. В другом месте ливневые дожди промыли высоченные глиняные столбы под лежавшими когда-то на этом месте булыжниками – настоящее чудо света! Внизу мирно протекает речушка, омывающая открытую всем ветрам долину с чудом истории – стоянкой человека каменного века. По всей стоянке действительно разбросаны следы пребывания человека, целые отвалы каменных топоров, копий, скребков и пр., да в таком количестве, что за десятилетия немногочисленные, правда, туристы не успели их растащить; я позволил себе частично восполнить эту недоработку, тем более что стоянка,

хоть и обозначена дорожным указателем «Isimila Stone Age Site», но совершенно без охраны. Если верна современная научная теория о том, что все homo sapiens вышли из одной популяции в Восточной Африке, то не на стоянке ли родственников-пращуров пришлось побывать? Все может быть...

В отдалении от дороги старинный женский католический монастырь с очень приветливыми монашенками, которые всегда были рады встречам и раз с удовольствием приняли от меня дружеский сувенир – октябрятскую звездочку. Одну из них звали Люси, и она с готовностью сфотографировалась с нашими двумя Люсями.

В другом крупном католическом монастыре (самом старом в Восточной Африке!) в поселке Тосамаганга (кидайте камнями, само название хранит предания о борьбе местных племен с германской колонизацией под водительством легендарного Мквавы) заимел приятеля – настоятеля, старика-итальянца, тот пригласил нас на празднование какого-то монастырского юбилея с обилием местных народных плясок и песнопений. Было неожиданно видеть, как древняя монашка легко наступила на малюсенький скутер, чем-то дрыгнула под юбкой – и тот понес старушку, как будто бабу Ягу на метле. Старик-монах почему-то решил, что мне за сорок (over forty – сказал он с тяжелым итальянским акцентом), хотя мне не было и тридцати.

Древняя Каленга, которая была «столицей» вождя Мквавы, тоже недалеко. По преданию, он был окружен врагами, не мог сдаться в плен и застрелился из своего боевого ружья. В Каленге построен своего рода мавзолей из бетонных блоков, стилизованный под африканскую хижину, небольшое углубление в бетонном полу скрывает под нетяжелым бетонным люком шкатулку с его черепом с отверстием от заряда (голова мятежного врага была отвезена в Германию в дар кайзеру, хранилась в музее, и в 60-е годы череп был возвращен в дар освобожденной Танганьике). Однажды я сопровождал в ознакомительной поездке по окрестностям Иринги группу проезжавших мимо послов (Болгарии, Венгрии, Румынии, наш был не совсем здоров и остался в отеле), пока не ожидавшие таких гостей женщины жарили-варили, я провез их до Каленги. У мавзолея никаких сторожей, пришлось самому сопровождать, давать пояснения и демонстрировать святыню. (Кстати, при отъезде в офисе школы столкнулись с одним из наших лаборантов, я без всякой задней мысли спросил его, как дела - и этот хулиган выдал такой ответ, какого дипломаты дружественных СССР и Танзании стран услышать явно не ожидали, не ожидали они такого подвоха и от меня; но не станешь же все валить на Смирнова-Брюханова. От неожиданности на секунду все замерли - и сползли под сиденья от смеха). Послы ехали на торжества по случаю открытия сообщения по железной дороге, которую построили, чтобы дать доступ замбийской меди к тихоокеанским портам Танзании, когда Англия закрыла для Замбии контролируемые ею порты

на Атлантическом океане, и Танзания протянула несчастной соседке руку помощи. Дорога так и называлась - TAZARA (Tanzania-Zambia Railway). Всегда готовые помочь освобождающейся Африке китайцы подрядились железную дорогу построить. А рядом американцы строили шоссе с той же целью, и трассы, случалось, пересеклись. На этот счет была показательная история, американцы уперлись на каком-то перекрестке со своей мощной техникой: дорогу преграждают китайцы с корзинами на коромыслах. Американцы наступают всей грохочущей мощью: «Ну-ка дайте проехать, стойте в сторонке, доделаете, когда мы пройдем участок и возведем переезд». А им решительно в ответ: «Ни за что, нам председатель Мао велел тут стоять».

В другой стороне жила старушка-англичанка миссис Болдуин, она содержала ферму и снабжала нас отличными молочными продуктами. Мы наслаждались порядком и красотой ее сада, чинным домом и хозяйством, получавшим электричество от собственного источника, перерабатывающего коровий навоз. При нас нагрязнул проезжавший мимо фургон, в него загрузили обвязанные влажной рогожей корзины свежесрезанных этим утром гвоздик, работали быстро, чтобы поспеть в Дар-эс-Салам (500 с лишним километров!) к ночному авиарейсу - и послезавтра к утру эти гвоздики будут на улицах Лондона. Вот такая логистика. А пока грузчики грузили, хозяйкин сын Джон позволил мне прокатиться на одной из его лошадей, так бедняга просела подо мной не хуже гамака. Это тоже осталось на слайде.

Посетили национальный парк Руаха на одноименной реке. От нее остался живописный слайд с бордовым закатом на реке и мордами гиппопотамов, от которых на поверхности торчат только уголки глаз. Подъехали поздно, занялись ужином (столы, лавки, простая посуда, дрова предоставлены парком, продукты и напитки привезли с собой), стали уставать, и я отправился к палаткам (крепкие и вместительные палатки и постели - от парка). Подхожу к своей палатке и натыкаюсь на ствол дерева перед самым ее входом. Да какой-то странный ствол, как будто живой на ощупь. Пытаюсь нащупать обход с фонариком - и тут только смекаю, что мне мешает нога слона! Мирный оказался слон, чуть посторонился и пропустил меня к желанной постели. Но только и натянул на голову одеяло, как на том берегу прощально простонал какой-то зверь, а затем раздался удовлетворенный зевок льва. Попробуй тут засни...

Привыкли к климату Танзании. Полгода сухой сезон - ни облачка, ни дождинки, трава, если она осталась, превратилась в сухие жесткие будыля, деревья как-то выживают, а цветы и огороды требуют обильного полива, это оказалось хлопотно. Зато через полгода постепенно набухают облачка и тучки, потом тучи, наступает дождливый сезон - с неба льются ежедневные дожди - сначала бесконечные, потом затяжные, потом просто регулярные, как по расписанию, так что к ним легко привыкаешь и даже радуешься свежести. А что творит-

ся с растительностью - трава прет, только успевай подкашивать газоны вокруг дома, нескошенная разрастается так, что не видишь даже привычного соседского дома. Цветут даже могучие деревья, и очень странно видеть благоухающее подобие тюльпанов на их верхотуре, не говоря уж о ярко цветущих кустах и клумбах. Но пройдет и это радостное время, снова все пожухнет. Привыкли и к тому, как там быстро вечерело, и как-то вдруг словно выключали свет, а утром ночь так же незаметно переходила в день. Сутки по-танзанийски делились на день с 6 утра и ночь с 6 вечера. Соответственно исчислялось и время дня - в каждой половине по-новой. Раз я по какой-то надобности должен был встречать в Иринге автобус, время прибытия было saa mbili asubuhi (два часа утра), я не придал этому странному сочетанию значения и заявился на совершенно пустынную автобусную станцию в 2 часа ночи, чем изрядно позабавил проснувшихся от моих дурацких вопросов сторожей. Кстати, автобусным движением в этой части страны занималась железнодорожная компания (ТАЗАРА только строилась, да и не предполагалось вести ее через гористую Принту), так что автобусная станция именовалась железнодорожной (Railway station).

В соседнюю (километров 50 дальше вверх по нагорью, в сторону Замбии) среднюю техническую школу Ифунда приехали две новые русские семьи - Соловьевы и Наумовы. Во-первых, знать бы, что через пяток лет сам окажусь там же. Во-вторых, Славка Наумов купил «Форд Эскорт» в неплохом состоянии. Хотя у него были наготове советские права, водить автомобиль он не умел совсем, и я на правах старого волка принял его обучать. Научил, потренировал в разных ситуациях, получили танзанийскую лицензию и в тот же день направились в Ифунду - там должен был состояться товарищеский матч по футболу с учителями Мквавы. Славка за рулем, я рядом, по ходу продолжаю доучивать новичка. Не заметил, как наш Форд сполз на обочину, попрыгал почему-то боком, развернулся в обратную сторону и заглох. Мимо мчатся мквавские футболисты, удивляются, почему это мы едем назад - что, матч отменили? Собрался народ из местных (откуда им взяться на пустынной дороге?), дружно подхватили, подняли и развернули машину. Я сел за руль сам и довел дело до конца. А при первом же самостоятельном возвращении домой из Мквавы Славка на повороте к своему дому и гаражу въехал-таки в бетонную тумбу.

Тот же Форд пригодился, когда мы с Наумовыми отважились поехать в сафари (у суахили это означает поездку, не обязательно с целью охоты) на север страны, в город Моши, в гости к русской семье Зиновьевых. Это в предгорьях Килиманджаро (называемая местными попросту Кибо; вот она на снимке из туристской открытки), но всю неделю шли дожди, небо было затянуто тучами, так что я стал сомневаться, действительно ли такая гора там есть. Но самое главное

приключение впереди: простившись с гостеприимными хозяевами, мы отъехали от Моши километров 20, как Форд вдруг перестал реагировать на педали газа и сцепления. Полезли под капот – оказалось, сработался диск сцепления: Славка неделю ездил по грунтовым дорогам местных заповедников на 1-й скорости (так ему казалось надежней), пока меня катал хозяин. Вот и сжег сцепление. Постояли, погрузили, начали размахивать руками. Остановились проезжавшие во встречном направлении западные немцы, эти капиталисты оказались веселой парой, принялись снимать нашу беду на камеру, а потом без разговоров отбуксировали нас назад – прямо к фордовской автомастерской. Нашу беднягу подняли на яму, подтвердили диагноз и через пару часов сказали: «Можете ехать. С вас 720 шиллингов». Где же их взять? Это больше половины нашего месячного жалованья. Мы как раз собирались в Дар за очередной зарплатой, просили миссию не пересылать ее в Ирингу, а дожидаться нас самих. «Ничего, поезжайте с миром, заплатите в Иринге фордовскому отделению г-на Сачу». Кстати, сам г-н Сачу долго недоумевал, когда мы не следующее же утро явились к нему с деньгами - мол, я никаких указаний на ваш счет из Моши не получал. И только через неделю он получил-таки копию нашего счета из Моши и принял, наконец, жгущие нам руки деньги. Вот такое доверие клиенту.

Надо отозваться о политике и общественном устройстве тогдашней Танзании. Во внешней политике страна выступала за освобождение от колониальной зависимости всех угнетенных народов. В этом мы неизменно оказывались в одном лагере, и именно их обостренное внимание к борьбе против американской военной базы на одном из тихоокеанских островов и нашему голосованию в Совете Безопасности ООН по этому вопросу, отличное от американского и освещенное в их прессе, помогло мне доказать почтмейстеру, что USSR все-таки не один из штатов USA. Во внутренних вопросах правящая партия ТАНУ (Национальный Африканский Союз Танганьики) придерживалась политики *ujamaa* (жизнь в общине, тем же термином обозначался социализм). Например, один из студентов возвратился с каникул в расстроенных чувствах: их семью заставляют переселяться в общинную деревню и даже снесли бульдозером их хижину. Где-то я это уже видел? А в одном из первых попавших на глаза в 1972 году номеров газеты «Daily News» прочитал, что при обсуждении в парламенте очередного бюджета рассматривался вопрос о 65-процентном налоге с наиболее богатой части населения, и это было у них не в диковинку. Какие молодцы, нам бы так. Касаясь этой газеты, могу привести показательный пример: за весь год в ней об СССР было опубликовано три сообщения собственных корреспондентов в нашей стране: 1) в некоем зоопарке родился слоненок, крокодиленок или львенок (точнее уже не помню), 2) в южных районах собран невиданно большой урожай зерновых, так что появилась неразрешимая проблема, как его

вывезти при общем для страны дефиците транспорта, 3) на каком-то южном консервном заводе производился некачественный томатный сок, опасный для здоровья, и теперь жуликам грозит смертная казнь. Вот и все о дружественной им стране. Настоящая свобода информации! Поразила религиозное разнообразие: например, в Иринге действовали и уживались общины католиков, протестантов, мусульман греческой православной церкви (так похожие на наши церквушки!). При этом главные религиозные праздники и посты всех их были нерабочими днями, к нашей общей радости.

Последние месяцы моего пребывания в Мкваве окрасилось неожиданным поручением – взяться за управление т.н. стаффбаром, клубом, где персонал проводил досуг: выстроена барная стойка с напитками, орешками-печенюшками, можно было скоротать время за настольными и настенными играми, поболтать, посмотреть фильм, для чего имели киноаппарат. Обслуживал заведение, прибирался и пополнял запасы бармен. Так вот почему-то стаффбар стал убыточным, людям надоело платить взносы на его содержание, и клуб почти опустел. Почему вдруг выбор пал на меня? Но надо выполнять, народ оказал доверие. Наладил учет поступающих товаров и материальную ответственность бармена, еженедельный подсчет расходов и выручки – и клуб ожил, убытки исчезли, бармен стал получать честную оплату – прав оказался классик насчет учета и контроля!

В феврале 1975-го получил известие, что в результате аварии на производстве погиб наш брат Евгений. Печальное известие. Мы все были дружны, но именно Женя был мне ближе - наверное, по возрасту, к тому же старшие братья, Юрий и Владимир, рано уехали учиться и были далеко, а младший, Александр, был совсем малец и не мог составить компанию. А Женя постоянно был рядом. Помню, как по дороге в школу он поделился страшной тайной: сердечным влечением к однокласснице Жене Кухарцевой, которую только иногда позволял подергать за косичку и которую называл links (по-немецки – а в школе изучался немецкий язык - это значит левый, потому что он считал ее своей левой половиной). И вот теперь... Как там мама, ведь все случилось как раз днем позже ее 60-летия...

Пребывание в Мкваве прервал студенческий бунт – они протестовали против плохого питания (похоже на «Потемкина» или Ленские события).

М-р Стаки был на каком-то семинаре по линии ТАНУ, и на его месте оказался нелицеприятный Тугута, в тому же «черный расист» – невзлюбил европейцев. Временные власти не нашли правильного разрешения причин, и дело дошло до полиции. А с этими не пошутить. На головы студентов обрушились дубинки, появилась кровь. В поисках зачинщиков старшекурсников собрали на баскетбольную

площадку, оцепили с автоматами, посадили на корточки и стали по одному выбирать на допросы. Я заметил в общей массе ребят из пятого курса, только что прибывших, они явно не могли быть зачинщиками. Стал выбирать их и подводить к офицеру или хедмастеру, те неохотно выпускали парней из ловушки. Всех студентов выпускного курса перевели в другие школы по несколько человек и по разным концам страны.

А потом и я получил от Министерства извещение, мол, просим прощения, благодарим за Ваши услуги, но переводим Вас в другую школу. И это за пару месяцев до окончания текущего контракта и с согласованной перспективой продления его на четвертый год - впервые в истории советско-танзанийских связей по линии просвещения! Не иначе, местные секьюрити что-то нашли в моих контактах со студентами, дурачки.

Простились, упаковались и на огромном попутном грузовике (организовал сосед-норвежец Инге Му) переехали с семьей в Кобаху, крупный образовательный центр (несколько школ разного уровня, сельскохозяйственный колледж, школьный поселок, какие-то монашки) недалеко от Дара. Спасибо хоть за это.

Несколько дней жили у нашего учителя, татарина Ильи Гайнулина; чувствуем, что поднаоели и добились-таки собственного дома, немного навели в нем порядок (например, получил разрешение спилить толстенную ветку, угрожающе стучавшую нам в окно при каждом ветре, забрался на огромное дерево с ножовкой, но не тут-то было: из распила сочился белый сок, быстро затвердевал и мешал пилить. Что такое? Наконец-то обратил на большие темно-зеленые листья овальной формы: да это же фикус, только не большой в кадке, а огромный, совсем как «высокий дуб, развесистый» из русской песни). Поучаствовал наблюдателем на одном экзамене, попил пивка в баре с учителями, кажется, переболел малярией и от монашек принял лечение, встретился с Лагусом в Даре (он был проездом и не мог не вызвать меня; от него я узнал, что на другой день после нашего отъезда в Мкваве получили правительственную газету «Daily News», где сообщали, что «причастные к событиям учителя переведены в другие школы», многие коллеги-иностранцы сочли это наглой ложью и отправились к Тугуте, а некоторые выложили ему заявления о немедленной своей отставке. (Чуть не разревелся: мы были почему-то иного мнения об этих капиталистах). Получил очередное письмо из их министерства: мол, мы были рады, но, к сожалению... Все. Пора возвращаться. (Испугавшись, что теперь начнут рыться в моих бумагах, я зачем-то сжег на костре свою записную книжку со всеми адресами и фамилиями интернатских ребят и прочих друзей по переписке, включая иностранных: уж больно подозрительным мог показаться этот огромный список «адресов и явок») Наш посол С.А. Слипченко готов был отправиться в их министерство с протестом, но я отказался

- из-за какого-то дурачка-секьюрити бросить тень на всю страну! - он поблагодарил и обещал при случае всякое содействие по возвращении. Мне оно не понадобилось (а кое-кому из наших дурачков в Москве и Дмитрове не помешало бы).

Вообще в связи с пребыванием в Африке у меня странное ощущение. В книгах нередко встречается тоска по русским березкам, я же ностальгировал по Фоминкам, Пиганову, пионерлагерю, Дмитрову - т.е. по вполне конкретным, а не абстрактным образам. Пусть русские березки меня простят.

Осталось и материальное воспоминание об африканской командировке - сертификаты инвалютных магазинов «Березка» (синими или желтыми, в зависимости от страны командировки - капиталистической или социалистической - с разными курсами обмена на советские рубли), на которые можно было купить недоступные для большинства наших граждан товары и которые сами являлись предметом обмена и спекуляции. На эти синие сертификаты был куплен, например, автомобиль «Волга-24», чуть не единственная частная машина такого класса во всем Дмитрове, где бегали разные там ВАЗы, «Москвичи» и «Оки». Поставил ее на учет, покатался с диковинными даже автоинспекции временными международными правами, в 76-м году подучился местным ПДД с помощью друзей и поменял их на полноценные советские.

Вернулся в Дмитров. Старое мое место во второй школе занято (занимавшая его В.Ф. Иванова воспротивилась), и меня уговорили занять должность школьного инспектора горно (постаралась разукрасить все прелести этого места курировавшая Дмитровский инспектор ОБЛОНО Н.А. Сазонова, да и заведовал горно уже не А.С. Щеголев, а хорошо мне известный такой же директор школы Б.А. Рылько, с которым мы работали потом дружно долго и которого я и заменил). От Л.И. Мартыновой лучил заведование кадровыми делами и целый сейф непонятных пока папок, закрепили за мной ряд школ. Приступил. Начались хлопотные инспекторские будни.

Из памятных дел того времени помнится разгребание архива горно, который помещался в отдельном кабинете на полках без всякого порядка, разбухшие папки стояли битком, так что открытку нельзя просунуть, не говоря уж о поисках какого-либо документа; пришлось все папки расшить, перечитать, рассортировать по принадлежности и в хронологическом порядке, выбросить многочисленные вторые экземпляры и вообще не подлежащие хранению документы - и снова сшить по всем архивным правилам; помню, во время обработки бумажных завалов придумал по субботам, когда все учреждения закрыты, раскладывать документы на полу в коридоре рядом с одним из кабинетов Госстраха, с которым горно делил помещение; на беду одна, из работниц Госстраха вздумала на свободе немного поработать, об-

наружила развал в коридоре и чуть не вызвала милицию -думала, что воры разворошили их бесценные бумаги; сдал соответствующие документы на государственное хранение в городской архив, составил их описи, для удобства дальнейшего пользования оставшиеся кадровые папки снабдил алфавитом, так что любые сведения находились «на раз», и когда вдруг понадобились сотням учителей предоставить архивные сведения о непрерывном стаже работы, от которого стали прибавлять к пенсиям 20%, это было легко, я выдавал такие справки десятками, собеседовцы заподозрили махинации и нагрянули с проверками, ничего не нашли и потом стали моим справкам доверять без проверок; потом как-то в разговоре наша секретарша Н. Филиппова сказала, что на моих похоронах (тьфу-тьфу!) выстроится длинная очередь облагодетельствованных учителей (теперь-то уж их самих в живых нет, а я вот пишу!). Жаль, что при переезде гороно в более приспособленное отдельное здание эту систему не удалось сохранить.

Пришлось поправить процесс издания самих приказов ГОРОНО (а гороно ведал всеми педагогическими кадрами района, их было под две тысячи!). Было так: инспектор писал от руки проект (рецептурку), относил машинистке, та перепечатывала, когда отрывалась от других дел, пачку отпечатанных за последнее время приказов клала в папку на стол заведующего, тот в перерыве между приемами посетителей, телефонными звонками, совещаниями и пр. делами подписывал или правил их и всю папку возвращал секретарю, та вносила правки, снова отпечатывала и возвращала на подпись, в окончательном варианте складывала все приказы в кучку - порой на ее столе накапливалась целая коробка с готовыми призами и прочими документами, куча мала; директор школы или сам учитель ковтырялся в коробке, отыскивал свой документ (заодно читая и все чужие), находил искомое, представлял печать в бухгалтерии. Готово! Хотя могло пройти несколько дней с момента возникновения необходимости в приказе. Я завел пишущую машинку на своем столе, вместо рецептурки сразу изготавливал приказ в нужном количестве экземпляров и или отдавал просителю для срочной подписи заведующего и печати, или накапливал все приказы этого дня, чтобы потом передать заведующему на подпись; в случае особой срочности и уверенности подписывал документ за заведующего сам, у нас на этот счет было полное доверие (штатного заместителя заведующего не было). В общем, приказы проходили в тот же день, пресловутая коробка исчезла вовсе, вместо нее появились сохраненные до сих ячейки для каждого учреждения на стене.

Из работников гороно того периода запомнились А.А. Павловская, Н.М. Рассказова, Н.Н. Зуева, В.И. Петухова, К.Н. Рябочкина, из директоров школ З.А. Костина, А.Н. Чулков, Л.Г. Бутовецкая, Л.Б. Коралева, А.М. Трибельская, Т.В. Юшкова, А.И. Юшина, В.П. Коренной,

В.А. Брагина, Е.Г. Топчий, З.И. Романчук, А.М. Боев (двое последних Отличники просвещения СССР, директора школ-интернатов – Дмитровской общеобразовательной и Яхромской вспомогательной, оба великие педагоги!).

В детской спортивной школе директором был незабвенный Ю.М. Бислис, в вечных завучах у него С.Ф. Шамин, запомнился тренер по гоночным лыжам И.В. Антоновский (они и другие привели провинциальную спортшколу к статусу школы Олимпийского резерва и проработали в ней много лет).

Г.Я. Гиевая руководила Домом пионеров, ее потом сменила Л.П. Майорова, методистом ДП работал Е.Н. Семенов, наш будущий сват.

Казавшегося вечным в должности заведующего методкабинетом И.И. Севастьянова сменила Г.И. Рубцова, тоже ставшая его старожилом. Горком учительского профсоюза возглавляла тогда А.Г. Герасимова.

В августе 1977 года принимал в гороно отчеты школ на начало учебного года и чуть не пропустил момент рождения сына Алексея, но более свободная среди нас и опытная К.Н. Рябочкина вовремя позвонила в роддом и заставила меня бросить все дела и махнуть туда.

По совместительству преподавал в школе №6 (директор Н.А. Чулков, заместителями у него были А.Б. Коренькова, Л.Д. Гаврикова, Н.Г. Гусева, с которой мы потом переписывались во время следующей командировки). В коллективе учителей обращали на себя внимание Д.А. Бутовецкий (словесник, организатор поискового клуба школьников «Факел» и школьного музея боевой славы, неутомимый краевед и талантливый поэт), Н.Д. Лямин (физик), П.П. Лобов (трудолик, физик по образованию), Г.Л. Пашистова (историк, неукротимая вечная комсомолка), Т.А. Семенова (начинающий историк, будущая наша сватья).

По привычке, воспитанной в Мкжаве, в первой же контрольной работе наставил ученикам половину двоек; посчитал их за 40% максимальной оценки, а это вполне удовлетворительно. Моя невинная проделка стоила мне беседы с недоумевающей Александрой Борисовной. А из ученических проделок запомнился случай на выпускном экзамене 1979 года по физике, на котором присутствовала Н.А. Сазонова, по образованию словесник. Андрюшка Петросян, сам по себе отменный хохмач и так себе ученик, при ответе у доски как-то распознал, что строгая инспектриса вряд ли что заметит, воспользовался этим, написал массу ни к чему не обязывающих формул, тыкал пальцем в такого же рода графики и диаграммы и все сопровождал литературно грамотными наукообразными суждениями, сыпал именами ученых-физиков. Мы с Николаем Дмитриевичем и Павлом Павловичем тупо внимали ответу, удивляясь про себя одобрительным репликам начальства. Задачу Андрей смог сам решить правильно, Нина Алексеевна сверилась с ответом и предложила поставить парню 5. Я наста-

ивал, самое большое, на оценке 4. Потребовали классный журнал, в нем обнаружили тройки и четверки. Директор предложил компромисс: 5 на экзамене и итоговую 4 в аттестат. Так и порешили, немало удивив экзаменационной оценкой внимательно слушавший итоги класс и самого Андрея.

1979 год. Снова меня нашли в союзном министерстве и предложили вторую командировку. Борис Александрович не стал возражать.

Те же непонятные, для чего, процедуры, и тов. Курышев снова в Шереметьеве (Люся и двухлетний Алеша вылетели двумя неделями позже). В группе была и семья Архипенко с родившимся за это время Витькой. Подростких дочерей-школьниц обе семьи оставили с родственниками. В этот раз полет был быстрее (самолет другой, более современный). Посадки в Одессе (снова «Шикамоо мвалиму»), Каире, Адене, Энтеббе (как-то было недружественно, в аэропорт и даже на посадочную полосу из самолета не выпустили, и мы, включая детей, вынуждены были в этой тропической жаре сидеть в духоте или стоять на трапе. Разрешили только консулу пройти к нам и хоть немного успокоить. В самолете что-то сломалось, бедняга-бортмеханик часа два чинил, обливаясь потом, бегал за каждым инструментом в кабину. Наконец, поломка устранена, и командир, на свой страх и риск и под нашим натиском, решил взлететь. И, наконец, Дар-эс-Салам.

Назначение было в техническую среднюю школу в Ифунде, в той же области Иринга, километрах в 50 от нее, в школьном поселке, окруженном эвкалиптовым и мимозовым лесом. Дали предмет «Engineering Science» (инженеринговая наука) - та же физика, но только та ее часть, которая напрямую применяется в инженерии. Поместили в двухместном коттедже (меньше того, который был в Мкваве, но для нас троих вполне хватало), вторую половину занимала привычная уже семья Архипенко с сыном Витей. (Как уже сказано, я сначала вылетел один, и вначале пришлось жить в пустом доме с минимумом вещей, вместившихся в ручной багаж. Потом все оформили и на семью с основным багажом. Добрался до аэропорта, встречаю с самолета свих, а отвыкший за двухнедельную разлуку и обалдевший от обилия новых впечатлений Алешка встретил меня настороженно и все спрашивал маму: «Это те?». Да тут еще подбежал носильщик-африканец: мол, пожалуйста, мама, куда прикажете доставить? Это уж действительно «те» - откуда, спрашиваю, у тебя тут чернокожий сынок лет тридцати? Как будто не знаю, что на суахили мама означает женщина, в данном случае почтительное обращение к даме, госпожа).

При доме обширный двор, отдельная постройка для слуг (мы ее приспособили для кур), печь для нагрева воды (почти русская, только без шестка, в свод и закладывались дрова, огород (достался от Норика Атаева с нашего физмата), который прежде жил в этом доме, потом при достаточном поливе даже в сухой сезон выросло все,

что посадили, и наш огород неизменно вызывал изумление местного населения, особое место занимала полоска ежевики, где часто кормился Алешка, подлезая под длинные колючи ветви, так что однажды потерял на них свою панамку. Вокруг за деревьями - другие дома школьного поселка. В одном конце поселка дорога в местную «столицу» деревню Кибаони, в другом - еловая роща, посаженная ровными рядами, которой росло невероятное количество маслят разного размера - от привычных нам маленьких до огромных, со сквороду; местные их не собирали и нам не советовали - «Умрешь!», - а мы в сезон собирали их корзинами и мешками и варили, жарили, солили, мариновали, сушили, что там еще. да удивляли гостей невиданными кушаньями. (Честно сказать, связочку сухих грибков мы привезли в Дмитров и долго хранили, пока, наконец, недавно не догадались, не без сожаления, выбросить). Еловые посадки остались от поляков, армии Андерса, интернированной англичанами сюда в свой протекторат. В Ифунде даже осталось заброшенное польское кладбище со всеми католическими атрибутами и гордой надписью, выбитой вместе с геральдическим орлом на башне при входе «Еште Польска не стинэла, поки мы жиемы» (переводить не надо?) - первая строчка из польского гимна. Воистину, мрачный юмор. Весь поселок был автономен в отношении электричества, который вырабатывался огромным движком «Катерпиллар», так что плиты и освещение в домах были электрическими. Однажды на долгие 5-6 месяцев встал на ремонт, потом остался без горючего движок (вот уж пострадали без кухни и света). Выручали газовые плиты, привозные баллоны с газом поставляли местные торговцы. Но и с баллонами начались перебои. Потом начали жечь на дворе костры и варить-жарить на них, пока не наладили стабильную поставку этой мафуты.

Те же приветливые коллеги и соседи-танзанийцы. Хедмастер Ю.М. Малале (инициалы означают Юджин Майкл, и мы его называли Евгением Михайловичем). Симпатяга Ахмад Мба-та, заведующий нашим отделением «инженерной науки», заглядывал по-соседски перехватить соли; я его за его инициалы А.М. звал асанте мвалиму («Спасибо, учитель»); местная звезда Матильда, фамилии не помню, благосклонностью которой пользовался и Мбата, они научили меня нескольким местным поговоркам и скороговоркам; сосед напротив Мвиула, серьезный на вид, за что заработал у нас кличку «Доцент», и вечно какой-то нелюдимый (потом стало ясно, отчего, а поначалу принимали на свой счет), он особо изумлялся нашим вечно зеленым огородам, а как-то раз решился и зашел спросить, нет ли у моей жены каких-нибудь таблеток для дочки лет 12, давно страдающей от поноса, а никакие средства от местных целителей не помогали. Таблеток Люся не рискнула дать, но по собственному опыту матери двоих детей посоветовала облегчить страдания укропной водой. «Ее в наших больницах и аптеках нет, придется заказывать в Лондоне, а за это время она

испортится». – «Так сделайте сами». – «Где же взять укропа? В Танзании его не выращивают». – «Да нарвите у нас!». Показали ему укроп в натуре, нарвали охапку зелени и горсть семян, дали указания, как все приготовить и как принимать, и девчонка запрыгала! Фердинанд Магамба, завуч школы, секондмастер, вечно утрюмый, как будто не выпавшийся. Оказалось, и точно, у него малыш все время чешется, плачет, не ест и не спит, так что он с женой сутками попеременно его носят и укачивают.

И тут Мвиула пустил слух, что у м-ра Курышева мама настоящая волшебница и может дать точный совет. Посещать больного мама не решилась, но через меня передала: «Попробуйте купать малыша в теплом отваре эвкалипта и укутывать его ненадолго смоченными в этом отваре салфетками» – «Где же взять этот эвкалипт?» – «Да высунь руку из окна и нарви листьев, а лучше шишек с семенами!». Через день наш Магамба бодр и весел и даже запел: «Мы с женой впервые выпались ночью!» Заведующий отделением математики Магамбо как-то покуривал вечерком, мимо прошла жена другого учителя, при всех характерных негроидных чертах, писанная красавица даже по нашим европейским меркам, я отпустил это замечание, и он спросил, по каким признакам ценится женская красота у белых, а когда я затруднился ответить, попросту продемонстрировал: «А у нас нужно, чтобы у мамы было во... и во...» – и, соединив руки в обхват, показал требуемые объемы женских прелестей спереди и сзади; отец Кайомбо, на самом деле католический священник, окормляющий студентов-католиков и обучающий их английскому языку. Он был человеком приветливым и веселым и обожал русские анекдоты (я снабжал ими, конечно, приличествующими его сану, вроде такого:

– Это Вы как-то назвали меня идиотом?

– Да, я.

– Вы, конечно, пошутили?

– Да нет, я серьезно.

– Ну так Ваша удача, потому что я таких шуток не люблю.

Он всегда приветствовал меня одной и той же фразой: «Hey Kuryshev, is that You who called me an idiot the other day?», и мы разыгрывали эту сценку, независимо от того, который раз на дню мы встречались, а часто независимо от места действия и состава аудитории.

Было опять немало иностранных учителей - англичанки Голдсмит, уехавшая потом на BBC, и Сюзан Коутс - массивная, острая на язык и всегда, как кентавр, верхом на мотоцикле (боюсь, не брала ли она его и в постель). Обе удивлялись, откуда я знаю имя Кромвель или мог рассказать о Генрихе VIII. Помните о споре выпускника советской школы с бакалавром географии? В советской школе нас действительно чему-то учили!

Школу в Ифунде по какой-то надобности посетил министр образования, и какая неожиданная встреча: его сопровождал председатель

партии ТАНУ в области Ирринга г-н Эллия Стаки, наш старый знакомый по Мкваве. Тепло поздоровались, порасспросили друг про друга, но обстановка не располагала к большему, а жаль, хороший человек.

Надо сказать об отношении к нам со стороны местных.

Как-то из-за нерасторопности банка мы испытывали трудности в связи с задержкой зарплаты, не на что было даже купить продукты. Когда один танзанийский учитель, долговязый Луванджа с вечной ехидненькой ухмылкой на лице, узнал об этом, он искренно огорчился, что не знал об этом и не предложил нам денег взаймы. И он же, только что не без ехидства, совал мне под нос бумажку с выписанным откуда-то именем А.Д. Сахарова (как раз это имя стало возникать в западной прессе в связи с высылкой его из Москвы в Горький) и заглядывал в глаза, какая будет моя реакция? Что уж говорить про как раз развертывавшуюся шумиху в той же прессе о вводе советских войск в Афганистан и не очень дружный бойкот Московской Олимпиады! Надо сказать, танзанийские учителя и иностранцы не очень с этим приставали, делая вид, что верят нашим убедительным объяснениям.

Другие танзанийцы предлагали свои связи в городе, чтобы помочь нам достать муку, сахар, соль подешевле. Когда остановился поселковый электрогенератор (закончился запас мафуты, дизельного топлива), они помогали приобрести баллоны с газом, когда же и они кончились, приглашали ставить наши горшки-кастрюли к своему очагу и костру.

Закончилось это приключение тем, что соседний фермер Мбвана Мвателе привез в Ифунду целую бочку этой мафуты. Мне же эти дни вынужденного безделья запомнились тем, что, сидя при свече на диване и мучая батарейный радиоприемник, я наткнулся на божественное пение – Анна Герман исполнила мне до того не знакомую песню. Это была «Надежда» Александра Николаевны Пахмутовой и верного поставщика текстов большинства ее песен (и мужа) Николая Николаевича Добронравова. Песня просто за душа брала:

*Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома.
Снова между нами города,
Взлетные огни аэродрома.*

*Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы,
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты*

*Надежда – мой компас земной,
А удача – награда за смелость.
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось...*

А ведь все точно сказано: и незнакомая звезда, и взлетные огни Кайрского аэродрома, и туманы и неизбежные дожди в сезон дождей, и по-настоящему холодные рассветы в этот период. А ведь это в Африке! Правда, через какие-то полчаса все образуется. Так что песня и стала той самой «радости скупой телеграммой», о которой в песне говорится дальше.

Были в Ифунде и «русские» (более привычное для иностранцев название для советских граждан) - у Советов (другое наше название), оказывается, столько разных племен - белорусы (Архипенко), украинцы (Максименко Коля, Лена, Марина, Лушпиганы Сергей, Юля, Максим, Шиловские Сергей, Наташа, Простота Саша, Люба, Ярослав, которого по незнанию правильного написания его имени вся ребятня звала Ериком), потом прибыли истинно русский Кондаков с женой (имен уже не помню).

Когда мы только собрались, сначала была всеобщая дружба взахлеб, рассказы о самом сокровенном, потом выборочные предпочтения вплоть до полного отчуждения других - все в соответствии с известными в психологию этапами образования ограниченных групп. Пришлось мне искать способ объединения, каким стал рукописный толстый регулярный научно-юмористический журнал «Ноу Проблем», да такой удачный, что 1-й номер стал и последним - все утряслось. Объединял нас и выделенный группе старенький «Газик», больше известный в Союзе как «Козлик», который исправно ломался и чинился. Однажды на самом крутом подъеме в Иринговскую гору лопнул тросик топливного насоса, пришлось Сереге Лушпигану (как самому накаченному из нас) часа два приводить насос в действие вручную с помощью сизалевого шпатага. В наспех завешенном от посторонних взоров байковым одеялом «Козлике» родился сын Кондаковых - не довели полдороги до роддома. Ребенка в импровизированной палате принимали акушерки из своих же.

Помнятся посиделки по нашим советским и местным государственным и церковным праздникам, которым не было числа. Те же семейные рецепты, семейные истории, песни хором и индивидуально. Люда Архипенко заразила всех новым белорусским репертуаром, я сопровождал ее вторым голосом. Помнится, заспывали романс на слова белорусского поэта Богдановича:

*Не шукай ты мяне каля жытных палеу
Каля белых бяроз, ля палян вярасоу.
Кали к сердцу майму ты дарог не знайшоу –
Не шукай, не шукай...
Или другая:
Колькі у неба звезд - цяжка палічыць,
Та из их адна найярчэй гарыць.
Тэта ты мая зорка ясная,
Ты любовь мая непагасная...*

Юля Лушпиган была с музыкальным образованием, и мы с ней дуэтом в два голоса исполняли, например, наш любимый романс Дениса Давыдова «Не пробуждай воспоминаний»:

*Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней.
Не возвратит бывлых желаний
В душе моей, в душе моей ...*

На новом месте снова баскетбол - добровольно, до еще получил в управление обширный и урожайный огород - эта дополнительная должность называлась шамбамастер. Выделенные для шамбы рабочие охотно подчинялись и даже высадили большую грядку невиданных прежде огурцов, которые им не понравились - на искреннюю радость русских, которые были завалены огурцами любого размера и степени спелости для собственного потребления да для изумления своих гостей так же, как мы делали с грибами.

Из своих учеников в Ифунде помнятся Чарльз Тадео, Флорент Бинемунгу (подарок от бога), Джон Кьюнгу (однажды он попался на курении самокрутки из какой-то подозрительной травки), Масику Муса (его имя означает в переводе дни), Али Макаме (сын министра, в письме мне уже в Дмитров подписался, так: «Ваш сын Али»), Никусвигу Маламбути (поразительно похож лицом на детский портрет пухлощекого Сашеньки Пушкина), Лазаро Пол... Да многие ребята, вполне симпатичные парни. И никакого второго смысла тут нет - просто обе мои школы в Танзании были мужскими, так уж вышло. В Ифунде в порядке неслышанного эксперимента набрали было девичью группу, их поместили в отдельное общежитие на отшибе, но чему они могли выучиться при тамошнем наборе мужских профессий? Разве что коровам хвосты крутить.

Кстати, в школах соседней Иринги трудились двое русских учителей, в том числе старый знакомый В. Наумов. Ему в этот раз не повезло: бедняга перетрутился, ухаживая за новорожденным сыном, и его разбил паралич. Ухаживали за ним сестры из женского монастыря, к которому относилась школа, скоро приехал посольский врач по фамилии Гаприндашвили (ничего общего с чемпионкой мира по шахматам), и всей семье пришлось срочно эвакуироваться домой. Что с ним было дальше, не знаю. Когда лет через 20 мы ездили в Белоруссию к внезапно объявившимся Архипенко, мы проезжали мимо города Сафонова, родины Наумовых, но очень спешили, да и не знали, где их найти, если они еще жили там. Кстати сказать, субтропический климат, ядреный ультрафиолет, особенности местных продуктов и пр. не могли не сказаться и на здоровье остальных членов группы, осталось подождать последствий. Высокие зарплаты и завидный статус так просто не даются.

Окрестности Ифунды не менее живописны, чем в Мкваве. Снова Тосамаганга. Там жили две русские семьи (Вялых и Гринчен-

ко, с которыми мы сдружались). Там были обширный монастырский фруктовый сад и молочная ферма, мы ими часто пользовались, собираясь туда с сумками, корзинами и банками, чтобы унести побольше. Когда был неисправен «Козлик», т.е. в большинстве случаев, выручали рейсовые автобусы.

Однажды я отказался ночевать в Тосе, меня друзья довели до развилки с главным шоссе (километра два), я простился с ними и стал ждать автобуса. Стою час, второй, автобус опаздывает или вовсе не пойдет. Наступила холодная ночь. Возвращающиеся из самоволки студенты Тосы предлагали донести мои корзины назад, от костров соседнего селения приходили люди, предлагали погреться и переночевать в их хижинах, следующий автобус только утром, но я все надеялся на что-то и с благодарностью отказывался. На небе ярко светили крупные звезды, я все разглядывал Южный крест и стал, в конце концов, обращаться к нему: «Ну если ты есть, так пришли хоть какой-нибудь транспорт!». И тут как тут – передо мной тормозит неизвестно откуда взявшийся припозднившийся сонный автобус.

...Но закончился и этот контракт. Директор школы м-р Хусейн с согласия миссии направил документы на его продление, все было в уверенности, что вопрос будет решен положительно, но вдруг недели через две получаем ответ: контракт продлили только Л. Архипенко.

Что такое? Оказывается, как мне приватно объяснили, в министерстве подняли мой файл, обнаружили мою фактически высылку в 75-м году и решили хоть задним числом исправиться. Возмутился (надо сказать, не слишком решительно), тогдашний секондмастер Ифунды Дж. Мбуджи, мой студент по Мкване, объявился негласный сотрудник секьюрити Филипп Куамбиана, тоже учитель, немало со мной общавшийся еще по Мкване и, в основном, симпатичный парень. Обещал справиться, где надо, и похлопотать...

Спасибо, но я и в этот раз отказался: это могло бы косвенно подтвердить старые обвинения и снова бросить тень на ничего не подозревающий СССР, и я стал готовиться к отъезду.

В день отъезда вместе со школьным грузовиком явились много провожатых и добровольных грузчиков из числа учителей и соседей, но грузить было не особо много, мы сами погрузились (мама с дочкой в кабину, я в кузов), общее «Квахерини» («Прощайте!»). Нас вывезли на автобусную станцию - и мы были готовы в тот же день очутиться в Даре.

Автобус вел осторожный и внимательный водитель, но, не доехав километров 50 до Дара, мы в темноте на полном ходу наехали на огромный грузовик с прицепом, груженный замбийской медью, стоящий на ночь без парковочных огней.

Удар, в автобусе зазвенели стекла, спящие пассажиры набили шишек о верхушки впереди стоящих кресел, закричали и ринулись к

переднему выходу. Не все устояли в этой толкучке, кому-то раздавили упавшие очки, и парень лазил по полу, отыскивая их между ног толпы.

Мы, Курышевы, отделались легкими ссадинами и синяками, Света просто соскользнула с рук матери и уютно расположилась под передним сиденьем. Сильнее всего пострадал наш водитель (он в горячке спустился со своего сиденья, обежал автобус спереди, осмотрел повреждения, ахнул и тут только упал – у него были перебиты ноги) да мирно спавшие двое влюбленных, предусмотрительно занявшие первое сиденье, на свою беду – девушку просто скальпировало разбитое стекло водительской кабины. Нам повезло: наше было второе сиденье.

Пассажиры высыпали на обочину, посокрушались, попытались оказать первую помощь пострадавшим. Ночь, пустынное шоссе. А нам завтра утром на самолет! От полной безысходности начали устраиваться на ночлег хотя бы до утра, там что-нибудь придумаем. Вдруг, откуда ни возьмись, в Дар возвращается запоздавшая откуда-то карета «Скорой помощи»! Одна проблема решена. Отправили бедняг - и тут же, как по мановению волшебной палочки, катит в нужном направлении свободное такси. Общество посоветалось и предоставило его нам. В Даре мы первым делом всполошили автобусную компанию, убедились в отправке замены аварийного автобуса и устроились на ночлег сами.

В общем, добрались в порядке. В международном аэропорту Хартума удалось «по секрету» в темноте отхватить какую-то «редкую русскую монету», оказавшуюся на свету юбилейным ленинским рублем, а в Адене – верх бытовой радиотехники, вожденный двухкассетный магнитофон «Акай», почти исправно проработавший до сих пор.

И опять Дмитров, тот же гороно, почти тот же коллектив. Потянулись те же будни.

Интересная случилась история с заведующим фильмотекой гороно Г.Н. Карасевым: он во всех известных мне деталях расскажет мне, как молодым курсантом-танкистом помогал соседнему интернату сносить старый амбар. Оказывается, это он сидел за рычагами того танка! Вот такая получилась переключка через года. Заодно он рассказал, что курсанты с танкодрома нередко бегали в самоволку на интернатский пруд в конце школьного сада, бывал там и он с навешавшей его верной подругой Риммой.

По совместительству преподавал в школе №1 им. В.И. Кузнецова. Директором школы была Л.Г. Бутовецкая, ее заместителями А.С. Корсакова, Н.П. Михальчук, А.Ф. Тягачев. Вспоминаются военрук Л.Р. Немировский, физик Л.С. Меркулова, начинающий химик Н.А. Степанова (за изящность фигуры прозванная среди учеников «Пробиркой»), физруки В.И. Николаев и Л.Ф. Климов, трудовик

Н.Н. Цветков (ветеран войны, бывший Подольский курсант), старшая пионервожатая А.Ф. Садова, потом она работала в Управлении образования, а теперь генеральный директор Музея-заповедника «Дмитровский кремль».

Из учеников помнятся Таня Корсакова, устроившая на выпускном вечере инсценированный экзамен с талантливыми веселыми пародиями на меня, Алеша Тягачев, в дальнейшем офицер ВДВ, Герой России, и Миша Зернов, предельно честный и воспитанный парень.

В 1983 г. я был командирован Минпросом СССР в Афганистан по линии ЮНЕСКО на три месяца для помощи их Минпросу в работе с кадрами центрального аппарата. Почему я? Ведь на нашем учете было достаточно не только школьных учителей, но и вузовских преподавателей по любым предметам. Хоть отказывайся от престижного для Союза места в кадрах ЮНЕСКО. А тут какой-то Курышев с некоторым административным опытом, хоть и просто «сельская учительница», не более. «Ничего, на месте ориентируетесь».

В горьком засомневались:

– Что-то Вы повадились, товарищ...

– Так специальность такая! Да и не на курорт я собрался, там же война и пули летают.

– Эээ... Ну ладно, поезжайте, только ненадолго, у нас тут как раз предстоит реформа образования...

Окрылили, ничего не скажешь.

13 июня вылетел. Летел каким-то из «Аэробусов», просторном, с креслами в три ряда, телевизором, на экране которого крутился какой-то фильм, с голливудского вида стюардессами. Промежуточная посадка в Ташкенте, во время которой кто-то из толпившихся на транзитном балконе африканцев радостно окликнул меня по имени.

В Кабуле меня встретил руководитель бюро ЮНЕСКО в Афганистане поляк Ежи Пиотровский (вообще-то просто Пиотровский, этого и в его фамилии нет, его мы добавляем сами, так по-русски привычнее). Хороший оказался товарищ, хотя из-за его национальности и буйствующей в те годы «Солидарности» его в советских кругах остерегались. Но все его дальнейшие поступки убеждали, что зря.

В 1997 году я с группой Дмитровской молодежи проездом оказался во Вроцлаве, его городе. В Европе бушевал подлинный потоп, шоссе оказались под водой, пришлось искать объезда, да и не оставишь целый автобус ребят. А так порывался хотя бы на заправке найти телефонную книгу и позвонить ему, но не случилось!

Разместил меня в ооновском гостевом доме (гестхаусе, строго для ооновского персонала) и оставил высыпаться. После краткого отдыха спускаюсь в бар подкрепиться – и первый же абсолютно мне незнакомый человек дружелюбно приветствует меня по имени и спрашивает, хорошо ли долетел. Потом, уже вернувшись в Дмитров и выпавшись, наконец, я из утренних «Известий» узнал, что этот парень – Ричард

Вандайвер, первый секретарь американского посольства, из ЦРУ, возглавлял как раз всю агентурную сеть в Афганистане. Он сразу же мне дал понять, что не больно-то воображай, мы о тебе уже знаем. Интересно, за кого они меня приняли?

Кстати, я оказался командирован в Афганистан в неожиданном для себя, но оправданном для кадров ЮНЕСКО ранге D-2 (директор 2 класса, немного ниже генерального директора ЮНЕСКО). Как значилось в присланном со мной финансовом аттестате, это соответствовало дипломатическому рангу советника-посланника – полномочного министра, а военному – генерал-лейтенанта, с целым перечнем положенных такому высокому чину льгот.

Скоро пришлось почувствовать, что это такое. На следующий день я направился в советское посольство, чтобы обозначить свой приезд и передать тот самый аттестат для назначения советского оклада. Но начальник финансового отдела оказался небывало занят. Мне пришлось просидеть в коридоре часа полтора, прочитать все выложенные на столике вчерашние московские газеты – и вдруг сам чиновник выскочил в коридор, как ошпаренный: перебирая разложенные секретаршей бумаги, он обнаружил, что в коридоре мается целый генерал-лейтенант! (Сам бухгалтер был от силы майором.) Последовали укоры в адрес невинной секретарши, тысячи извинений в мой адрес, так что мне еле удалось унять грозу. Кончилось тем, что мне был определен оклад в 700 инвалютных рублей (положенные советнику D-2 свои 3 тысячи долларов от представительства ЮНИДО (специальное агентства ООН по программам развития стран-членов) в Кабуле я должен был сдавать в посольство), и впредь я обслуживался в его аппарате незамедлительно.

В тот же день Ежи представлял меня в министерстве министру Абдул-Самаду Каюми, инженер-химик по специальности, учился в построенном с помощью «оккупанта» СССР Кабульском политехническом институте у советских преподавателей и свободно говорил по-русски. Много позднее, после его вынужденной эмиграции в СССР, я как-то увидел его по ТВ среди афганского землячества, но без точных контактных указаний. Так что и его я не нашел. Представили также первому замминистра г-ну Хаку (куратору департамента персонала), директору департамента планирования (месту моей аккредитации и постоянной работы) г-ну Хусейни, оказавшимся искренне воспринимающим советское участие в судьбе своей родины и потерявшим сына в этой борьбе. Потом познакомился с бюро ЮНЕСКО - экспертом индусом Бхаваном Матуром и местными - секретарем-машинисткой Сурайей и офисным служителем Абдаллой. Первые пару дней ютился на приставном стульчике у стола Ежи, потом мне оборудовали кабинет пополам с плановиком из ГДР, пребывавшим почти всегда в разъездах, так что я фактически получил отдельный кабинет в конце длинного коридора на 4-м этаже. В один из первых дней на новом месте вдруг открывается дверь в метре от мо-

его стола, и прямо на меня наступает страшнейшего вида афганец, типичный душман. Ужас! Мне отрезаны пути и к двери, и к окну, а все-таки 4-й этаж, да и пока откроешь и распахнешь окно, он уже меня настигнет! Кричать тоже бесполезно, ближайшая помощь метрах в 10 по коридору... Как в фильме, передо мной в один миг пробегает вся моя жизнь, успеваю проститься с семьей, друзьями... Оказывается, это кассир нашего департамента, у меня за спиной его сейф, а сам он благообразный, смиренный и вполне безобидный был старик).

Разбираясь с кадровой службой в министерстве, нашел ее неэффективной и бессмысленной, скопированной с бывшей британской колониальной и бюрократической системой, нацеленной на тупое подчинение и выслуживание (и структурно напоминающей нашу родную табель о рангах). Так, наш Абдалла, обнося как-то в офисе по привычке чай господам чиновникам (каждые полчаса, иначе горло пересыхает от жары и сухости воздуха) вдруг присовокупил к обычной чашке и пару конфеток; оказывается, его из-за чьей-то нераспорядительности много лет обходили при очередных аттестациях, а теперь вдруг это обнаружили, присвоили ему сразу 4-й ранг, выплатили пропущенные надбавки, вот он и отметил этот факт дружеским угощением. А ведь еще один шаг – и наш уборщик выслужит директорский ранг в департаменте планирования Министерства просвещения!

Другой пример: начальник отдела учителей средних школ в департаменте персонала начал свою службу чиновником младшего 10-го ранга в том же отделе, успешно прослужил положенные сроки, подшивая бумаги и расставляя папки по шкафам и полкам, дошел до 6-го ранга и стал управлять всей учительской службой страны, сам оставаясь без профессионального образования и не отработавшего в школе ни единого дня! Как это возможно? При аттестации суммируются оценки по различным показателям, ничего общего не имеющим с показателями эффективности труда (помнится, благообразный внешний вид, учтивое общение со старшими по должности, строгое отношение к нижестоящим, соблюдение норм Корана и шариата - страна-то мусульманская – и т.п.), и твоя карьера в порядке.

Отсутствуют должностные характеристики и инструкции (с которыми и должна сравниваться работа конкретного человека при аттестации), все занимают одинаковые должности члена такого-то департамента. Нет понятия приобретения и повышения квалификации. Много можно еще сказать о слабости кадровой службы в министерстве (и во всей стране).

Потряс такой показательный случай: один деятель из министерства несколько месяцев не показывался на службе, потом оказалось, что он давно у душманов, но ему регулярно начислялось жалование!

Доложил выводы министру, решено провести семинар по проблеме работы с персоналом с директорами всех департаментов. Пришлось готовиться.

Собрались, министр открыл, обозвав меня «Его Превосходительство товарищ Игорь Николаевич», я начал говорить, но переводчик не владел соответствующей лексикой, и кончилось тем, что в этой роли выступил сам господин министр.

Так долго протянуть было нельзя. Ограничились общими замечаниями и выстроили стратегию дальнейшей работы. С участием Ежи заготовил болванку аттестационных листов в трех вариантах (один, собственное понимание своей эффективности и предложения по повышению квалификации, заполняет сам работник, второй – его непосредственный руководитель, заменив «собственное видение» на мнение начальства и предложения по дальнейшему использованию работника, третий и окончательный – директор департамента); таким образом, выясняются и уровень притязаний чиновника, и возможность его сохранения в должности, роста или расставания с ним.

Одновременно, практически с самого начала моего присутствия в бюро ЮНЕСКО, пришлось участвовать в его работе по критической оценке действовавших в Афганистане программ ЮНИДО, т.е. моего непосредственного работодателя. Вот образчики его программ: «Развитие лесопаркового хозяйства в Афганистане», «Развитие производства пчелиного меда в Афганистане путем улучшения породы местных пчел методом искусственного осеменения» и пр. Оценили? В условиях гражданской войны они распространялись только на сам Кабул, на остальной территории страны летали пули вместо пчел, а в лесах сидели «духи». Кому понадобилось их «развивать»!

Поясню на пчелином примере. Является в министерство здравоохранения вежливый ооновский чиновник и ведет такой разговор:

– В Вашей стране идет гражданская война.

– К сожалению, да.

– Среди Ваших героев много раненых.

– ...

– Многие ранены тяжело.

– ...

– Лекарств, видим сами, для их лечения не хватает.

– ...

– А между тем, природа создала замечательное средство для заживления ран и общего укрепления организма - пчелиный мед.

– ...

– К сожалению, ваши дикие пчелы малопродуктивна.

– ...

– Так мы можем Вам помочь улучшить их породу, в мире есть методы. Скажем, искусственное осеменение.

– ...

– Мы разработали для Вас такую программу, которая будет финансироваться нами, не затрагивая Ваш ограниченный бюджет. А чтобы не промахнуться, пусть Ваш человек поедет для ознакомле-

ния, скажем, в лучшую в Европе фирму на недельку – за наш счет, разумеется.

Ну какой чиновник устоит? Появляется контракт, находится нужный человек, его привозят на место, содержат в люксе, поят, кормят, развлекают неделю, иногда приводят в научную лабораторию или в цех, в которых он ничего не понимает, вручают в подарок на прощание некоторую сумму в долларах – сущую мелочь для хозяев, но для него полугодовой оклад! Очаровыванный окончательно, он по возвращению убедительно рекомендует контракт подписать. В Европе закупается дорогое бельгийское, шведское, швейцарское оборудование – микроскопы, центрифуги, лазеры и пр., привозят его в Кабул, оно успешно простаивает месяцами (причины известны – гражданская война плюс коррупция вовлеченных чиновников). Его своевременно обновляют, в Кабул прилетают и откровенно жируют высокооплачиваемые испанские, норвежские, американские эксперты (за исключением как раз польского эксперта по пчелам, фамилию которого, к сожалению, успел забыть, одного латиноамериканца по имени Ньютон да чеха по фамилии Граховина – Hrachovina, горошина, в английском варианте Хречовайна, с которыми у меня установились дружеские, неформальные отношения). В ООНовских кругах отчитываются, выступают на трибунах, создают впечатление, что несчастному Афганистану оказывают помощь миллионов на столько-то, но все деньги, по сути, остались в спонсирующих странах, а самому Афганистану не достается ничего.

Наносится ущерб авторитету СССР, взявшему на себя ответственность за развитие страны, но якобы не дающего возможности реализовать такие ценные программы, поддерживая состояние войны. Разворачиваются, в том числе, и советские взносы в ООН.

В Кабульском бюро ЮНЕСКО эту издевательскую ситуацию выявили давно, по халатности ряда наших представителей их сигналам хода не давали, но с моим появлением работа оживилась (я как-то рассказал и некоем засидевшемся и потерявшем чутье сонном идиоте советским товарищам, и буквально через день мне доложили, что посол приказ подписал.

– Какой приказ?

– Того работника уволили и заменили. Вот как отозвался мой негаданный чин.

Мы писали в ЮНИДО, но каждый раз получали несурзные ответы, что, мол, благодарим м-ра Матура за отличную работу в течение стольких лет, но контракт его окончен (мы действительно ходатайствовали о продлении его контракта, это верно, но о сути-то основного вопроса ни слова). Мы повторяли запрос, и снова Бхагвана благодарили за службу.

Выяснилось, что эти мерзавцы из представительства ЮНИДО в Кабуле попросту получали из Нью-Йорка один текст, а нам передавали

другой («И в суму его пустую суют грамоту другую»), и так несколько раз, пока мы не скинулись и не ухнули открытым коммерческим телеграфом самому Пересу де Куэльяру, генсеку ООН.

Последовал сигнал, что наша телеграмма получена и что в Кабул немедленно отправляется заместитель Генерального директора ЮНЕСКО из штаб-квартиры в Париже. Тот действительно прибыл, выслушал наши аргументы, доложил Кештманду, председателю правительства ДРА. В результате в отставку отправлен первый заместитель Кештманда и ряд более мелких сошек, беспредел по части ЮНИДО был прекращен, контакт наших товарищей с бюро ЮНЕСКО удалось установить.

Важную роль здесь сыграл, воспользовавшись моим влиянием, один наш дипломат, второй секретарь посольства Н.А. Буховец, занявшийся отслеживанием ситуации в отношениях с ЮНИДО.

Николай рассказал о потрясшем меня случае. Сергей, его товарищ по работе в посольстве, перед отъездом в отпуск в Москву зашел с сынишкой на уличный рынок купить в подарок сыну к 1 классу набор модных и редких тогда в Союзе цветных фломастеров. Только выбрал и расплатился, как к нему сзади подошел душман и выстрелил ему в голову пять раз. Отец упал, из ран полилась кровь, а мальчик знал, что если остановить кровь, то много ее не вытечет, папу могут спасти, и своими пятью пальчиками заткнул все пять дырок в голове отца!

Мы с Николаем как-то быстро сошлись. Он потом был переведен по своей части в Танзанию, и я поинструктировал его по ряду тамошних порядков. После окончания службы он построил дачу в Муравьеве, порасспросил в Дмитрове, не знают ли такого Курышева, и нашел меня в ДФ РМАТ.

Вся эта работа велась в нерабочее время, не прерывая основных обязанностей, спать приходилось по 3-4 часа (а ночью тайком пробираться в буфетную за заваркой, чтобы не уснуть). Замечал повышенный интерес к своей персоне со стороны отдельных мистеров. Проверил, знают ли они русский язык: присутствовал однажды на разговоре группы иностранцев, естественно, на английском, и отвлеклся на болтовню с другим русским, физиком-теоретиком Константином Щукиным. Так эти ребята вдруг спросили меня по-английски, откуда я знаю русский.

– Да приходилось, – ответил я по-английски же, а они оценили, что я говорю по-русски почти без акцента(!). Сами они оказались эстонцами и просто не знали, что беседуют с русским, а вот английский у них-то как раз с густым акцентом.

В общем, пришлось побывать в «горячей точке». Точка действительно горячая. Один раз, в день беседы с парижским начальством, не успели к окончанию комендантского часа, и на обратном пути пришлось постоять под дулами полицейских автоматов, пока они не разобрались.

Как-то ночью в окно соседнего номера гостевого дома (там жил Константин) влетела пуля, Костя сидел в кресле, читал журнал и чуть не словил ее.

Но самый страшный момент был 1 сентября, когда бы сбит над Дальним Востоком южнокорейский пассажирский самолет с разведывательным заданием и несколькими сотнями жертв. МИД СССР одновременно оповестил об инциденте все советские посольства, чтобы удержали всех наших дома в ожидании провокаций одураченных истерией в западной прессе. Но я-то был официально не советский, меня не имели в виду. Так что с самого утра мы с Ежи были по причине выходного дня, пятницы, далеко за городом, на озере Карга, любовались гольф- и волейбольными полями, по очевидной причине безлюдными, и живописными окрестностями, том числе заброшенными домами на другом берегу. Мне между прочими тары-барамы дали понять, что это уже позиции моджахедов и что из вон тех домов их наблюдатели наверняка дивятся, кто это уставился на их наблюдательный пункт. Сразу появилось острое желание вернуться в гестхаус, чтобы узнать детали случившегося от местных служителей и иностранцев, слушавших радио (они почему-то сразу восприняли это как сознательную провокацию и довольно объективно излагали новости).

Свободное время мне помогали скрашивать многочисленные контакты с Пиотровскими, с постояльцами гестхауса. В нерабочее время здесь бывала масса народу: был приличный бассейн, где познакомился с парнями из семьи палестинского представителя, бильярд, бар (здесь и обнаружено было мое неплохое русское произношение, здесь же я выявлял владевших русским языком иностранцев и афганцев, неизвестно как попавших в заведение строго для иностранцев), вечерами крутили фильмы. Его управляющий, западный немец, представлял мне ночью свой кабинет с пишущей машинкой, столь мне необходимой. Он жил в доме, непосредственно прилегавшем к гестхаусу, и однажды мы с ооновскими мальчишками в шутку полезли в его сад за яблоками. Но только взобрались на сетку ограды, как к нам подбежал его жутковатого вида пес, которого, как оказалось, можно было трепать за ухо, настолько он безобиден и бесполезен для охраны сада и дома.

Ближе всего оказалась молодежь – цейлонец Саман Веебадди Виджесири (между нами, попросту Видже), бирманец Сирил, индеец Кумар Сунил. Один раз они пригласили меня на обед (ничего мне заранее не сказав) со специально притомленными ими, холостяками, своими национальными блюдами, а в конце своего угощения нестройно исполнили под гитару песню А. Вертинского «Дорогой дальнею»:

*Ехали на тройке с бубенцами,
А вдали мерцали огоньки.
Мне б теперь, соколики, да с вами
Душу бы развеять от тоски*

*Дорогой дальнею, да ночью лунною,
Да с песней той, что вдаль летит, звеня,
Да с той старинною, да семиструнною,
Что по ночам так мучила меня..*

Песня эта, оказалось, была когда-то популярна в Юго-Восточной Азии, так они ее специально выучили заново, и не обратил внимание, на каком языке они пели – мне слышались именно русские слова... А однажды я был в гостях у Видже, сидел на диване – смотрел его представление (он в центре комнаты старательно исполнял цейлонский танец) – как вдруг заметил, что диван пополз куда-то в угол, туда же поехал стол со всем угощением, дом заходил ходуном, парень свалился на пол, а я, подпертый спинкой дивана, продолжал сидеть, мелко трясясь, как от смеха. Землетрясение! По местным меркам, небольшое и недлительное, но для первого в жизни раза все равно немало.

... Контракт заканчивался. Афганская сторона просила продолжить работу и готова была за усилия в деле ЮУНИДО дать орден, ЮНЕСКО согласно подумать о зачислении меня в постоянный штат, но я помнил слова горкомовского товарища перед согласием на мою командировку, и решил-таки возвращаться. В министерстве начата поголовная аттестация персонала по моим инструкциям, а в следующем году я снова приеду, обработаю данные, сформулирую результаты и дам окончательные рекомендации. А там что будет. Мальчишки устроили мне «отходную», и 13-го сентября я тепло простился с Ежи и моими верными мальчишками и взошел на борт «Аэрофлота». Привычная теснота, привычное меню... Как только оторвались от взлетной полосы и легли на курс, сидевший у иллюминатора суровый майор в полевой форме оторвался от иллюминатора и зарыдал, не стесняясь других пассажиров, а они сделали вид, что и не заметили ничего. Промежуточная посадка в Ташкенте – вот мы и дома!

Продолжил свою работу в горно. Моими товарищами по работе, кроме Бориса Александровича Рылько, были А.И. Шевченко, Н.С. Рослякова, Л.С. Сырых. Л.И. Кувшинова, З.И. Романчук, И.С. Матвиенко, Н.Н. Исаева (раньше была Зуевой) и другие. На снимке крайние слева стоят А.И. Шевченко, Н.С. Рослякова, крайние справа Л.С. Сырых, Л.И. Кувшинова, сидят слева А.Г. Герасимова, Р.А. Карасева, справа З.И. Романчук, И.С. Матвиенко. Двоих, как ни стыдно, не вспомнил.

В 87-м году назначен на только что включенную в штат должность заместителя заведующего (неизбежных в этих случаях завистников не было: должность высокая, а в окладе потерял со 125 рублей до 110).

Из этого периода врезались два эпизода.

Во-первых, декабрь 88 – январь 89 г.г., когда а канун Нового года грянули и долго держались морозы за -40° . Завгороно болеет, нерв-

ные звонки из школ и садов, непрерывные планерки в исполкоме, срочные меры по восстановлению отопительных систем с помощью предприятий, шефов и не шефов. На этом фоне требования реальных рапортов в область – и строжайшее указание исполкома и горкома говорить, что у нас аварии незначительные и требуют самую малость помощи облоно в срочной поставке некоторых материалов (умные работники облоно понимали, что я вынужденно вру, и «на всякий случай» выписывали нам побольше, сколько могли).

Во-вторых, после разрушительного землетрясения в Армении в 88-м году довелось оценить поистине братское отношение земляков к чужой беде: школы и интернаты срочно стали без команды ужиматься, уплотняться и освобождать место для приема сирот и беженцев; на специально организованном приеме населения с предложениями помощи пострадавшим пришлось выслушать, например: «Я такой-то тракторист из такого-то села, у нас двое детей, мы с женой и отцом, а он плотник, все обдумали и решили остановить строительство второго этажа, докупить материалов для третьего и будем готовы принять 2-3 ребят в свою семью, обязательно братьев и сестер, чтобы не разделять сироток», или «Я такая-то, мастер с такого-то предприятия, у нас годовалый сын, хорошая квартира, много хорошей и даже неношеной одежды, можем еще подкупить, зарплаты у нас позволят, и просим дать нам сироту из Армении, желательно мальчика или сразу двух» и т.д.; я специально опускаю имена, названия, чтобы люди не узнали себя, если им придется это прочесть, и не потревожить их воспоминания, да к тому же высказываний было куда больше! Наша секретарша О. Меркулова просто рыдала, общаясь с очередью.

Еще этот период запомнился эпизодом, когда одному работнику просвещения было поручено выступить по его проблемам образования на готовившейся райпартконференции, она подготовила текст, как водится, понесла его в горком, а курирующий инструктор его забраковал – мол, не отражено то-то и то-то; посоветовавшись с нами в гороно, она переписала заново, на проверку понесли уже заведующему отделом, тот нашел его полностью непригодным и велел переписать. Бедняга снова обратилась за новыми идеями, я советовал ничего не менять, а за обедом прочитал на эту тему басню И.А. Крылова «Слон-живописец». Та почему-то приняла ее на свой счет и пожаловалась в горком: Курышев-де высмеивает партийное руководство образованием. И когда в союзном Минпросе и еще в одном ведомстве приготовили для меня в 1984 году новое задание, включая завершение-таки предыдущего, из Дмитрова прозвучало: «Да вы знаете, кого вы рекомендуете?.. Да вы знаете, как он тут себя ведет!». Ничего не помогло. С мыслью о продолжении командировки покончено. И о товарищах по работе в Афганистане тоже.

Неожиданно оказался председателем окружного (Дмитровский. Пушкинский районы и еще какие-то территории) собрания избирателей (были такие поиски новых демократических форм выдвижения кандидатов в народные депутаты) в РДК. Там пришлось противостоять крикливым демагогическим попыткам откуда-то взявшихся «демократов» навязать собранию свое мнение, не поддержанное самим собранием.

После такого опыта занял место председателя городской избирательной комиссии и взаимодействовал со сгруппировавшейся вокруг Оревской базы МВТУ группой молодых научных сотрудников, продолжавших ту же тактику.

Вот пример. Дмитровчанин по фамилии Громов в день выборов в горсовет якобы поехал на рыбалку, по его наущению на избирательной участке (во 2-й школе) старушке-теще удалось уговорить стоворчивую женщину из комиссии неосмотрительно выдать и его бюллетень, потом неожиданно явился на участок, «обнаружил» нарушение своего избирательного права, написал заявление и поднял скандал, а когда я вместе с членом горизбиркома А.В. Фуфаевым выехали по его вызову и начали составлять протокол на нарушительницу, перепугался за бедную женщину, за ее семью и собственную тещу-соучастницу, пошел на попятную и согласился скандал замять.

Этот период работы в гороно запомнился также одним весьма необычным областным семинаром заведующих райгороно. Посвящен он был личностным качествам и характеристикам самих чиновников, а не очередным задачам отрасли, как обычно.

Так, на одном из занятий проводивший его психолог выстроил нас в очередь, первого завел в отдельный кабинет и зачитал телефонограмму: «Звонил Борис Иванович, что сегодня на работу не приедет, потому что у него заболел ребенок, но сегодня он ждет группу партнеров из Кливленда; извинитесь за него, что не сможет их принять, и договоритесь перенести встречу на завтра в 10 часов, и чтобы заранее подготовились к ней, пусть возьмут с собой в гостиницу наши предложения по проекту №10, вы найдете его в синей папке в нижнем левом ящике стола»; затем сажал первого на свое место и просил повторить телефонограмму второму в очереди, и так постепенно всю группу, последний возвращал новость снова оператору; все снималось на камеру, и потом пленку показали всем; выяснилось, что каждый что-то пропускал или вовсе искажал в сообщении, так что последний пересказал примерно следующее: «У Матвея Семеновича коклюш, он несколько дней проболит, а если приедет делегация из Клина, отправьте их назад и ничего им по проекту №7 не говорите, а от них спросите предложения по ценам и положите их в желтую папку на его столе». Слушатели, считающие себя доками в ремесле руководителя («министрами просвещения» своего района) узнали свою истинную цену в искусстве деловой коммуникации.

На другом занятии предполагалась встреча с заместителем министра просвещения, но с утра эту встречу перенесли попозже, и нас разбили на небольшие группы и попросили заготовить для замминистра свои вопросы по наиболее острым проблемам отрасли. Таким образом убивают двух зайцев: во-первых, всех заставили эти проблемы назвать, а заодно поспорить с коллегами по их действительной остроте и оттачивать в споре их формулировки, во-вторых, никто деятельность этих групп не организовывал, и в каждой кто-то постепенно брал на себя руководство, а без этой способности к лидерству руководителя просто невозможно представить. На новом занятии пошло наукообразное пустомеление насчет образования, каждая группа пыталась подыграть руководителям и вносила непонятные или очевидно невыполнимые предложения; когда дошла очередь до нас и спикером выставили меня, я, чтобы от нас отстали (да и время давно приблизилось к ужину), заявил, что все зависит от степени агревации (термин изобретен прямо на ходу), и задача состоит в том, чтобы ее непрерывно наращивать; опешившие руководители нашлись: «Да, конечно, благодарю за дельное замечание» – и закончили отчеты. Проверяли нас и на сопротивляемость внушению, и тут оказалось, что некоторые легко подвержены внушению и такое выдвигают на сцене по команде гипнотизера! Другие посопротивляются немного и тоже впадают в игривое состояние. Я оказался для гипнотизеров бесперспективным клиентом.

По совместительству продолжал преподавать в школе №1 (только один год, надо было закончить свой класс) и одновременно начал работать во вновь открываемой школе №10, где набрали для начала только 9-й класс (выпускным классам решили дать доучиться в привычных для них школах). Директором 10-й школы назначили Лидию Дмитриевну Гаврикову, заместителем директора была Галина Георгиевна Иванова. Создавался интересный педагогический коллектив. Хорошо вспоминаю коллегу-физика Г.А. Дунаеву, замечательного химика Г.Г. Лысову, географа С.В. Кузнецова (при монтаже электрооборудования школы какой-то умник запитал столы кабинета физики на щиток в лаборантской кабинета географии, по соседству, так что общаться приходилось нередко, иногда, в случае необходимости, и во время урока - моего или его; его воспитательский класс долго собирался на чашку чая в его кабинете при очередной встрече выпускников и каждый раз приглашали меня, настолько мы подружились), словесницу Е.И. Щекину, с которой мы сталкивались в разных коллективах на разных этапах моей работы в Дмитрове, а пока я был вполне мобилен, ее класс тоже приглашал обоих Курышевых на свои посиделки - часть этих ребят когда-то в начальных классах учила Людмила Николаевна. Любимцем старшеклассников был военрук майор А.С. Генералов

Вспоминается и вот такой эпизод. Я как-то поддался уговорам и баллотировался в депутаты Областного Совета по округу, включавшему мкр. А. Маркова, в том числе и 10-ю школу с жившими по соседству родителями моих учеников. Наткнулся на противодействие набиравших силу оревских «демократов», с которыми боролся еще при работе в городском избиркоме. Вот они и придумали размножить на каком-то служебном множительном аппарате листовку - бездарный и бездоказательный пасквиль, как, мол, этому Курышеву наплевать на интересы избирателей, знаем мы его. Для распространения листовок по столбам, заборам, автобусным остановкам и прочих посещаемых мест надумали нанять старшеклассников (в роли их организатора почему-то выступила наша же школьная лаборантка, с которой мы были, казалось бы, в дружеских отношениях), да просчитались: мальчишки смекнули, что к чему, измазали клеем некоторые места с обрывками листовок, а основной тираж уничтожили, сохранив образец для меня (и мне бы его сохранить как документ истории, да при очередной чистке старых бумаг снова прочитал, снова посмеялся и выкинул в мусор).

В 1988 году Б.А. Рылько ушел (перед будущей пенсией) в школьные директора, я оказался на его месте. Заместителем пригласил Людмилу Сергеевну Сырых, кем только до того не поработавшую и искренне мной уважаемую до сих пор; она взяла на себя дошкольные и заодно все хозяйственные вопросы, так нелюбимые мной. И завертелось! Тогда-то я понял, в чем разница между вторым и первым лицом в горно, управляющим доброй сотней учреждений с несколькими тысячами людей, да еще в «перестроечные времена». Были и ошибки, и несомненные успехи. Не буду много говорить об этом периоде моей деятельности, тем более что это было совсем недавно, да к тому же многие могли бы описать ее более объективно.

В этот период работы в горно был отмечен медалью «Ветеран труда», единственной моей государственной наградой (ведомственных, по просвещению, от комсомола, КПСС, профсоюзов и других общественных организаций поощрений немало).

Вручение было сопряжено с комичным происшествием. В конце очередной планерки в горисполкоме его председатель Б.Д. Щербаков сказал:

– Подождите расходиться. Нам предстоит выполнить важную миссию вручить медаль «Ветеран труда» нашей уважаемой... нашей дорогой... эээ... – повисла какая-то многозначительная тишина, Борис Дмитриевич шарил на столе в поисках документа, где можно было прочитать, кому же медаль предназначена.

Что касается «нашей дорогой», то в исполкоме было привычным награждать этой медалью вахтерш и техничек, а руководителей, мужчин и женщин, отмечали по-другому.

Наконец, удостоверение к медали найдено, Борис Дмитриевич мог продолжать:

– Нашей дорогой ... эээ ... Игорю Николаевичу. – Поощрительный смех в зале.

Запомнилось также, как при ремонте отопительной системы Внуковской восьмилетней школы, располагавшейся тогда в здании бывшей церкви, ее директор Н.И. Винокурова со знанием дела оперировала профессиональными терминами вроде шибера, и производивший работы Н.И. Берлизов к такому знанию отнесся с уважением.

Когда поддерживать старое приспособленное здание стало нерациональным, к тому же центральная усадьба совхоза «Внуковский» переместилась в бывший поселок РТС (знаменитая в свое время Дмитровская машинотракторная станция), там же было построено новое типовое здание школы, реорганизованной в среднюю.

Я присутствовал на ее открытии 1 сентября и был впечатлен, как Надежда Ивановна Винокурова, кроме обязательной в этом случае общешкольной линейки, зашла в каждый класс и рассказала ребятам, какие у них замечательные учителя, какие у них богатые знания, какие носят звания и награды, что они делали, чтобы, не считаясь со временем, вовремя открыть школу. Никого не забыла. Всегда отмечал у них порядок и учебную культуру.

Я даже говорил, что из всех сельских школ района (никого из них не хочу обидеть – сельские школы несут особую социальную нагрузку) эта – самая городская. Потом не уставал восхищаться тому, как во Внуковской школе построено трудовое обучение и воспитание именно сельских школьников (пришкольный участок с овощными грядками под различные опыты, цветники, парники, теплицы, свинарник, крольчатник, курятник...

Когда школа, оказалась в городской черте, поменял и свою характеристику: она стала самой сельской из всех городских в признание ее особого внимания к сельскому труду, да и куда денешься - ведь подавляющая часть ее учеников сплошь дети тружеников совхоза, и даже живущие в домах городского типа, не порывают со своими подсобными хозяйствами. А теперь туда ездят учиться и немало городских детей. На начало очередного учебного года сюда приезжала В.И. Матвиенко, тогда заместитель председателя правительства России.

В 1990 году подбирался состав нового ГК КПСС после ухода В.А. Новоселова с поста первого секретаря на пенсию, Е.А. Гришиной с поста второго секретаря по болезни и неизбежными перестановками в штатах и аппарате горкома.

Третьему, будущему первому секретарю Валерию Ивановичу Винокурову пришлось в голову пригласить меня на должность второго. Пригласили. Я спросил: «И как вам пришлось в голову взять на партийную работу отпетого антипартийщика?»

– Дело прошлое, что его вспоминать. Кто старое вспоминет... – и т.д.

В общем, искренность Валерия Ивановича заставила меня согласиться (хотя это означало для меня конец педагогической службы). Отношение товарищей было разное, как раз начались, поначалу не массово, критика партии и выход из нее. А я серьезно переживал за ее авторитет. И даже теперь, когда многое становится понятнее, я не буду считать этот свой поступок ошибкой. С горно и педагогической карьерой пришлось расстаться, оказалось, не навсегда.

В горкоме я проработал немного.

Какие-то не запомнившиеся текущие и рутинные дела, верхушечные изменения. Из серьезных вещей помню зарождение в 1990 году по инициативе инструктора горкома Л.Г. Коргиной Клуба творческой интеллигенции (в числе первых были художники К.С. Прохоров Ф.В. Шапаев, А.С. Гусев, чьи выставки были устроены в Доме учителя), заглушем было после последовавших событий и позже возрожденном по инициативе З.И. Золотниковой под названием «Братина», в значительно расширенном составе и с написанным мной Уставом. Президентом Клуба бессменно является З.И. Золотникова, вице-президентами стали И.В. Кишкин и я.

На торжественном собрании в честь Международного женского дня в 1991 году так захотелось сказать со сцены (Валерий Иванович был в отлучке, выступать надо было мне) что-то нестандартное, что отважно прочитал к месту давнее свое стихотворение «Кто виноват?». Аплодировали, как мне показалось, искренне.

«Демократы» воспользовались событиями в Вильнюсе в 1991 году, без сомнения купились на распускаемую ими же версию произошедшего (якобы стрельбу советских солдат по безоружным демонстрантам, протестовавших против «оккупации» Литвы Советами) и устроили во Дворце культуры митинг протеста. Часть из сторонников демократической оппозиции (В. Вакарюк и др.) выступали жестко, другие (А. Карнейчик) осуждали действия власти, но призывали не горячиться, а сначала разобраться. Профессиональный военный А.А. Панфилов вообще усомнился в версии демократов с чисто военной точки зрения (как годами позже выяснилось, все и в самом деле было чистой провокацией «борцов за свободу»).

Август 1991 года. В.И. Винокуров в отпуске, остаюсь «на хозяйстве».

19 августа, в автобусе по пути на работу, замечаю настороженные взгляды в моем направлении, наиболее смелые сбивчиво пересказывают новости о каком-то ГКЧП. По прибытию в горком я выслушиваю новости по радио, отвечаю на тревожные звонки, но все-таки сдерживаю людей. Даже выставил в коридоре на проходе в свой кабинет удобное кресло, сел в него и вывесил плакат на ватманском листе: «16 августа Игорь Николаевич родил внуку. Рост такой-то, вес такой-то. Молодец, Игорь Николаевич!». В общем, тяну время, пока обстановка не прояснится.

На другой день с утра пожаловал американский журналист, начал выспрашивать по-английски, какие виды на урожай овощей и как будет организована их уборка. Я отвечаю сам. Да и нет никого с языком, кроме подсказчиков. Он наводящими вопросами явно интересуется отнюдь не овощами. Отпустил его. Последовал звонок из ОВД, сообщили о директиве ельцинского министра Баранникова об опечатывании помещений горкомов, я принял офицеров и сам указал, какие кабинеты опечатать - главный вход в горком, сектор учета, бухгалтерию, кабинет помощника секретаря с его сейфами, чтобы предохранить их от погромов, о которых уже стали поступать известия из Московских райкомов, и какие их не заинтересуют.

Так они и сделали, поставили вооруженную охрану, и один из дежуривших в первый день офицеров, лейтенант Молотков, заявил: «Пусть только сунутся, я сам открою огонь из автомата». Какой симпатяга!

В закрытое здание меня пускали, я проверял все помещения, сносил оставленные работниками личные вещи и документы, вызывал людей, чтобы их вернуть, собирал и готовил к сдаче в партархив бумаги, часть сам передавал в городской музей, кое-что жег сам. Однажды примчались испуганные милиционеры: кто-то донес, что во дворе горкома жгут секретные документы! В общем, занимался по собственному усмотрению ликвидацией горкома (партийные инстанции отрезаны, а у меня остался некоторый опыт со времен ГОРОНО). Тем более, что Ельцин уже наиздавал кучу указов на этот счет. Одним из них он «возвращал здание народу», конкретно - районному народному суду, работники которого под водительством заместителя председателя райсуда Н.А. Валовой, сначала нагрянули как захватчики и чуть ли не выламывали руки. Но потом появился председатель суда А.И. Иванов, когда-то ученик 2-й школы, произнес что-то насчет социальной справедливости, утихомирил подчиненных и навел эту самую справедливость.

Я продолжил свою работу, по очереди передавал помещения суду (с отдельными его работниками наладил контакт - были моими учениками в школах), помогал работникам горкома трудоустроиться, оформлял их увольнение и вообще руководил закрытым горкомом, т.к. В.И. Винокуров тоже должен был уволиться. А 21 сентября КПСС была Ельциным вообще ликвидирована.

Запомнился крикливый митинг на площади перед «Дмитровским посадом» где-то сразу после «демократического» переворота. Мне пришлось выступать (1-й секретарь еще не вернулся). Осатаневшие от своего долгожданного всевластия противники коммунистов постоянно и зло перебивали, предлагали спустить эту гадину с трибуны (ступенек гостиницы).

Поражало, что в их числе было немало хорошо мне знакомых, доселе вроде бы лояльных. Алексей Анатольевич Панфилов, человек казалось, из того лагеря, провожал меня с этого митинга и очень

сокрушался, как бы эта «победа демократии» не переросла в ее окончательные похороны.

Председателем исполкома горсовета в тот период был Григорий Семенович Шишков. Надо сказать, активный хозяйственник и не совсем политик.

В свое время горком партии с неохотой следил за служебным ростом Г.С., пытался подвергнуть сомнению результаты его выборов в горсовет. Я тогда был председателем городской избирательной комиссии, и Г.С. как-то прямо спросил меня, мол, может, это не мой факультет, туда ли я лезу? Я его поддержал, и с тех пор между нами установились товарищеские и служебные отношения, меня даже включили в состав исполкома, переименованного затем в президиум-исполком. В дни крушения Советской власти Григорий Семенович вел себя весьма достойно и мудро, не поддавался панике и незрелым решениям.

Самое неожиданное последствие разгона КПСС для меня - практическая невозможность трудоустроиться: о возвращении в город речи не могло быть, в школах учительские вакансии к этому времени давно закрыты. Некоторые старые знакомые вообще старались избегать общения со мной. С благодарностью вспоминаю четыре удивительных предложения.

1) Директор 4-й школы за каналом Галина Яковлевна Гиевая, сама по тогдашней моде вышедшая из партии, пригласила меня на должность директора, сама же нашла себе место учителя. Она даже собрала коллектив, и все вместе они так и решили поступить.

2) Главный врач Дмитровской больницы Алексей Борисович Коноплев приглашал на вакантную должность своего заместителя по делам гражданской обороны, единственной у него не требующей высшего медицинского образования. Мол, пока, а дальше подберем что-нибудь.

3) Председатель Дмитровского Союза кооператоров и предпринимателей Иванов (к своему стыду, имени этого достойного и симпатичного мне человека я не вспомню; через некоторое время он был убит в привычной тогда для их дела разборке).

4) В сентябре 1991 года на сессии горсовета его председателем вместо Г.С. Шишкова избрали Валерия Владимирович Гальченко.

Он прямо «на крыльце рейхстага», на выходе из районного ДК, где проходила сессия горсовета, пригласил меня (да и всех неустroенных работников горкома, которые «знают район и владеют телефонной трубкой») на работу в аппарат Совета на должность, какую я сам и назову. Он поручил мне разработать предложения по штатному составу советовского аппарата, который еще предстояло сформировать (а я был в то время членом горисполкома) и согласился подождать меня до января, определенного новым правительством как срок сохранения трудового стажа и зарплаты увольняемым работникам горкома.

Разумно? Так я и сделал и января 1992 года приступил к обязанностям помощника председателя районного Совета.

Пользуясь своим карт-бланшем, призвал в аппарат Совета горкомовскую машинистку Н.Н. Грачеву, еще не устроенную. По рекомендации Р.И. Писарского принял зав. орготделом Н.А. Хореву. Сам председатель принял зав. общим отделом Н.В. Михатова, подобрал других, и Совет начал функционировать.

Одновременно, в случае перемен в государственном устройстве СССР, а потом и России, каждый раз новые власти в спешке продляли полномочия еще советских избиркомов, так что и первое удостоверение об избрании Валерия Васильевича Гаврилова Главой Дмитровского района подписано мной.

В январе 1992 года у меня случился новый удар, порожденный нелепыми сплетнями нескольких бывших сослуживцев вокруг моей семьи. Называть их не хочу, хотя знаю их поименно.

Клеветницам это никакого счастья не принесло, одна и вовсе умерла. Хорошо, что своим молчаливым сочувствием поддержали новые сослуживцы по горсовету. Да и дальнейшие события помогли со временем перенести это предательство.

Кстати, при обнаружении у меня сахарного диабета в 1997 году умелая лаборантка Г.В. Курнякова произвела в больничной лаборатории какие-то сложные расчеты с моими анализами крови и прямо указала, что некое резкое обострение диабета случилось лет пять до того, т.е. как раз в описываемое время.

Надо отступить от последовательного повествования, чтобы характеризовать личность самого В.В. Гальченко. Впервые я столкнулся с ним в 1990 году как председатель городской избирательной комиссии, т.е. с «перестройки» вплоть до полной ликвидации Советов Ельциным и избрания нового районного Совета согласно новой Конституции.

В то время В. Гальченко был инженером в научном центре МВТУ в Ореве, признанном рассаднике зарождавшейся крикливой «демократии». Напористый В. Вакарюк, выдвигавшийся оревцами на передний план, мастер изворотливости А. Зотов, интеллигентный и спокойный А. Карнейчик, изобретательный А. Похолков. В дальнейшем к ним присоединились армейские офицеры: строевик А. Панфилов, искренне искавший смысла происходящего, и политработник А. Панченко, соглашатель по натуре. Инженеры автополигона П. Горячев и Р. Писарский. Последний отличался не только невиданным доселе именем и отчеством Радомир Ионович, но и врожденным чувством такта и справедливости, и проявился как их сначала скрытый, а потом и явный руководитель.

Все они были избраны в Совет нового созыва и в большинстве своем вошли в состав его рабочих органов.

В течение недолгого пребывания на этом посту В.В. Гальченко запомнился по-настоящему новым стилем руководства. Требовал кон-

кретного результата, а не отчета о процессе его достижения и причинах отсутствия. На планерках царил непоказная демократическая, а порой и озорная атмосфера: как-то раз он задерживался, и собравшиеся, устав ждать, от нечего делать, на удивление посетителям в приемной грянули хором народную: «Во кузнице, во кузнице...»

Решения, принимаемые никогда не занимавшимися нормотворческой работой, но априори уверенными в себе депутатами, вызывали недоумение специалистов. Так что приходилось заняться не только корректурой, но и откровенной редактурой и правкой уже принятых решений. К тому же немало времени, такого драгоценного для того революционного периода, уходило на противостояние «двух медведей в берлоге» - председателя Совета депутатов В.В. Гальченко и главы администрации В.В. Гаврилова, куда более опытного в управлении хозяйством района.

Гальченко заметил все возрастающую критику, скоро осознал ее обоснованность и вдруг постановил: все проекты до его подписи и тем более до опубликования должны быть согласованы с помощником председателя – «коммунякой», как меня аттестовали некоторые обиженные «демокряки» (мое изобретение). А обиженных этим неожиданным вмешательством в суверенные права депутатов и жалоб председателю было немало, пока «новички на стадионе» не привыкли к ответственности за свою новую работу. Надеюсь, и с обратной стороны мою деятельность в Совете должны бы признать полезной.

Дальнейшая деятельность Валерия Владимировича было сплошь политической.

Депутат и заместитель председателя Областной Думы (приглашал меня в качестве помощника, но ежедневная дорога и долгий отрыв от семьи остановили меня).

Депутат Государственной Думы (в течении двух созывов по одномандатному Дмитровскому избирательному округу, затем пару раз по спискам одной из «демократических» партий).

Явился одним из соучредителей и сопредседателей Народной партии. Помню долгий доверительный разговор в неформальной обстановке, когда он язвительно отзывался о главной тогда чиновничьей партии, «Наш дом Россия», и желании иметь партию, откликающуюся на интересы и нужды простого народа. Не прижилась Народная партия на выстроенном «демократами» российском политическом поле.

Характерно, что когда я оказался в больнице (сахарный диабет), то меня в числе немногих посетил Валерий Владимирович, приведший персонал в замешательство.

Уже в период моей работы в академии я узнал, что он вдруг вошел во фракцию «Единой России». Я среагировал на это в том смысле, что раз он сам вяпался, пусть сам и отмывается. Мой комментарий был ему незамедлительно доложен, и меня вдруг прямо с лекции вызывают к срочному телефону из Государственной Думы. В.В. не обиделся,

объяснил свою метаморфозу личными обстоятельствами (позволю себе их не разглашать), и я его понял, хоть и не оправдываю.

В дни моего расставания с академией и окончательного выхода на пенсию я получил из Госдумы предлинное поздравление. Это был наш последний контакт с ним. А жаль - память сохранила теплые воспоминания об этом человеке. У меня есть неосуществленное пока желание послать ему экземпляр своей книги «Жила бы страна родная», тем более что его нынешняя супруга была мне хорошо известна как просто Наташа Паршина, очаровательная старшая пионервожатая 2-й школы (уже без меня), отчаянная танцовщица, а потом один из последних секретарей ГК ВЛКСМ.

Могу вспомнить и анекдотичный случай из тех дней.

Как-то председатель горсовета выехал в Степаново по жалобе группы учителей, которым местные власти никак не позволяли зарегистрировать садоводческое товарищество, и взял меня с собой, (и по должности, и по прежней принадлежности к учителям).

Вел служебную «Волгу» он сам. По прибытию на место организатор товарищества, в миру директор Яхромской ШРМ Анатолий Иванович Желтухин, узнал меня, поздоровался со мной и заметил: «А вот твоего нового шофера я не знаю». Пришлось пояснить бедняге, кто этот «новый шофер», а я просто при нем. Кстати, Валерий Владимирович, всегда добро относившийся к учителям, решил дело в их пользу.

Среди многих моих дел горсоветовского периода не могу не упомянуть, как в 1992 году заметил в районке «Путь Ильича» статью Николая Алексеевича Федорова «Был ли Дмитров завоеван французами?», с горечью повествующую о том, что юные дмитровчане не знают истории своего города. И я подумал: а откуда они могли ее узнать, ведь кроме газетных подшивок да немногочисленных художественных открыток предложить, молодежи нечего. Зародилась мысль дать школьникам если не учебник, то хотя бы систематизированный сборник текстов о Дмитрове. Идею сразу поддержал В.В. Гальченко. Я начал работать над сбором материалов и составлением книги.

Вспоминается, как в поисках и отборе подходящего материала (с самого начала решил по возможности ничего нового не заказывать, а сформировать сборник из уже опубликованных материалов) пришел к научному сотруднику краеведческого музея Р.Ф. Хохлову, и он показал на целый шкаф хранящихся все рукописных и машинописных исследований Дмитровских краеведов разных лет, сшитых в папки под иногда случайными названиями и ждущих, когда их начнут-таки читать.

Вот тогда и зародилась реализованная через 10 лет мысль заняться этими работами и хотя бы систематизировать и описать их. Нашлось в Дмитрове издательство «Спас», его основателем и директором был мой ученик по 2-й школе Игорь Агафонов.

Труд оказался нелегким, к делу привлекли ряд помощников. Постоянно справлялся о ходе работы и решал спорные и финансовые вопросы председатель горсовета.

Общими усилиями дело двигалось, и к концу лета 93-го года книга «Дмитровский край» таки вышла. Могу с полным основанием назвать ее (наряду с вышедшей годом раньше работой И.В. Кишкина «Дмитровский хронограф») книгой, открывшей целый ряд последовавших больших и малых книг о Дмитрове.

Издание и распространение книги прошли в непростое время - как раз произошла кровавая развязка событий вокруг т.н. Белого дома и роспуска Советов. Меня даже спрашивали, в чем состояло участие в издании книги т.т. Гальченко и Курышева, нужна ли она в школе и стоит ли ее афишировать и распространять... Устроилось все по-людски. Решающую роль посредника сыграла тогдашний зампред горсовета З.С. Орлова.

В 1992 году в Дмитров прилетела группа туристов из США, разношерстная по своему профессиональному и возрастному составу, каждый со своим интересом, но объединенных желанием на месте посмотреть, что там происходит в России и чем можно помочь. Впоследствии многие еще не раз приезжали в Дмитров по приглашению вновь приобретенных друзей.

Из них я выделяю Траутера Гро, немца по происхождению, осевшего в США, основавшего общинную биодинамическую ферму и активно пропагандировавшего это направление по всему свету. Основал он такую ферму и в России у молодого фермера Игоря Батусова в деревне Василево под Олявидовом. Траутер неоднократно возвращался на это место, консультировал Игоря и даже приглашал его посмотреть пилотную общинную ферму в США (это ферма, ориентированная не на рынок вообще, а на потребности конкретной местной общины, и ею финансируемая вроде годовой подписки).

Чем закончилось проект, я не уследил, но наверняка идея общинной фермы не выжила под напором яро насаждаемых рыночных порядков. Мне же довелось перевести на русский язык изданную в Америке книгу Гро «Фермы завтрашнего дня», но пока я трудился, какое-то московское издательство успело пиратски издать ее в безобразном переводе желторотой инъязовки, без согласия автора, исказившей сам смысл идеи Траутера. Автор посокрушался, но не стал судиться с издательством - хорошо, что хоть так в России отреагировали на его усилия. А мне своего труда жалко.

Впоследствии мне пришлось много помогать горсовету и лично В.В. Гальченко в личных и почтовых контактах с англоговорящими партнерами, в том числе и возникшими ниоткуда мэром калифорнийского города Беркли миссис Лони Хенкок и ее мужем Джоном Хенкоком, членом ассамблеи штата.

В начале 1993 года, когда создались необходимые законодательные возможности для признания российской части КПСС в качестве одной из легальных политических партий, приступила к деятельности инициативная группа по воссозданию местного отделения КПРФ (В.И. Винокуров, И.Н. Курышев, А.В. Фуфаев, В.Н. Ганьшин, Б.Г. Спиридонов). Пользуясь моими старыми связями, первое собрание этой группы провели в Доме учителя, второе в художественной мастерской во дворе ДУ (ее директором был Б.Г. Спиридонов), а организационное собрание всего отделения в актовом зале 10-й школы.

Первым секретарем райкома избран и до сих пор остается Валерий Иванович Винокуров. В числе первого актива можно назвать дмитровчан В.Н. Николаева, Г.Г. Иванову, М.В. Попову, О.В. Дедову, А.К. Гусаренко, синьковцев Г.А. Белоглазова, В.А. Манаенкова и В.Ф. Мокринского, М.П. Трофимова из Якоти, И.С. Кириленко из Ново-Гришина, Н.П. Старостина из Внукова, яхромчанина А. Парфенова, бывшего потом кандидатом в члены ЦК. Если кого-то забыл упомянуть, пусть меня простят.

В 1993 году съездил в Германию с группой дмитровской молодежи по приглашению дмитровского побратима, округа Ремс-Мурр земли Баден-Вюртемберг, вместе с «фрау Серафимой» – останкинской учительницей немецкого С.И. Каменской.

Приземлились в Берлинском аэропорту Тегеле прямо в окружении берлинских улиц. Все по очереди сбегали на экскурсию в туалет для инвалидов, невиданное для нас чудо, и в ожидании автобуса в Вайблинген, центр округа, лакомились прямо на территории Тегеле дикорастущей ежевикой.

В Ремс-Мурре нас разместили на загородной детской базе Менххоф (двор монаха) поздно вечером, когда местные дети уже спали. Выделили отдельную палату.

Следующим вечером устроили нам костер знакомства. Дисциплинированные немецкие дети, только заслышав и подхватив «Kinder in der Nacht schlafen» (дети ночью спят, что-то вроде нашего немеркнущего хита «Спят усталые игрушки») неохотно, под дружное «У-у-у», но привычно-покорно разошлись по палатам.

На первой же ознакомительной линейке при всей немецкой ребятне и персонале крайсрат (руководитель округа, окружной советник) Хорст Лессинг вручил всем нашим на мелкие расходы по 20 DM, не преминув объяснить, что это примерно 60% средней русской зарплаты, закрепили интересного вожатого (если не перепутал, его звали Хайнц, иногда ему помогал его друг-волонтер симпатяга Удо, по которому сохли некоторые наши девчонки).

Кормили диковинной для нас едой. Например, мы впервые увидели, попробовали и оценили мюсли, так что поедали их вдоволь, как картошку, на удивление немецких ребят, посыпавших мюсли ще-

потками. Часто выражали свои восторги, вызывали в обеденный зал нашу и общую любимицу шеф-повара фрау Грау.

Возили на экскурсии, приглашали наших руководителей на свои педсоветы. Во мне заподозрили шпиона, так как мало что мог сказать по-немецки, но при этом не часто просил для себя перевода от фрау Серафимы: «Видно, понимает, но скрывает!»

Вечером перед закрытием немецкого лагеря (нам предстояло сюда еще возвращаться на время своих поездок) организовали прощание с нами. Положенные речи. В концертной части мы под талантливый аккомпанемент одной нашей девушки спели визборовскую песню «Милая моя»:

Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях встречусь я с тобою?

Пели все, даже мальчишки, пели с таким подъемом (да разве можно иначе петь Визбора!), что ни слова не понявшие немецкие девочки и женщины откровенно рыдали, а парни вдруг полезли за платками как бы протереть пот, и все хором кричали «Zugabe!» (Давай еще!). Обмен адресами, сувенирами, клятвы. Все детали можно найти в моей брошюре «Zugabe!» в музее...

Милые друзья, как вы там без нас?

Отдельно отмечу обстоятельства нашего отлета домой.

Уже не помню, почему, но билетов на самолет из Штутгарта не было, нас автобусом перевезли во Франкфурт-на-Майне; тут рейс подходящий был, но не хватало пяти мест. Мы решили, что основная группа летит домой с фрау Серафимой, а 4 добровольца со мной ждут следующей вакансии. Вызвались 2 девушки и 2 юноши, без всяких там препираний. Пришлось ждать часов 10. Участие к нам проявила дежурная на регистрации по имени Петра, она постоянно справлялась о самочувствии, предлагала кофе и искренно радовалась, когда нашла, наконец, нам места. И вот что удивительно: летели мы практически пустым самолетом и в одиночку пользовались прелестями полета на Аэробусе мест на 300. Заодно воспользовались европейским бортовым меню и гостеприимством.

Осень 1993 года.

Противостояние Ельцина с Верховным Советом, антиконституционный расстрел парламента, скороспелый шахраевско-лукинско-ельцинский проект конституции, референдум по нему привели к ликвидации Советов, очередной утрате моего рабочего места («достал меня этот Ельцин», как я писал в одной своей автобиографии в академии). От созданного нами аппарата почти ничего не осталось.

Меня по рекомендации Е.А. Виноградовой, последнего первого секретаря горкома комсомола, тогда заместителя Главы администрации, назначили в возглавляемый ею Комитет по делам молодежи на специально открытую должность (впоследствии двигался в этом Ко-

митете на различных должностях вслед за его реорганизациями и даже почти год замещал саму Елену Александровну на время ее длительного лечения после травмы и вслед за этим последовавшего отпуща по рождению сына).

В 1995-м году в Дмитровский район приезжал Б.Н. Ельцин. По какой надобности, уже не помню. А завершился визит Президента пикником в какой-то роще на берегу канала, купанием и привычным для него возлиянием. Потом на районном собрании руководителей в зале Администрации долго славословили этого великого человека, которого кое-кто, наконец, понял и оценил, несмотря на все нападки со стороны его противников, и которого теперь готов отстаивать до конца жизни. Вот уж, действительно, чума на нашу Россию!

Из своей работы в этот период особенно запомнилось участие в работе пансионата для детей-сирот «Эдельвейс» (это название родилось у меня) в Деденево на средства предпринимателя Н.А. Аничкина. Интересное оказалось учреждение, принявшее горнолыжный профиль.

Начинание проникло в Москву, и однажды оттуда приехала съемочная группа какого-то кабельного телевидения, пригласили для беседы с журналистами и меня. И как же я разволновался, когда репортером оказалась А.Я. Йошпе, которую пришлось уже называть Яковлевной, но она тепло вспоминала тот ее приезд в МОПИ.

Вспомнили, рассказали друг о друге, Алла оставила свой телефон, чтобы она могла сказать, в какой день и по какому каналу будет программа, но я посчитал неудобным для шапочного знакомства звонить звезде, и только недавно, приводя в порядок свой разбухший архив, я не без сожаления порвал эту записку, тем более что абонента уже нет.

Из неожиданных встреч в эти годы запомнил также, как столкнулся в коридоре исполкома с Народным артистом СССР В. Тихоновым, знаменитым Штирлицем, любимым в народе и по многочисленным ролям в других кино – оказывается, в кабинете председателя снимался один из эпизодов к/ф «Апелляция».

Настало время сказать о том, как в 1997 году директор Дмитровского историко-архитектурного музея-заповедника (таково было его очередное название, сначала просто краеведческий музей, потом до настоящего времени - Музей-заповедник «Дмитровский кремль») И.В. Кишкин и заместитель Главы администрации А.А. Поспелова, курировавшая, в числе прочих отраслей, культуру, были приглашены в Администрацию области, где Л.Т. Новикова поставила перед ними задачу создать в Дмитрове филиал Российской международной академии туризма - с целью ускоренного развития этой отрасли в, безусловно, перспективном регионе.

По роду моих обязанностей и.о. заместителя главы района и по старой дружбе Игорь Владимирович пришел ко мне посоветовать-

ся, и я сначала запротестовал: «Ну какая в Дмитрове международная академия! Что еще за Новые Васюки?».

Как же благодарен теперь Игорю Владимировичу, что он убедил-таки меня, а заодно привез в Дмитров ректора РМАТ Валерия Александровича Квартальнова, которого я, оказывается, знал со студенческих лет, тогда он был просто Валерой, комсомольским активистом с филфака.

Все, вопрос согласован. Дмитровский факультет (тогда он так назывался) на исходе ноября 1997 года открылся в составе одного лицейского (по сути, подготовительного) класса на базе музея (и помещения, и научных сотрудников).

В числе первых преподавателей, которые продолжали в нем работать в течение нескольких лет, следует назвать самого И.В. Кишкина, М.М. Ахмедову, Н.В. Табунову, Т.П. Черныш, Т.Е. Павлову. Активно занималась профессиональным отбором студентов и в дальнейшем сопровождала их в решении жизненных проблем опытный практический психолог Г.Н. Болотова.

При открытии в следующем году заочного отделения пришел туда и я – Кишкин уговорил-таки меня взять хотя бы английский язык, другие, незнакомые мне дисциплины я осваивать не брался (занят был по работе), а знакомому мне после афганского опыта «Управлению персоналом» еще не пришло время (это дисциплина 3-го курса).

В 1999 году, с выпуском первого лицейского класса, был произведен и первый набор студентов-очников. Надо признать, что наличие в Дмитрове филиала академии туризма не только помогло развитию быстро растущей туристской отрасли кадрами и научными разработками, но и расширило возможности получения высшего профессионального образования для Дмитровской молодежи, в том числе и для получения выпускниками филиала высшей научной квалификации. Так оно и случилось: по крайней мере, четверо дмитровских выпускников прошли аспирантуру РМАТ – В. Супрун, Е. Дедова, А. Табунов, В. Маркус. Двое из них потом и преподавали в ДФ РМАТ.

Кроме уже перечисленных, в числе преподавателей филиала продуктивно работают и высоко почитаемы студентами, Заслуженный работник легкой промышленности З.С. Орлова, кандидат технических наук В.А. Южаков, кандидат педагогических наук З.И. Злотникова, кандидат экономических наук Н.В. Малышева, экономист О.В. Ярыгина, опытный педагог и признанный авторитет по части русского языка Ф.К. Мирзоян, прирожденный психолог Э.В. Воронина, библиотекари Н.А. Кудинова, работавшая вначале, и сменившая ее Т.Г. Спиридонова, не порвавшая связи со мной и после моего вынужденного затворничества, другие известные в районе специалисты различных отраслей.

Многие защитили в Ученом совете академии кандидатские диссертации как соискатели: Н.В. Табунова, И.В. Кишкин, Е.В. Фролова, И.Н. Ганьшина, Г.Н. Болотова – все кандидаты педнаук. За что и по-

лучили от Р.Н. Сунгурова меткое и не без подковырки прозвище кандидилов.

Н.В. Малышева успела стать кандидатом экономических наук, готовились к этому званию также З.С. Орлова и Е.А. Виноградова. Но провозились, упустили время и временный экспертный совет по экономическим наукам был закрыт. А жаль: доктора наук не столько принимали у них экзамены, сколько слушали, чтобы почерпнуть у них немало практических аспектов, я этому свидетель.

В 1999 году В.А. Квартальнов, что называется, и мне выкрутил руки и заставил защитить диссертацию. Так я стал кандидатом педагогических наук по специальности «Теория и методика профессионального образования», впоследствии мне было присвоено звание профессора академии.

Преподаватели не прекращают научные исследования в области туристики и смежных наук, усиленно привлекая к ним наиболее подготовленных студентов, ежегодно публикуя Труды Дмитровского филиала РМАТ (к настоящему времени состоялось 13 выпусков), публикуются в научных сборниках, участвуют в научно-практических конференциях, включая международные. Отличительной стороной филиала является хорошо организованные практики, стажировки (ею руководила Ф.К. Мирзоян) и обмены студентов, в том числе и иностранные.

В числе студентов запомнились Света Чумак, Катя Васильева, Тимур Ахмедов, Артем Табунов, Света Беглова, Лена Дедова, Сережа Столяров, Дима Степанов, Наташа Никитина, Женя Суверьева, Леша Слатвицкий, Ваня Крюков, Максим Курышкин, Денис Бычков, Вовка Цикарев – каждый по своей причине. Конечно, таких было больше, но всех запомнить трудно.

В 1997 году я снова ездил в Германию с новой группой молодежи и новой помощницей – Людмилой Анатольевной Карповой, инструктором спорткомитета (председателем был А.А. Панфилов), которую знал еще по Струнинскому лагерю как Люсю Жиронкину.

В составе группы были ребята постарше - С. Бубнов, Д. Майоров, М. Виноградова, Д. Чернышев, А. Курышев, О. Семенова (где эти двое и познакомились, чтобы через несколько лет пожениться и родить нам прекрасных внуков) и др. Группу принимал заранее составивший программу и сопровождавший нас во всех экскурсиях местный организатор спорта и туризма Ханс Валентин Мате (мы с Людмилой Анатольевной звали его по-дружески Иваном Валентиновичем).

Нас принял в городе Юберлинген (неправильно произносится по-русски, так как нет русского эквивалента немецкого и, Уберлинген было бы точнее) на Боденском озере (в 2002 году в этом месте разбился башкирский самолет с детьми и сопровождающими) и разместил молодежный дом общения (или как это лучше перевести). Мате все организовал на высшем уровне. Насколько позволило вре-

мя, прогулки по городу и окрестностям озера, экскурсии на остров Майнау (гигантская оранжерея с живыми бабочками всех размеров и раскрасок), в музей дирижаблей, на стилизованную под старину прибрежную деревню древних германцев; паромная экскурсия по Боденскому озеру в город Констанц. Туда нас, правда, не пустили – Швейцария не присоединилась к Шенгенскому соглашению, зато на Францию по этому соглашению наша германская виза распространялась, так что днем позже через какие-то час-полтора мы незаметно пересекли границу и были во Франции, проезжали мимо Страсбурга, бродили по древнему городу Кольмару, посетили там средневековый собор с музеем рыцарских доспехов, и потом нас пустили в свободное плавание по городу: хочешь – сиди в скверике и рассматривай проходящих мимо горожан и туристов, хочешь – пройдишь рейдом по магазинам. Да мало ли какие впечатления и знакомства заполнили наш досуг в Юберлингене! Вот только с округом-побратимом мы ни разу не пересеклись. В рукописном фонде музея-заповедника есть отчет об этой поездке.

В это же время я участвовал в работе общества «Знание» (раньше называлось Обществом по распространению политических и научных знаний), в том числе, в роли заместителя председателя районного правления. Прежнего председателя, районного прокурора, перевели в другой район, нового вскоре назначили на какую-то федеральную должность. Вести работу долго пришлось ответственному секретарю Г.Я. Гиевой и мне. А когда нам назначили нового прокурора, А.И. Васильева, ему сразу же поручили и «Знание», но он долго не проявлялся у нас в правлении, занятый делами.

Я не побоялся и в конце рабочего дня, когда никакие секретарши не могут двум ответственным мужчинам поговорить, заявился к нему:

– Здравствуйте, Анатолий Иванович, я ваш первый заместитель.

Бедный прокурор опешил: ему, оказывается, назначили заместителя – и без согласования с ним! Как к этому прикажете относиться? Молчание пришлось прервать и объяснить создавшееся положение.

В виде премий лучшим лекторам мы часто организовывали турпоездки в разные места по Союзу, в некоторые из них, в Киев, Кутаиси, Мелехово и на Куликово поле, удалось попасть и мне.

В мае 1986 года в Киеве по телефонному справочнику нашел Простота, радостно навестил их на Троещине. Ерик за это время превратился в настоящего Ярослава, у них родилась еще и девочка. Ребята рассказали о событиях в Киеве после аварии в Чернобыле и о позорном поведении тогдашнего руководителя Украины Щербицкого. Интересно было бы их снова повидать и узнать их мнение, как они относятся к нынешнему не совсем дружественному состоянию отношений между нашими теперь уже разными странами.

Надо сказать и о созданном сначала в школьном музее школы №5, затем обновленном и значительно расширенном (в развитие той самой реформы образования) на базе Дома пионеров, а затем, в 1991 году, переведенном в помещение отдела «Русский мир» Дмитровского краеведческого музея. Потом он дважды переименовался и реформировался и официально открыт в Народном музее образования Дмитровского района.

Собралась великолепная экспозиция, оформленная по всем правилам музейного искусства. Я тоже передал в нее кое-что из относящихся к теме материалов и предметов. Экскурсии сюда были не только из школ района, их присылали из других районов по наводке областного Управления образования, были группы слушателей из областного института усовершенствования учителей. Жаль, что при передаче части помещений Дмитровского музея в пользование Успенского собора экспозиция Музея образования была аккуратно разобрана, потом неаккуратно сложена под какую-то лестницу, потом изгнана в Дом учителя, где и погибла окончательно. Жаль, по-настоящему жаль.

Что касается других событий этого периода, опять-таки не могу объективно рассказывать о них, оставляю это следующим историкам. Назову только наиболее выдающихся директоров школ района тех лет – З.А. Костину, Л.Д. Гаврикову и Н.И. Винокурову – Заслуженных учителей Российской Федерации, Л.Б. Кораблеву, А.В. Курбатову, З.В. Синицыну, Т.Н. Ткачеву, В.П. Коренного, Е.А. Рыбакова, Н.Ф. Ленского, Л.А. Власову, Л.П. Савкевич, П.С. Сторожева. Из заведующих детскими садами помню В.В. Суркову, Т.Б. Ферулеву, Н.И. Сивочалову.

В 1998 году В.В. Гаврилов поручил мне возглавить Управление образования. Надо сказать, что в это время по стране процветали задержки в выплате зарплат, порой многомесячные и затронувшие не только все бюджетные отрасли (исключая органы государственного и муниципального управления) и, под шумок, предпринимательские структуры, а также задержки пенсий и других социальных выплат.

Как раз в разгар этой бюджетной вакханалии я и пришел в Управление, так что с первые месяцы пришлось выслушивать и читать многочисленные жалобы, порой незаслуженные и несуразные личные обвинения на этот счет, встречаться с инициаторами забастовок, выступать на митингах - и это в учительских коллективах, из которых я вышел сам! Непросто все это, но утихомиривать стихию надо.

Например, размер моего оклада (гораздо выше учительских ставок и даже окладов Управления) был установлен областным законом, но одним из первых своих приказов запретил бухгалтерии выплачивать лично мне солидные ежемесячные премии, устанавливаемые распоряжением Главы района (продолжался этот запрет почти до самого моего увольнения с этой должности в 2001 году). Вообще, педколлек-

тивы, да и сам аппарат Управления бурлили, саботировали некоторые нововведения, относились к действиям Начальника с недоверием (которое чувствовалось и в Администрации района). Плюс определенная несогласованность органов управления, бюрократизм, показуха, обилие ненужных бумажных показателей, бесконечные и бессмысленные аттестации и отчеты – даже не хочется вспоминать.

Летом 1998 года вместе с А.В. Курбатовой удалось поучаствовать во Всероссийском совещании по вопросам аттестации учителей в Геленджике (по инициативе начальника Главного управления кадров союзного министерства, В.Ф. Инюткина, давнего моего знакомого, он возглавлял в свое время один из гороно Подмосковья). Кроме красот природы и моря, усеянного отдыхающими, помню, как я отстаивал неформальные критерии аттестации (тесты, публикации, успехи учеников в олимпиадах и пр.) и как держались за свое чиновники, которым это совещание и не очень-то было и нужно. А я помню сотни формальных характеристик и аттестационных листов, никак не характеризующих аттестуемого и хоть как-то отличающих его от других.

Отдельно надо сказать о приглашении в 1999 году побратима Дмитровского района, голландской провинции Флеволанд, посетить Голландию в качестве руководителя системы образования. Приглашение исходило также от давнего знакомого - переводчика во времена первых шагов голландских гостей и партнеров на Дмитровской земле в 1991 году. Тогда голландцы откликнулись на не известно кем брошенный клич вести в Россию гуманитарную помощь. Причем ушлые европейцы были искренне уверены, что до настоящих нуждающихся власти или будет распределено между «своими». Так что все до каждой пачки фасоли и баночки джема, все было сначала разгружено, пересчитано, определено на хранение и доставлено по квартирам изумленных «нищих русских» под их непосредственным контролем. Потом дело было передано нашим, чтобы освободить время голландских друзей для ознакомления с районом, довольно игривого времяпрепровождения и хорошего русского застолья на прощание.

После были многочисленные встречи со старыми друзьями и новыми специалистами по различным отраслям до королевского комиссара в провинции г-на Ламмерса с супругой. Со временем настроенность и чопорность гостей заметно уменьшались, а искреннее внимание к нам росло. Скажем, во время визита Ламмерсов по дороге в тогдашний Загорск проезжали мы мимо Костина. Наши голландцы откровенно заерзали и неожиданно попросили посетить какой-нибудь «деревянный русской домик», для них – подлинную диковинку. Мы остановились, вызвали опешившую хозяйку, и она с удивлением и удовольствием показала иностранцам и саму избу с лавками и сундуками, и русскую печь, и сени с ведром воды на лавке, и двор с запа-

сом дров, и деревянную лопату для чистки двора, и веник-голик для очистки обуви от снега. После посещения Лавры закупили матрешек и других сувениров, в том числе бюстик Ленина – с комментарием относительно того, что негоже русским подвергать осмеянию свою собственную историю, к тому же в самой Европе к этой фигуре относятся без издевательств, характерных для России ельцинской эпохи.

А теперь о поездке во Флеволанд. В состав группы входили директор гимназии №6 Алла Викторовна Курбатова, председатель районного женсовета Марина Федоровна Гунько и я.

Нас разместили в разных семьях города Альмере, центра провинции Флеволанд. У принявшей меня четы Аккерманов я в «своей» комнате сразу же увидел полку с несколькими толстыми книгами с именем «Энгельс» на корешке, обрадовался, что попал к своим. Полюбопытствовал и обнаружил, что это – всего лишь учебники и словари английского языка (слово Engels по-голландски и означает English).

Нам предложили чудесную программу знакомства с историей, людьми и достижениями Флево-ланда. Из всех впечатлений от поездки выделю экскурсию по Амстердаму.

По дороге к очередному объекту заметили на одной из улиц обилие магазинов с узкими витринами, в которых стоят куклы в полный рост и в фривольных нарядах (по выражению «непутевого» телеведущего Дмитрия Крылова, «барышень горизонтальной профессии»), а когда я разинул рот на одну из них, она вдруг подмигнула мне и поманила пальчиком.

Из замешательства вывел сопровождавший нас голландский служащий Ханс Блом: мы как раз проходили знаменитую улицу красных фонарей (мы только тогда и разглядели эти опознавательные знаки известной аттракции, говоря туристским языком). Хитрый малый Ханс специально вел нас к ней. Блом долгие годы курировал связи провинции с порожденным Дмитриевым, включая в будущем и практику студентов ДФ РМАТ в Голландии. Посещал наш филиал пару раз в год, и на правах старого друга звался у нас Ваней Цветковым. Направлялись мы к дому Рембрандта, но тот оказался на ремонте, и пока топтались перед ним, многие пострадали: казалось, горожане специально к нашему приезду выгуляли на этой площадке всех своих собак.

В одном старом соборе нас заставили поглядеть направо, поглядеть налево, а потом посмотреть под ноги – оказалось, мы топтались на могильной плите с надписью «Саския», а это умершая от какого-то мора жена Рембрандта, похороненная вместе с другими горожанами под полами собора! Экскурсия по Амстердаму завершилась прогулкой по знаменитым каналам в небольшой моторной яхте одного из друзей Ханса. Видели многочисленные плавучие дома – баржи и дру-

гие суда, переоборудованные под вполне современное жилье. Вечером, проплывая по каналу, мы на верхотуре одного из зданий увидели яркую неоновую вывеску: «SIBIRIA». Как дома побывали!

Отдельно скажу о героической истории самой провинции Флево-ланд. Ее территория отвоевана у Северного моря каскадом плотин между грядой природных островов и представляет собой как бы глубокое осушенное блюдце посреди моря. Мои хозяева – супруги Аккерман. Она – медработник, ее полное имя, кажется, Франциска, но среди своих она звалась Сиска, чем поначалу немало нас смущала, но потом и мы привыкли. Ее муж Ари – муниципальный служащий, ведает архитектурными делами. Супруги любовно возделывали крохотный огородик и при копке грядки то и дело выкапывали разные диковинные предметы, оброненные когда-то с проходивших мимо кораблей; один из их соседей всю жизнь ловил в этих местах рыбу и теперь живет там же на глубине 2,5 метров от поверхности моря. Еще более диковинные впечатления оставило посещение города Урк – бывшего острова. Дома старой его части смотрятся просто прянично-карамельными – крохотные из-за тесноты на небольшом острове, зато в два-три этажа (надо же разместить рыбацкую семью), дворик в полметра украшен обязательным цветничком и миниатюрной вазочкой, дорожка к дому покрыта парой узких плиток – больше не поместится. В 2-3 сантиметрах «хоромы» соседа.

В одном месте чуть ли не в огороде стоит старинная пушка, смотрит куда-то в сторону новой части города. Оказывается, здесь прежде была набережная, а пушка сигнальная, палила в море через равные промежутки времени, указывала кораблям в тумане путь к берегу.

В одном доме под полом видны склепы для захоронения родни (куда же еще девать?), и для туристов полы сделаны из толстого стекла – ходи и любуйся. Когда-то на набережной была целая стена из мемориальных досок с именами рыбаков-уркцев (или уркчан?), погибших в море, и на самом обресе высится фигура печальной женщины, с надеждой вглядывающейся в море – не видно ли корабля с возвращающимися мужчинами? На досках имена человек 400 разных возрастов. Трагично и смешно: море давно отступило на километры, а морячка все простирает руки над несуществующим морем в сторону новых, современных кварталов.

В последний день пребывания в Альмере успели купить подарки-сувениры своим семьям на популярной среди туристов пешеходной торговой улице, и на выходе из магазина чуть не пропустили еще одно чудо: прямо на променаде, смешавшись с толпой, стоит обнаженная женская фигура с вывернутой назад головой и с изумлением разглядывает: что это за промежуток устроилась у нее пониже спины? Ну и выдумщики эти голландцы!

Другие подробности этой поездки, чрезвычайно насыщенной контактами с голландскими коллегами, могу опустить, они включены под

заголовком «Tot ziens Flevoland, или Похождения шуткой делегации» (так ее назвала наша голландская подруга Хермина де Хеер, знающая многое по-русски - самая шуткая делегация) как 2-я часть моей работы под названием «НеДерландщина», имеющейся в районном музее.

Отдельно останавлиюсь только на событиях, непосредственно предшествовавших нашему отъезду - варварским бомбардировкам объектов Югославии силами США и НАТО якобы для защиты жизни косовских албанцев от истребления сербами. Наш премьер-министр Е.М. Примаков как раз направлялся с визитом в США. Развернув самолет на полпути прямо в воздухе, он вернулся в Москву. Так он немедленно среагировал на эту наглость.

Поразительно, что голландцы, как и население остальной Европы, поддержало натовскую акцию. Я пытался объяснить Аккерманам, что это исторически сербская земля, этот край никогда не принадлежал албанцам. Напрасно потратил время. Европейцы крепко держались лживой проамериканской версии (давно разоблаченной) и верили только своим СМИ, повторяющим ложь американцев. В результате ни одного албанца не спасли, зато разрушили оборонную и промышленную инфраструктуру славянской и православной Сербии, заставили послушные им правительства признать независимость мусульманского Косова и тем спровоцировали распад союзной Югославии, выдачу натовцам как военных преступников последнего президента Югославии Слободана Милошевича и других сербских лидеров для якобы справедливого международного суда, так и не завершеного.

Вот с тех пор я раз и навсегда перестал молиться на двойную европейскую мораль. Справедливость этого отношения подтвердилась неоднократно – при их оправдании дипломатической, информационной, моральной и прямой материальной и военной поддержки «повстанцев» и «борцов за свободу» в Ираке, Ливии, Египте и пр., а теперь и в Сирии.

Никакой веры европейцам больше нет. По Европе свободно маршируют без всякого притеснений фашистские последыши, а попытки нормальных ответственных граждан продемонстрировать свое отношение к этим сходкам наталкиваются на заслоны полиции и заканчиваются в полицейских автобусах. Чего стоят только их стремление наперегонки друг перед другом выставить напоказ свою неумную псевдополиткорректность по отношению к заполняющим Европу этническим переселенцам и сексуальным извращенцам, которая губит старушку-Европу у всех на глазах. Докатаются, пожалуй, эти хваленые демократии до всеобщей исламизации и ЛГБТизации европейцев, да и наши послушные дурачки-либералы вслед за ними.

И вот самое свежее проявление этой натовской солидарности. Сейчас не стихают обсуждения фактов тотальной секретной прослушки американских спецслужб за переговорами политических деятелей иностранных государств, которые предал гласности бывший сотруд-

ник одной из этих спецслужб Э. Сноуден. В число контролируемых попали и высшие руководители европейских «союзников» США, которые для вида громко скандалили и инициировали служебные проверки ставших известными фактов. Все подтвердилось и даже обросло новыми подробностями. США объявили честного и смелого молодого человека государственным преступником и аннулировали его американский паспорт.

Когда Сноуден летел из Гонконга, где и сделал поразившее всех признание, в Эквадор или Боливию, где намеревался просить политического убежища, он оказался как транзитный пассажир в аэропорту Шереметьево без какого-либо паспорта или другого юридического документа чтобы продолжать полет, не мог зарегистрироваться ни на какой рейс, и, оказавшись, таким образом, в западне (в транзитной зоне он еще не на территории России и вообще ни на какой территории, но и покинуть ее не может), попросил два-три десятка государств о политическом убежище, но европейцы все как-то враз забыли об оскорблении и собственном суверенитете и взяли под козырек – отказали под разными предлогами (собственную постыдную роль в этом сыграл и наш президент В. Путин, которого американские «друзья» тоже в свое время прослушивали).

Только президент Боливии Э. Моралес, оказавшийся в России по государственным делам, изъявил готовность поддержать изгнанника. Тогда кичащиеся своей моралью европейцы отказали возвращавшемуся из Москвы Моралесу в полете над их воздушным пространством. Где дозаправиться оказавшемуся в западне боливийскому самолету? Посадку разрешила Австрия (фактически, вынудили сесть), но в Вене Моралеса высадили, а самолет, обладающий дипломатическим иммунитетом как суверенная территория Боливии, беспардонно обыскали – им казалось, что Моралес вывозит в Боливию разыскиваемого американцами «беглого преступника». Что называется, приехали! Самолет все равно не дозаправили, возможность предоставили только на одном из испанских островов. К вернувшемуся домой Моралесу мгновенно слетелись оскорбленные латиноамериканские президенты и высказали американцам все, чего они заслужили. А о готовности предоставить Э. Сноудену убежище пока определенно заявили только Венесуэла, Бразилия и Никарагуа. Только как туда добраться? Делать нечего – Сноуден вынужден обстоятельствами обратиться к России. Не могу ждать окончания этой истории, а надо бы.

Итак, 2001 год. Непосредственным поводом для моего недовольства своим положением в обстановке возрастающего недоверия со стороны районной администрации послужила бессовестная травля умнейшего директора гимназии «Дмитров» А.В. Курбатовой, заслуженного учителя РФ, группой местных клерикалов, почему-то поддержанная Главой района. И когда группа наиболее возмущенных о

себе школьных директоров обратилась к В.В. Гаврилову (милые мои, я о вашем «подкопе» знал доподлинно и сразу же), я пришел к Валерию Васильевичу с заявлением: «Не надо искать повода для моего увольнения, вот мое заявление об уходе по собственному желанию».

В Управлении образования меня сменила Т.Н. Ткачева. Несколько торжественных слов и рукопожатий на районном совещании руководителей завершили мою карьеру в системе просвещения и в Дмитровском районе, и вообще в течение 32 лет с перерывами на длительные заграничные командировки.

В ожидании своего ухода из Управления образования я съездил в Сходню, где располагается РМАТ, и заручился заверениями ректора о безусловном приеме на работу в академию. Мне определили заведование только что открывающейся кафедрой менеджмента региональных программ туризма в самой академии и преподавание ряда дисциплин в ее Дмитровском филиале, меня избрали также в некоторые академические органы. Впоследствии в ходе ряда организационных изменений я закрепился в штате ДФ РМАТ, поменяв последовательно несколько конкретных должностей. За этот период принял участие в нескольких научных и научно-методических конференциях – международных, академических и межвузовских – и редактировал их научные сборники, наладил выпуск Трудов ДФ РМАТ и редактировал их. Сам опубликовал более 20 работ по туристике, проблемам профессионального образования в туризме, по философии туризма и менеджменту туризма.

В связи со вполне понятной ограниченностью штатов ДФ РМАТ пришлось преподавать (в порядке их появления в учебном плане и наличия или отсутствия более квалифицированных преподавателей по конкретным дисциплинам) английский язык, философию, основы менеджмента, управление персоналом, политологию, дмитрововедение. Не многовато ли?

Часть из них (философию, политологию, основы менеджмента) действительно пришлось осваивать сначала самому, и в этом мне помогал довольно обширный практический опыт. Как-то в разговоре одной бывшей студенткой она, как ни странно, особо отозвалась именно о моих лекциях и семинарах по философии, чего я уж никак не ожидал. А учил я их, прежде всего, желанию осмысливать суть и предназначение явлений, их связь с текущей практикой, а не запоминать бесконечные даты и имена.

А поскольку их хлебом не корми, дай изложить свое мнение обо всем на свете, я заставлял их это мнение обосновывать, опираясь на некоторые законы мышления (диалектику), и, в результате, они обнаруживали, что тоже причастны к философии – любви к мудрости.

В политологии я использовал тот же метод и учил студентов искать решение текущих политических проблем на основе проверенной историей теории управления общественными процессами, а не только уве-

рений сладких политиков. Учил также рассматривать историю не только как смену племен, династий, религий, общественно-политических формаций и господствующих классов (за последние два заявления прошу у друзей-марксистов прощения), а как смену поколений на фоне перераспределения власти, и в этом видеть подлинное назначение политики. Потому что их поколению тоже придется в ней участвовать.

Английский язык помогал учить студентов только основам языка на первых порах, на заочном отделении. Потом моих навыков разговорного общения стало мало, к тому же этой дисциплине в учебном плане уделялось столько времени, что нам стал нужен отдельный преподаватель.

И пришла И.Н. Ганынина (я посетил ее занятие как заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и пришел к мнению, что за нею не требуется никакого надзора, кроме документального контроля). Ныне она руководит ДФ РМАТ.

Попутно много сотрудничал с дмитровскими краеведами – Отличниками народного просвещения РСФСР А.Ф. Тягачевым и Л.А. Ивановой, Заслуженным учителем России А.В. Аркадьевой, художником В.С. Купцовым, научными сотрудниками краеведческого музея Н.В. Табуновой и Т.Д. Шолоховой, генеральным директором музея И.В. Кишкиным, бывшим капитаном атомной подлодки В.Н. Копцевым, председателем Дмитровского объединения жителей блокадного Ленинграда Р.В. Николаевой и другими. Помогал им писать краеведческие книги, рецензировал и редактировал около 10 из них, некоторые просто инициировал.

Почувствовав потребность самому поработать в краеведении и, тем не менее, не располагая временем для самостоятельных изысканий, предпринял сначала с разрешения Н.А. Кудиновой попытку составления каталога рукописного краеведческого фонда в музее. Не по заголовкам папок, а по названиям каждого отдельного документа в этих папках, с указанием авторов, объема, формы и т.д. (вот когда пришлось поработать с этими залежами). А затем по ее рекомендации и с ее участием сначала свел воедино все труды академика М.Н. Тихомирова (начинателя Музея Дмитровского края), касающиеся истории Дмитрова и содержащиеся в разрозненных источниках, создав специальный сборник, чтобы облегчить доступ к трудам знаменитого земляка краеведам, учащимся и учащим, студентам и преподающим, да всем интересующимся дмитрововедением (в ДФ РМАТ есть такая учебная дисциплина).

Затем увлекся и решил проделать то же в отношении ряда иных краеведческих материалов, до того содержащихся на полках литературного фонда музея, в газетных подшивках и потому практически недоступных массовому читателю, систематизировать их и поставить на полки массовых библиотек. Надо было разыскать эти материалы, отделить от не имеющего отношения к теме, отсканиро-

вать, распечатать переплести и передать в библиотеки (практически в сам литературный фонд музея, в студенческую учебную библиотеку ДФ РМАТ.

Так родилась серия под названием «Анналы краеведения». К настоящему времени с моим участием состоялось 10 выпусков:

1. М.Н. Тихомиров, О Дмитровском крае;
2. И.Ф. Токмаков, Историко-статистическое и археологическое описание города Дмитрова (Московской губернии) с уездом и святынями, 1893;
3. А.В. Погожев, Санитарное исследование фабричных заведений Дмитровского уезда, 1883;
4. Г.М. Лаппо, Город Дмитров Московской области. Экономико-географическая характеристика, 1953;
5. А.И. Елизарова, Воспоминания моей жизни, 1956-1957;
6. Дмитровский уезд Московской губернии. Статистический сборник Дмитровского уездного исполнительного комитета. 1924;
7. Материалы тематических страниц «Краевед» газет «Путь Ильича» и «Дмитровский вестник», 1987 - 2004;
8. Д.А. Бутовецкий, Все, говорю я, было так, как было. Избранные краеведческие произведения;
9. Б.А. Гонсовский, Дмитров, история и будущее. Труды по краеведению, 1949-1950;
10. И.Н. Курышев, Жила бы страна родная. Рассказы по истории Дмитровской районной организации ВЛКСМ.

Причем только именно последняя работа - исключительно моя; она была написана в 2009 году к 90-летию ВЛКСМ и Дмитровской организации комсомола (название взято у А.Н. Пахмутовой из «Песни о тревожной молодости» ровно 50-летней давности) и на средства ветеранов комсомола вышла отдельным изданием в Дмитровском издательстве «Вести» в 2010 году. (Интересно, что самый значительный, если не основной, взнос поступил от какой-то моей бывшей ученицы и вроде бы вдовы другого бывшего ученика – ее нынешнее имя мне ничего не сказало, а каково отношение она имеет ко мне, друзья-комсомольцы не раскрывают).

Главным моим делом на этом поприще стал поиск трудов старейшего дмитровского краеведа, давно покойного В.Е. Каплина. Пришлось не только поднять с полок его рукописи и машинописные работы по истории селений Дмитровского района, но и искать его в самых неожиданных местах, хотя описания селений некоторых сельсоветов найти так и не удалось, а потом отсканировать машинописные тексты, вставить рукописные авторские правки, оставшиеся в рукописи работы заново набрать на компьютере. Так появился трехтомный сборник, оформленный как 11-й выпуск «Анналов краеведения».

Великий труд краеведа-яхромчанина, и я рад, что принял в нем участие. Замечательно мне помогали сотрудники Центральной рай-

онной библиотеки, больше других – ее Центра краеведения во главе с В.И. Комаровой.

В общем, если не трудами по краеведению, то хотя бы усилиями по его продвижению в читательские массы я плачу свой долг Дмитрову, с которым прочно связал свою жизнь и трудовую деятельность.

Несмотря на то, что пришлось много поездить и многое повидать, во многом и поучаствовать, искренне привязался к этому древнему краю.

Здесь протекала моя семейная жизнь, у нас двое заботливых детей и пока четверо потрясающих внуков. Здесь я жил – сначала в общежитиях завода фрезерных станков и экскаваторного завода, шефствовавших над школами, в которых я трудился.

Потом при содействии 2-го секретаря ГК КПСС В.А. Новоселова в 1968 году получил 11-метровую комнату с подселением на ул. Космонавтов. Учителя 2-й школы подарили мне на следующий день рождения теплое верблюжье одеяло и не без ехидства намекнули, что оно двуспальное, так что уже в августе пришлось жениться.

После рождения дочери в 11-метровке стало тесно, и мы в самые последние дни 1976 года переехали на Внуковскую улицу (так не терпелось, что въехали в квартиру без электричества, воды и газа, выручали соседи, да и мебели почти никакой, и немногочисленным гостям пришлось спать на полу). Потом, когда родился сын, а дочь вышла замуж и стала с мужем и своей дочкой жить у нас, по горсоветовской очереди, не упраздненной после ликвидации самого Совета в 1993 году, заботами той же З.С. Орловой, получили квартиру в новом микрорайоне Махалина, которую тут же отдали молодой семье дочери. И наконец, в 2001 году Глава района В.В. Гаврилов подарил 17 ветеранам-педагогам по-новому благоустроенные квартиры, одна из которых, по ул. Оборонной, подарена Л.Н. Курышевой. В ней мы теперь и живем.

По инициативе Н.И. Винокуровой получил в 80-х годах в составе учителей Внуковской средней школы небольшой участок земли на окраине села Внукова под сад и огород, который начали активно устраивать (это так близко!), и который помогал нам справиться с продовольственными трудностями 90-х годов. В 1991 году в составе горкомовского коллектива получил участок побольше в деревне Думино, но он оказался неудобен в транспортном отношении и использовался хуже.

Не могу не упомянуть, как с коллективом Центральной районной библиотеки удалось побывать в паре экскурсионных поездок. Одна из них – в очаровавшее тишиной Поленово.

Другая – в город Мышкин. По ТВ часто бывают сюжеты об их Музее мыши. Слов нет, это замечательная находка патриотов города, разыгрывающая само название города. Гораздо важнее то, как местные краеведы делают свое патриотическое дело: организовали в большом

старинном деревянном городском доме потрясший меня краеведческий музей с обилием подлинной мебели, посуды, предметов городского быта из личных чуланов и сундуков, старинных книг, журналов, газет, гравюр, картин. И все это с любовью сохранено, выставлено в тесноте общественного музея и с любовью рассказано посетителям. Во дворе теснятся образцы старинной и просто старой транспортной техники, действующая домовая кузница, в работе которой посетители сами могут поучаствовать. В городе можно посетить и более крупную кузницу, в которой при тебе выкуют железную розу или чугунную решетку. Есть сапоговаляльное заведение и даже музей валенок, стилизованные под старину трактиры, пункты питания туристов, причал для туристских теплоходов - в общем, развивающийся современный город выставил свою историю во всей красе и гордится ею. Что мешает и Дмитрову делать то же?

В 2005 году у меня случился первый инсульт, был частично парализован и около месяца провел на больничной койке. Не могу не отметить, что в этом положении моими первыми посетителями, кроме, естественно, родственников, оказались директора сельских школ Н.И. Винокурова, Л.П. Савкевич, А.Е. Масленникова, явившиеся прямо с районного совещания директоров. Из инсульта меня вытащила врач-невролог Галина Юрьевна Гусева, неоднократно и дальше помогавшая мне преодолеть болезнь.

В 2010 году Вера Архипенко отыскала в Интернете Алексея Курышева, тот признался, что он сын И.Н. Курышева, и так мы в конце июля оказались в Белоруссии, в городе Осиповичи, и встретились со старыми друзьями по танзанийским командировкам, семьей Архипенко. Вот так встреча через 30 лет! За два дня еле наговорились. Было что вспомнить про наше пребывание в Африке. Витька за это время стал уже не Витькой, а майором милиции, начальником районного угрозыска, Вера стала бабушкой и жила в Минске. Погостили и на их садовом участке, поели свежей зелени и обязательно в таких случаях шашлыка, попили замечательного белорусского бальзама. Посмотрели город, заметили чистоту на улицах (как и вообще в Белоруссии, вдоль дорог даже трава вся скошена и убрана, чтобы не гнила), отсутствие пьяных и торговцев не белорусского вида на рынках. Порядок! Вот тебе и «Батяка» Лукашенко!

Вернемся в Дмитров. В последнее время занялся разбором своего архива и всяких разностей, передавая часть книг, документов и артефактов музею-заповеднику (для их фонда создается и эта расширенная автобиография). Тем более что музей-заповедник обратился в районной газете с призывом пополнять их коллекции новыми материалами по истории советского периода, а то создается впечатление, что этого периода в истории Дмитрова нет совсем.

Жаль только, что машинописные и обработанные компьютером тексты плохо сохраняются, сыпятся, как говорят архивисты, и потому не подлежат длительному архивному хранению (не в пример рукописным чернильным и даже карандашным записям). Подавай им печатные в типографии работы. Даже файлы на компьютерных дисках вроде бы не годятся. Как же быть, переписывать этот документ чернилами с гусиным пером?

Остается надеяться, что в ближайшее же время найдут-таки способ сохранения и этих документов. Иначе пропала современная история.

Казалось, с переходом в РМАТ моя жизнь вступила в стадию расцвета (по теории О. Шпенглера). Но когда в 2005 году, в силу некоторых личных обстоятельств, со мной случился инсульт, в больницу я попал запоздало, но усилиями Г.Ю. Гусевой дело ограничилось только парализацией левых руки и ноги, хромотой и поражением речи, усиливавшимися со временем. Неоднократная санаторная реабилитация и регулярные курсы в режиме дневного стационара волшебных результатов не давали, и мне, в конце концов, определили 3-ю (теперь 2-ю) группу инвалидности. Так что в мае 2010 года я простился с филиалом РМАТ и окончательно вышел на пенсию.

Это касается педагогической нагрузки в академии, что же касается сотрудничества с Музеем-заповедником и Центром краеведения центральной библиотеки, то посильную помощь продолжаю. Передал городскому музею большую часть книг и других материалов, имеющих отношение к краеведению, с этой же целью написал эти записки и сборник трудов студентов и преподавателей ДФ РМАТ по краеведческой тематике.

Это делает мое существование на данном этапе жизни хоть как-то оправданным. Если кто-то из собеседников говорит, что, мол, главное - беречь здоровье, я возражаю: «Думаете, когда кому-то придет в голову вспомнить меня, то неужели он будет говорить, какие у меня были прекрасные анализы? Нет, ему вспомнятся мои слова, дела и поступки. Вот это самое главное». А здоровье - важнейшее условие для достойного осуществления этого главного в жизни.

Что же касается здоровья, то после первого инсульта мне пришлось быть на обследовании и консультации в московском Центре неврологии, по результатам которых оказалось, что инсультных нарушений мозга к тому времени у меня было уже несколько. Не удивительно: в моей жизни случалось немало событий, которые не могли не сказаться на этом отражающем все передраги органе. Заодно привел в безобразный, но все-таки относительный порядок свои собрания (коллекциями в настоящем смысле я их назвать не могу) своих почтовых марок и значков, начатые еще в интернатские годы.

Пока позволяло здоровье, участвовал в общественной жизни города - посещал собрания Клуба творческой интеллигенции «Братина», одним из учредителей и вице-президентом которого был, общался с

членами секции ветеранов комсомола районного Совета ветеранов, посещал мероприятия Клуба краеведов и клуба филателистов при Музее-заповеднике. С удовольствием ездил во Внуковскую школу на проводимые там конференции сельских школьников, участвующих в исследовательских проектах.

Не все принимаю в современной России. Во всем царит разнузданный либерализм, породивший вседозволенность богатых и властвующих за счет абсолютного большинства, с его «культом индивидуализма и максимального приобщения к жизненным благам».

Производители и торговцы травят население фальсифицированными продуктами и даже лекарствами при откровенном попустительстве властей.

Насаждается власть денег, во всех сферах главенство прибыли, а не здоровья людей и сбережения нации. Развилась какая-то особая, «генномодифицированная» демократия, примером которой явился не скрываемый «междусобойчик» в высших эшелонах власти.

От самих местных «единоросов» слышал (они не скрывали от меня, потому что знаем друг друга уже давно и можем быть откровенными), что их записывали в партию по списку из бухгалтерии. Не случайно такая правящая партия стала обнаруживать, что не так уж безоговорочно популярна в народе, как привыкла провозглашать, и ищет поддержки у всяких там Общественных палат, Народных фронтов и прочих суррогатов, не предусмотренных Конституцией РФ, которая для этих целей предусмотрела парламент. Не набираемый партийной верхушкой из числа фигуристов и певичек, а избираемый народом из числа ответственных его представителей. При условии, если сами выборы пройдут по-честному, без навязанных избирателям комиссий и административного контроля.

В этой связи хочется привести один пример из собственной практики. В преддверии каких-то очередных муниципальных выборов я с ведома руководства ДФ РМАТ пригласил своих студентов поучаствовать в качестве наблюдателей на избирательных участках – от КППРФ, к составлению списков которой я имел доступ, другие партии вряд ли допустили бы меня к этому процессу. Цель – дать студентам возможность на практике увидеть процесс голосования (а им придется организовывать разного рода выборы в своей будущей работе), оценить его чистоту и предостеречь от возможных фальсификаций. Отличная была бы практика. Причем само их присутствие на участке в день голосования исключает возможность агитации за любую партию, включая КППРФ, об этом их специально предупредил.

Откликнулось человек 30. Назавтра часть из них отказались под влиянием родителей, под благовидными предложениями запретивших детям играть в команде компартии. Это не было неожиданностью, такая была общественная обстановка. Неожиданности наступили еще через пару дней: наши списки были представлены в территориаль-

ную (районную) избирательную комиссию, от них в администрацию района, нашего директора вызвали на ковер и выговорили за привлечение студентов к наблюдению за ходом голосования, и вообще надо бы этого Курышева привести в порядок, чтобы не портил молодежь своими коммунистическими идеями.

И.В. Кишкин оказался умнее присутствовавших в кабинете деятелей администрации и никаких мер принимать не собирался, но звонки с увещеваниями и даже угрозами стали поступать студентам и их родителям на дом. В результате в списке осталось человек 10-12, которые довели дело до конца. Могу еще сказать, что всех вышеозначенных деятелей я знал лично и давно, и все были прежде функционерами КПСС.

Удручает обезкультуривание народа, никем не контролируемое надругательство над русским языком в печатных и электронных СМИ, морально-нравственная деградация, особенно в среде неокрепшей молодежи, растущая бездуховность части населения. Дело дошло до матерщины на сценах ведущих театров, рок-концертов и корпоративных вечеринок в Храме Христа Спасителя, откровенная пошлость в некоторых программах телевидения даже в исполнении некоторых, потерявших стыд, народных артистов России.

Напрягает нынешнее «компьютерное поколение», заменившее чтение великих книг, знакомство с моральными и патриотическими ценностями, личное общение с окружающими людьми интернет-общением, готовностью к навязываемому всеильными «контактами» и прочими «социальными сетями» массовому мнению вместо личного обдумывания жизненной ситуации. А экспоненциальный рост скорости обработки и передачи информации приводит к отсутствию самой возможности, да и необходимости что-либо лично и точно рассмотреть и понять – к т.н. клиповому сознанию. С этой чумой XXI века еще предстоит побороться.

Поражают изощренная преступность, разгул коррупции, всевластие чиновничества, неконтролируемый наплыв наглеющих гастарбайтеров.

Что же касается дмитровских проблем, то меня с некоторых пор как специалиста по туризму тревожит явно однобокое развитие этой сферы, невнимание к другим видам туризма, кроме спортивного.

На глазах на потребу очередным торгово-развлекательным центрам разрушается характерная для провинциального Дмитрова инфраструктура (снова приведу пример Мышкина). А ведь шопинг-туризм Дмитрову не грозит – не за покупками же и развлечениями поедут туристы в наш город. Спросите у современной дмитровской публики (даже не только молодой), что стало со знаменитым в истории города домом с каланчой, где располагались первый Дмитровский кинотеатр «Экран», карауловский хлебный магазин, суходаевский ресторан,

где была казарма Дмитровского железнодорожного батальона, в котором служил и из которого взят жандармами стойкий большевик Семенюк... В большинстве случаев вас спросят, а кто это такие и чем они отметились в Дмитровской истории. Тревожно как-то это.

Не оставлял своего членства в КПРФ, в которой состою с 1966 года – в том числе, может, в знак протеста. Ну не позволяют мои политические взгляды полностью принять нынешний режим, хотя, конечно, он – великий шаг по сравнению с ельцинским маразмом.

Искренне желаю моим товарищам по КПРФ избежать явного старения рядов (хотя за последние годы ее состав заметно пополняется), пора прекратить опору на пожилую часть, ориентирующуюся не на коммунизм, а на ее отжившую и извращенную версию – сталинизм.

Общаясь с иностранцами, даже явной социалистической ориентации, я каждый раз отмечал их неприятие двойкой сути сталинщины - с одной стороны, пропаганда неоспоримого превосходства социализма и забота о благе трудового народа, с другой – осознанное и планомерное (настаиваю на обоих определениях) истребление этого самого народа.

Пора заменить и самого лидера. Где-то в верхушечной части партии зреют новые кадры, но народу они не видны. В этом смысле КПРФ повторяет одну из основных ошибок КПСС, не оставлявших массам необходимости хоть что-то решать самим, без указующей роли партии, что и обусловило потрясшую бездеятельность народа в событиях 1991 года. Хотя доклад Г.А. Зюганова на последнем, XV съезде партии мне понравился.

Не стоило бы поддаваться напору церкви (говоря словами В.И. Ленина, заигрыванию с боженькой). Я убежденный атеист, хотя, наверняка, и был в младенчестве крещен.

Роль православия в российской истории и культуре очевидна. Но не оно определяет вектор современного развития России. Не могу принять и демонстративную, показную религиозность некоторых современных отцов общества.

Многие их тех, с которыми мне приходилось сталкиваться по жизни, платят мне хорошей памятью о моих делах. Я уже упоминал визиты в больничные палаты при известиях о моих хворях. Сейчас, когда по семейным обстоятельствам я был вынужден временно и неожиданно надолго поселиться у дочери в другом городе, по Дмитрову пошли тревожные звонки: «Где Курышев? Что с ним?» Друзья наши-таки меня через пару месяцев (первой разыскала по телефону Н.И. Винокурова, по возвращению в Дмитров – Л.Г. Коргина) и немного успокоили друг друга. А одна моя бывшая студентка при упоминании одной только фамилии нашей невестки Ольги при обсуждении некоего бытового вопроса немедленно согласилась с ее предложениями.

Больше всего меня удивило, как один мой давнишний дмитровский ученик Борис Яковлев, работая на какой-то московской выставке, встретил группу посетителей из Танзании, в том числе посла этой страны г-на Мвамби, и не преминул похвастаться, что один его учитель тоже работал в Танзании. А когда господин посол попросил назвать фамилию, оживился, вручил свою визитную карточку для передачи мне и захотел наладить контакт со мной. Борис ухитрился найти через Интернет нашу дочь, зарегистрированную среди одноклассников, (ясное дело, под своей школьной (отцовской) фамилией), и передал через нее адрес электронной почты моего нового старого знакомого.

Обменялись e-мейлами. Оказалось, он сам у меня не учился, но это имя русского учителя было довольно распространено в Танзании в некоторых кругах. Перевожу это из письма господина Мвамби, теперь посла в отставке, уже из Танзании.

А на днях мне в день рождения позвонили, кроме многочисленных родственников, наш давний друг по африканским скитаниям Л. Архипенко, ветеран Дмитровского просвещения Б.А. Рылько, ветераны партии и комсомола В.И. Винокуров, Л.Г. Коргина и М.Н. Чижова, коллеги по ДФ РМАТ Т.Г. Спиридонова и Ф.К. Мирзоян, директор одной сельской школы А.Е. Маслобойщикова. А бывшие директора двух дмитровских школ, заслуженные учителя России Н.И. Виноградова и Л.Д. Гаврикова посетили нас с Людмилой Николаевной и принесли подарков. В общем, помнят люди, спасибо им всем.

Два года назад меня просто взволновал звонок В.В. Гаврилова, когда ему кто-то рассказал о состоянии моего здоровья. Он сказал просто и по-дружески: «Слушай, чем я могу тебе помочь?» И привел в действие свои московские связи для устройства в знаменитую московскую больницу. Сложилось так, что мне не пришлось с нее лечь, но этот звонок многого стоит.

А ведь наши жизненные обстоятельства сложились так, что такая его забота обо мне была для меня неожиданностью.

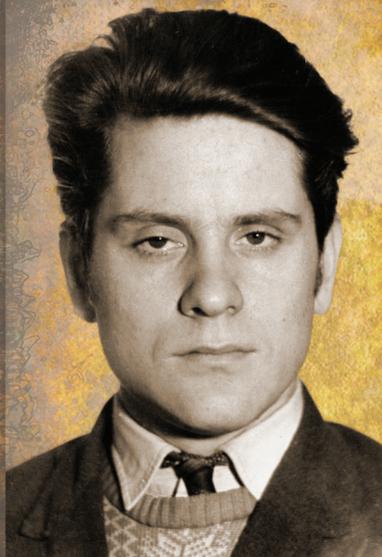
Я знаю Валерия Гаврилова с 1970-х годов, когда увидел его (пусть простит меня за эту деталь) в парилке – распаренного, крепкого парня. Он был тогда молодым строителем, бригадиром комсомольско-молодежной строительной бригады.

Потом работал в ГК КПСС, исполкоме горсовета и в конце концов много лет неизменно возглавлял районную администрацию при всех ее многочисленных реорганизациях.

Мне всегда этот человек был симпатичен своей энергией, хотя и не со всеми его решениями я был согласен, особенно с тем, как он изменился в условиях утвердившегося политического режима.

Но говорят же: «С волками жить - по-волчьи выть».

Впрочем, эту пословицу можно применить и ко мне самому, и вы найдете в моем повествовании немало этому подтверждений.

Игорь Николаевич Курышев (1944 – 2017) - известный педагог, организатор народного образования.

Родился в 1944 году в Архангельской области.

В 1967 году окончил физико-математический факультет Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской.

Работал директором Дмитровской школы №2, инспектором школ, заместителем заведующего, а с 1988 года — заведующим городским отделом народного образования исполкома Дмитровского горсовета народных депутатов.

С 1998 года - начальник управления образования администрации Дмитровского района. В 1990 году избирался секретарем Дмитровского горкома партии. После разгрома в России компартии работал помощником председателя Совета народных депутатов, а затем в комитете по делам молодежи администрации Дмитровского района.

Неоднократно выезжал в заграничные командировки для оказания помощи в развитии образования. В Объединенной республике Танзания (1972-1975 и 1979-1981) преподавал физику, составил пособие по лабораторной физике, участвовал в создании национальной программы по физике и инженерной науке. Был тренером сборной команды области по баскетболу, которая дважды выиграла чемпионат Танзании.

В 1983 году ЮНЕСКО командировала Курышева И.Н. в Афганистан, где он работал консультантом министра образования.

Кандидат педагогических наук, с 2000 года - заведующий кафедрой Российской международной Академии туризма, профессор РМАТ.